

И. Ефремов

ЮРТА ВОРОНА

И. Ефремов

ЮРТА ВОРОНА

И. Ефремов
**ЮРТА
ВОРОНА**

*Издательство ИК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1960*

Художник И. УШАКОВ

ЮРТА ВОРОНА (ХЮНДУСТЫЙН ЭГ)

*Посвящается
инженеру А. В. Селиванову*

Тоздня тувинская весна уступала место лету. Койка стояла у западного окна полупустой палаты. Солнце глядело сюда с каждым днем дольше. Новенькая больница белела свежим деревом, сладковатый аромат лиственничной смолы проникал всюду — им пахли подушки, одеяло и даже хлеб.

Инженер Александров лежал, отвернувшись к окну, глядя сквозь прозрачную черноту металлической сетки на голубые дали лесистых сопок и слушающая глухой шум влажного весеннего ветра.

Четыре дня назад здесь побывал знаменитый

хирург из Красноярска и погасил последний огонек надежды, еще теплившийся у Александра после полугода страданий. Никогда больше крепкие ноги с широкими ступнями, с узлами верных мышц не понесут его по горам и болотам, через бурелом и каменные россыпи к заманчивым и непостоянным целям геолога, на поиски новых горных богатств. Так сказал хирург после изучения рентгеновских снимков, мучительных осмотров и совещаний с местными врачами. Александр и сам это чувствовал, доверяя врачам больницы и вызванному из Кызыла специалисту — невропатологу. Но человеческая вера в необычайное неистребима и... почему бы известному хирургу не знать нечто новое, только что открытое, что смогло бы вернуть его неподвижным, расслабленным, как тряпка, ногам былую неутомимую силу?..

Хирург — небольшой, быстрый, суховатый, с острым лицом и острым взглядом — не понравился геологу. Может быть, потому, что, прощупывая позвоночник и сверяясь со снимками, которые высоко поднимал, закидывая голову с вызывающе торчавшим подбородком, хирург вяло спросил стандартными «докторскими» словами:

— И как это вас угораздило?

Александр, скрывая раздражение, рассказал, как он осенью проверял разведку интересного месторождения, увлекся и забыл, что запоздалые проливные дожди размочили пласт мылкой глины в старом шурфе. Туда ему понадобилось спуститься испытанным горняцким способом — в расклинку. Но глина подвела, и он рухнул на дно шурфа, на глубину двадцать два метра, сломав ноги и переломив позвоночник.

Геолог повторял эту историю уже много раз и говорил сухо и равнодушно, как будто речь шла о ком-то совершенно ему безразличном. Он лишь не мог вспоминать о пережитом ужасе на мокром и темном дне шурфа, когда, очнувшись, он понял, что ноги у него парализованы и сломана спина. При этом воспоминании он и сейчас содрогнулся. Хирург,

положив ему на плечо твердую руку, тем же «докторским» тоном посоветовал не волноваться.

— Давно перестал, — с досадой ответил геолог, — только зачем вы расспрашиваете? Я вижу, что вам неинтересно.

— А я не для праздного интереса, — сухо возразил хирург. — Мы, врачи, не должны упускать ни малейшей подробности, когда даем ответственное заключение. Вы понимаете, к чему я вас должен приговорить?

Александрову стало жарко.

— Кое-что с годами восстановится, — продолжал, помолчав, хирург, — но ходить не придется... А мне нужно, чтобы вы ходили, и потому каждая деталь важна, даже то, в каком настроении вы упали, да, не удивляйтесь. Если, например, вы просто свалились на улице, оступившись, но бодрый, подтянутый, с крепкими мускулами — ничего не случится. Но если в тот момент вы шли удрученный, больной, расслабленный — грохнулись, как дрова, — вот, по пословице, много дров и получится. И чтобы разбираться во внутренних повреждениях, наблюдать заживление которых трудно, то ваше состояние в момент падения немаловажно.

— Ну, так я именно свалился, а не грохнулся, а бодрости было — хоть отбавляй! Вспомнил вдруг, что этот сорок первый шурф пересек край порфириновой дайки и поспешил за контрольным образцом... проверить свою догадку!

— Так, так! А лет вам сколько?

— Сорок один.

— Ого, сорок один год и шурф тоже сорок первый — для суеверного человека тут...

— А я не суеверен! — ответил геолог с едкой насмешкой, встретил проницательный взгляд врача и понял, что хирург изучает его психологически, вероятно чтобы убедиться в отсутствии мнительности или истерии. Александрову стало неловко, и он угрюмо отвернулся.

В последующие два дня повторялись рентген, спинномозговая пункция, надоевшие поиски чувст-

вительных точек на пояснице и омерзительно недвижных ногах. Настал час, который запомнился геологу на всю жизнь. Хирург пришел вместе с тремя врачами больницы. Низко склонясь над распростертым на спине геологом, он взял его за руку. Александров почувствовал, что рука хирурга чуть заметно дрожит. Сердце замерло в ощущении неправимого. Как ни готовился геолог к этому удару, он оказался слишком тяжел. Ему пришлось долго лежать, отвернувшись к окну, борясь с душившим его комом в горле, а четверо врачей молча сидели, избегая взглядов друг друга.

— И это... навсегда? — еле слышно произнес геолог.

— Я не могу вас обманывать, — угрюмо сказал хирург, — однако наука развивается сейчас быстро! Мы спасаем от таких болезней, в которые двадцать лет назад даже не смели вмешиваться...

— Двадцать лет... — беззвучно шепнул Александров, но хирург расслышал.

— Почему обязательно двадцать, может быть пять? Но если вы хотите — мы отправим вас в Москву, в институт Бурденко...

— Вы же считаете это напрасным, я вижу.

— Собственно, да! Операция и повторная операция были проведены правильно. Повреждение нервного ствола — куда денешься, если раздроблен один позвонок и второй сместился. Счастье еще, что так! Одним позвонком выше и... вряд ли бы удалось вас спасти!

— Счастье? — звенящим от боли голосом спросил геолог. — Вы считаете — это счастье?

Врачи переглянулись, и тотчас за ними возникла медсестра со шприцем в руках. Оглушенный морфием, Александров смирился.

И теперь улетел хирург и с ним все бывшие надежды. Геолог молча лежал, пытаясь найти свое место в жизни, которая предстояла ему. Точно громадная пропасть отделила от него прежний мир увлекательного и нелегкого труда, уверенной силы ума и тела в борьбе с бесчисленными препятствия-

ми, радости мелких и крупных побед, огорчений и последующих утешений, жизни, согласной с природой человека и природой сурового таежного края, поэтому полной и здоровой. Никогда Александров не задавался мыслями о перемене профессии — она была интересна и в голых горах Средней Азии, и в болотистых лесах Якутии, или здесь, в Туве, где он закрепился еще до войны. Он был прирожденным геологом, полевым исследователем и так упорно отказывался от всех предложений переехать в крупный центр и занять руководящий пост, как надлежало ему по опыту и заслугам, что начальство перестало его тревожить.

И вдруг нелепый случай, неверный расчет, один миг отчаянной борьбы, и вот шестой месяц он лежит на койке и никак не может привыкнуть к своей ужасной беспомощности, к нечувствительным, неподвижным ногам. Испытанные верные друзья — ноги... Какие они жалкие, как беспомощно волочатся они мертвым грузом, когда он учится ходить! Нет, кошунство назвать это ползание на костылях ходьбой! И это будет всегда, до конца жизни, если то, что будет дальше, можно назвать жизнью. Жизнь, которая хуже смерти... хуже смерти! Как найти в ней себя?

Его утешали примером Николая Островского. Действительно, положение этого стального коммуниста было гораздо тяжелее. Слепой, с окостеневшими неподвижными суставами, он боролся до конца и создал бессмертную книгу, а своим примером — неумирающий образ комсомольца-героя. Но Александров, простой геолог, был силен лишь в борьбе с природой выносливостью и сноровкой опытного путешественника. А на борьбу с ужасом вечной постели, с ничем не чувствующими, точно чужими ногами у него не хватало мужества. Нет никакой зацепки, опоры, будто летит он в черноту бездны и нет ей конца! Написать книгу — о чем? Даже если бы у него вдруг оказался талант, его жизнь так же проста, как у многих сотен тысяч жителей Сибири. Хорошо было Николаю Островскому,

вся жизнь которого — непрерывный революционный подвиг. Впрочем, как это хорошо? Что за глупость лезет в голову — слепота, что могло быть страшнее для него, сильного, жизнелюбивого человека!..

Стискивая зубы, Александров старался прервать думы, клубок которых ощутимо душил, давил его. Не мигая, геолог смотрел в окно, гипнотизируя себя видом меркнувшей на закате горной дали и, наконец, заснул.

Александров очнулся в сумерках и почувствовал присутствие жены. Почти каждый день в эти бесконечные полгода, едва окончив работу, Люда прибегала сюда, сидела у его изголовья, страдающая и молчаливая.

Веселая и здоровая, ярая спортсменка, Люда привыкла на все в мире смотреть с уверенным эгоизмом красивой молодости. Она оказалась совсем не подготовленной к удару, поразившему ее умного и сильного друга — мужа и удачное до сей поры существование — успешную геологическую работу, любовь к быстрым и легким переменам. Катастрофа надломилась ее. Люда растерялась, не зная, как лучше ей поддержать любимого в тяжелом несчастье. Проливая потоки слез от жалости к нему и к себе, она продолжала искать в нем прежнюю верную опору, не ощущая или не понимая, что он нуждается или в уверенной поддержке, или хотя бы в покое от ее страданий и забот. Люда мучилась сама и терзала мужа, полного острой жалости к своей подруге, хорошей и верной, только лишь оказавшейся неумелой и слабой в час испытания. Но постепенно геолог привык к тому, что Люда приходила то наигранно-бодрая, невольно раздражавшая его своим цветущим здоровьем, то печальная, очевидно решив, что показная бодрость не дает нужного результата и лучше быть самой собой. И сейчас она тихо сидела на белом табурете, не сводя грустных голубых глаз с постаревшего лица мужа.

Александрову не хотелось расставаться со сновидением. Он увидел себя молодым студентом третьего курса, приехавшим на Урал для геологической

съемки. Неутомимо лазал он по обрывам холодной Чусовой, ночевал или прямо на берегу реки, или поднимался по шатким лестницам на душистые сеновалы. Засыпал накрепко, полный беспричинной радости и ожидания всего интересного, что обещал ему следующий день. Хозяйки встречали его приветливо, пригожие девушки улыбались, когда усталый он появлялся в той или другой деревне, прося ночлега и пищи. Захватывающе развертывалось перед ним давнее прошлое Уральских гор — тема его будущей дипломной работы. Как всегда бывает во сне, этот кусочек прошлой жизни казался особенно легким, светлым, и он отчаянно цеплялся за него, чтобы не очутиться в безрадостном настоящем.

Жена встревожилась, коснулась губами его лба, определяя жар, и шепнула осторожно:

— Что с тобой, мой Кир?

Юной практиканткой Люда приехала в его партию. Александров показался Люде похожим на древнего владыку и тайно назывался царем Киром. Прозвище сделалось нежным именем мужа.

Александров ответил, не разжимая век:

— Я видел хороший сон, — тоска заставила дрогнуть его голос, — как будто я молодой и лазаю по обрывам Чусовой и брожу сам по себе от села до села и... — геолог умолк и лежал молча, не глядя на жену, слыша лишь ее учатившееся дыхание.

Слеза капнула на подушку рядом с его ухом, потом и на ухо. Жалость, горькая в своей беспомощности, стеснила его грудь. Александров открыл глаза и положил руку на плечо жены.

— Не плачь, мне было хорошо. Почаще видеть сны и подольше бы спать — время шло бы скорее...

Люда заплакала навзрыд, и он смущенно улыбнулся.

— Ну вот, хотел тебя утешить, а ты — что ж? Кстати, я сегодня думал о тебе и...

Жена настороженно выпрямилась, утирая слезы.

— Я никуда не поеду, я тебе сказала раз навсегда.

— Если ты хочешь, чтобы мне было еще тяжелее, — безжалостно сказал Александров. — Надеяться больше не на что. Перевезешь меня домой, Феня будет присматривать, а я... учиться жить по-новому. Время уходит, твоя партия в поле, и ты теряешь драгоценные дни! Нечего скрывать, я ведь знаю, что в этом году надо защищать запасы твоего Чамбэ, разведки которого ты добивалась шесть лет...

Люда упрямо мотала головой, всем видом показывая, что не хочет слушать.

Александров рассердился.

— Смотри, я ведь могу и прогнать тебя!

— Нет! Я уеду, но не сейчас. А сейчас я нужна тебе. Ты еще должен поехать в санаторий под Кызылом...

— Нужен мне этот санаторий!

— Только для перемены обстановки, милый! Уйти от всего, что здесь выстрадано, найти себя снова...

— Меня, геолога Кирилла Александрова, уже полгода как нет и не будет больше... не будет и твоего Кира, таежного владыки. Оба умерли, будет теперь кто-то другой, обитающий в четырех стенах...

Люда резким движением откинула со лба волосы.

Дверь палаты распахнулась, и дюжие санитарки внесли носилки с больным. Сестра обогнала их при входе и приблизилась к койке Александрова.

— Не возражаете, если положим рядом с вами? Больной стал просить, как только узнал, что вы здесь.

— Кто это? Впрочем, конечно, не возражаю. У окон лучше!

С носилок поднялась голова с взлохмаченными седыми волосами.

— Кирилл Григорьевич, вот где пришлось встретиться!

— Фомин, Иван Иванович! Как хорошо! Но что же это с вами? — обрадованно и встревоженно воскликнул Александров.

— Со мной — малая беда, ревматизм одолел, — ответил старик, подпирая голову согнутой в локте рукой, — а вот с вами, я слышал, большая. Да, большая... Сколько мы не виделись, скоро уж лет двадцать?

— Двадцать, точно. Люда, это Иван Иванович Фомин, мой старый забойщик, с которым я сделал свои первые таежные экспедиции. Сразу же после окончания института...

— О, я много о вас слышала! Кирилл любит про вас вспоминать. Первая геологическая экспедиция — первая любовь!

Сестра сделала Люде знак, и та заторопилась.

— Ухожу! Действительно, поздно. Но сегодня я спокойней тебя оставляю.

Приветливые серые глаза старого горняка чем-то успокоили Люду.

* * *

— Это что же за специальность такая — забойщик? — спросил скептически молодой сосед по палате — радист, сломавший руку при падении с верхового оленя. — Шахтер, что ли, по углю или по руде?

— По старому счету — горняк на все руки: и по углю и по руде, хоть по соли, а золота-то не миновать стать! — весело ответил старик, с кряхтением поворачиваясь к собеседнику.

— На все руки — это хорошо, а разряд какой?

— Что тебе? — не понял Фомин.

— Разряд спрашиваю какой, ну, ставка тарифной сетки?

— Вот ты про что, — протянул старик. — Ставки бывали разные, и малые и большие, только интерес непременно большой.

— И много ты заработал с этого интереса — койку в больнице?

— Между прочим, и Ленинскую премию, — спокойно сказал Фомин.

— Как это Ленинскую? — остолбенел молодой радист. — За что это?

— Стало быть, есть за что, — не скрывая насмешки, ответил Фомин.

— Погодите-ка, Иван Иванович, — вмешался Александров, — я припомнил, читал в приказе по министерству. Вас представили к премии за открытие важного месторождения вместе с инженером, забыл, как его...

— Васильев, Семен Петрович. Это точно, мы с ним вместе!

— Пофартило, значит, в тайге, — с завистью сказал радист. — Конечно, горняку лучше, не то что нашему брату. Больше десятипроцентной надбавки не выслужишь!

— Фарт — не то слово, паря, — недовольно возразил забойщик. — Фарт — когда дуром наскочишь на шальное счастье. Как назвать его, если долго ищешь, ниточку найдешь, потеряешь, обратно найдешь, и так не один год. Да и не в тайге вовсе, на угольных шахтах это было!

Александров, по-настоящему заинтересованный, попросил Фомина рассказать, и старик охотно согласился.

— Встань-ка, паря, — обратился он к радисту, — да окошко отвори. Продух будет, я покурю тишком.

Старик молниеносно свернул самокрутку, чиркнул спичкой и выпустил густую струю дыма. Радист последовал его примеру, извлек из-под тюфяка измятую пачку сигарет и уселся на койку в ногах у Фомина. Тот поморщился и пробормотал:

— Сел бы ты, паря, лучше к себе...

— А чем я тебе помешаю? — оскорбился радист.

— Не то дело, паря, уважения в тебе к старшим нету: не спросясь — плюх на чужую койку. А мне с тобой панибратствовать ни к чему: еще невесть какой ты человек.

Молодой радист обиделся, отошел к окну и стал выдувать дым сквозь сетку, внося панику в ломящуюся снаружи тучу комаров. После утреннего обхода и процедур в больнице стало тихо. Во дворе негромко переговаривались няни.

— Рассказывать тут долго нечего, — начал Фомин, — утомился я от таежного поиска, ребята подросли, надо было учить их в хорошем месте. Словом, я вышел в жилуху и стал работать на угольных шахтах, да не год, не два, а девять кряду. Сначала вроде в тайге вольнее казалось, а потом по привычке, обзавелся домом, детей выучил и сам умнее стал — книжек-то побольше, чем в тайге, читать довелось. Кирилл Григорьевич знает: такая у меня манера — доходить до корня, везде интерес иметь, к чему, казалось бы, нашему брату и не положено. Узнал я много преудивительного: как столь давно, что и представить не можно, был по нашей земле сибирской климат вроде африканского и повсюду огромные болота, а в них леса, тайги нашей гуще. Росли тогда деревья скоро, пропадали тоже скоро, и гнили они тыщи лет. Торфа́ из них пласт за пластом впереслойку с глинами накладывались, прессовались, уплотнялись — так угли наши и получились. Сам я стал присматриваться к углю и находить то отпечатки невиданных листьев, как перья павлиньи, то стволы с корой точно в косую клетку, то плоды какие-то. Иногда встречались нам в подошве пласта высоченные пни с корнями, прямо в ряд стоят, будто заплот. А в кровле то рыбки попадутся, то покрупнее звери, вроде зубастые крокодилы, только коети расплюснуты, и тоже углем стали. Меня уж стали знать на шахте. Сначала смешки, горным шаманом прозвали, а потом стали мне диковины приносить и расспрашивать. Я, конечно, писал о находках в Академию наук, оттуда приезжал молодой парень. Видит-то плоховато, а все досконально знает, наперед говорит, что где должно быть. Подружился я с ученым, он мне книжки, опять же как приедет — лекции для всей шахты. Куда как интересней стало работать, как понимать начал я эту угольную геологию...

— За это и премию сгреб? — недоверчиво хмыкнул радист.

— Заполошный ты какой, — рассердился Фомин, — это я свой путь рассказываю, чтоб тебе лег-

че понять, откуда что взялось... Ну вот, пошел в эксплуатацию западный участок — там угли длиннопламенные, хороши для отопления, их в город больше брали. Заметил я, что уголь местами изменился. Конечно, ежели без внимания, то, как ни смотри, все такой же он. Знаешь, если длиннопламенный, то на изломе восковатый и не так в черноту ударяет, но и металлом не блестит, как сухой металлургический. Приметил я в угле светлые жилки, короткие и тоненькие совсем, иногда и частые. В котором слое словно сеткой подернуто. Этот уголь по всему западному участку, на втором и третьем горизонте, в разных лавах. Только слойки с жилками, где потоньше, а где и во весь пласт. Чем-то поманили меня эти светлые жилки, собрал я из всех забоев, нашел такие, что не как волоски или сосновые хвоинки, а будто тоненькие веревочки. Дознавался я, что это такое, да наш штейгер и начальник участка только мычали не телясь: бывает, мол, в угле всякое и раз угля не портит, то какое нам дело.

Стал жечь я этот уголек у себя в печке и на дворе. Уголь как уголь, только от него дымок голубоватый, с белесым поддымком и запах другой, нежели у простого угля. На вьюшках от него налет тоже сизый. Покрутился я со светлыми жилками — нет ходу, не пробьюсь. Знания нет, чтобы определить, что не годится, и чтобы доказать, что годится. Решил рукой махнуть. Светлые жилки эти мне покоя года полтора не давали. Металлургический уголь стали работать на северном, тут бы всему и конец, не вмешайся инженер Васильев как снег на голову.

— Это кто же, новый какой назначенный? — спросил радист, заслушавшийся старика так, что забыл про папиросу.

— Вовсе нет! Никакого отношения он к шахтам не имел, жил в городе за триста верст от наших шахт и не горняк он, а химик.

— Как же это он сквозь землю смотрел?

— Сквозь землю это я смотрел, на подземной

работе, а он, наоборот, в небо, и там второй конец моим светлым жилкам нашел.

— Ого, как интересно, — воскликнул Александр, — и меня забрало!

— Инженер Васильев, — продолжал Фомин, ободренный вниманием слушателей, — хоть и городской житель, но по зоркости не хуже любого таежника. Живет он в большом доме на десятом этаже, из его окон — весь город как на ладони. На отдыхе сиживал он у окна, любуясь городом и раздумывая о том и сем. И вот как мне светлые жилки, так Васильеву приметилась дымка над городом, белесая или голубоватая, когда она есть, а когда и нет. И запах тоже в воздухе, когда дымка, особенный, не сильный, а заметный. Помогло Васильеву, что он химик, знал: такой дымки ни от какого завода в городе быть не могло. Раз так, то, значит, дело в угле! Инженер рассудил, что дымка похожа на окисел какого-то металла, и решил дознаться, нет ли чего в угле. Собрал он налет с трубы какой-то — и под прибор. А прибор такой, что, будь там самая малейшая крошка какого металла или состава, такая малость, что ни на вкус, ни на запах, не говоря уж про химию, никак не возьмешь, — прибор берет. Инженер Васильев мне показал. Что нужно разведать, то в пламени жгут, пламя в трубу зрительную смотрят, а в трубе какие-то там линии...

— Да как он называется, твой прибор? — не утерпел радист.

— Это тебе знать, небось десятилетку кончил, а у меня нет памяти на мудреные слова. Постой-ка, записал я его название, думаю, не раз еще пригодится! — И забойщик с кряхтеньем полез в тумбочку у постели.

— Не трудитесь, Иван Иванович, — вмешался Александров, — прибор этот — спектроскоп, а то, что сделал Васильев, — это спектральный анализ.

— Ну, точно, — успокоился старик, — я и говорю. Пектоскоп показал: есть признаки металла, и не

одного, а трех. Васильев Семен Петрович стал дознаваться, с каких шахт, с каких участков уголь в те дни, когда дымка. Сейчас вам рассказать — оно быстро, а потратил он, пока дошел, тоже, почти, два года: ведь занятый человек, когда не подумал, а когда и упустил... Ну, короче, приехал он на нашу шахту и стал дознаваться насчет угля. А у нас западный участок давно прикрыли. Показывают ему металлургический с северного. Он анализ за анализом берет — ничего. Да и не могло быть. Так и не вышло бы, да тут один молодой парень присоветовал ему со мной потолковать. И пяти минут мы не проговорили, как понял я, куда мои светлые жилки ведут. Полезли с ним в западный участок — к тому времени я все свои образцы уже извел. А там и крепь вынута и кровля обрушена. Повертелись туда-сюда. Вижу, что и человека могу погубить, и времени у него не хватит. Отправил его в город, а сам думал неделю, пока не сообразил. С третьего, незатопленного горизонта спустились мы — ребят у меня подручных набралось чуть не вся шахта — по восстающим на пятый, прошли совсем маленький ходок и добрались до пласта со светлыми жилками. Набрал я образцов и в первый же выходной в город. Васильева дома не оказалось. Я пакет в два пуда ему оставил и расписал, откуда взято. Не прошло и недель — телеграмма мне, чтоб немедленно приезжал. Поехал. Васильев встречает и прямо облапил меня, крепко тиснул и в обе щеки целует.

«Ну, если бы не вы, Иван Иванович, все бы пропало!» — «А теперь?» — спрашиваю. «А теперь сделали мы Советскому Союзу и нашей стороне сибирский преобладающий подарок: в угле-то, в светлых жилках ваших — целое месторождение. Три металла — германий и ванадий — это я точно запомнил, — добавил Фомин, как будто опасаясь, что собеседники усомнятся в его знаниях, — а вот третьего никак не помню и не записал сдуру, на радостях. Спрашиваю: «Для чего они, металлы эти?» Васильев объясняет, что очень важные металлы.

Нужны они для самых что ни на есть сложных машин.

«И много этого германию?» — спрашиваю. «Не так, чтобы очень, даже совсем мало. Но угля количество огромное, миллионы тонн, и германий с ванадием пойдут как попутные продукты, когда уголь начнем на химическое сырье перерабатывать. А эти попутные продукты сами по себе всю стоимость добычи окупают... Теперь без германия ни один телевизор или радиоприемник не обходится».

— Слыхали, — важно сказал радист, — из него полупроводники делают.

— Полпроводника или даже целый — не в этом дело, а в том, что этот металл сейчас самый нужный, а ведь с ним еще и ванадий. Но вот для чего ванадий — запоматывал.

— Я подскажу, — откликнулся Александров, — сталь ванадиевая — самая нужная для автомобилей и вообще тех машин, где требуется высокая прочность. Жаль, что забыли третий металл, — тоже, наверное, полезный.

— И очень даже нужный, но хоть убейте — не помню. Названия все мудреные...

— Как такое добро и в простом угле оказалось? — Тон радиста стал гораздо более уважительным.

— Это самое и я спросил у инженера Васильева. Тот мне объяснил так: когда угли эти еще были в незапамятные времена как громаднейшее торфяное болото, то сквозь них сочились воды. Воды, ручьи или речки, что ли, размывали горы, где залегали металлы, растворяли их понемногу и переносили в торфа. Торфа гнили, и металлы эти осаждались на них, накапливались. Целые тысячелетия прошли, воды всё протекали и протекали, и так исподволь накопилось и германия, и ванадия, и того третьего.

— А потом как?

— Потом торфа заносило песками и глиной, они затвердели, оборотились в уголь, получился диковинный уголь со светлыми жилками.

— За это премию Ленинскую получили? Вдвоем, что ли?

— Вдвоем, пополам, потому один без другого ничего не нашел бы. Как сказал уже: я под землю смотрел, а он — по небу.

Три собеседника в палате долго молчали. Фомин взялся было за самокрутку, но, заслышав голос дежурного врача, спрятал свои приспособления. После короткого обхода принесли обед, и разговор возобновился лишь во время мертвого часа, когда больница опять притихла.

— Да, хорошо светлые жилки найти, — мечтательно произнес радист, поднимая глаза к потолку, — и как это вам удалось уцепиться?

— Светлые жилки должны быть у каждого, — ответил Фомин, — без них и жить-то вроде принудительно. Не ты своей жизни хозяин, а она тебя заседлает и гнет, куда захочет.

— Вот и я про то же, — подхватил радист, — схватишь полста тысяч, ну, пусть вы тридцать семь получили, тут жизни можно не так опасаться, не согнет!

Старик даже сел, с минуту мерял глазами невозмутимо лежавшего радиста и упал на подушку.

— Подсчитал уже, сколько я получил, уголовная твоя душа! — вымолвил он с горьким негодованием.

Настала очередь подскочить радисту.

— Как уголовная душа? — завопил он, поворачиваясь то к Фомину, то к Александрову, будто призывая геолога в свидетели. — За что же вы оскорбляете меня, дядя? Я что, блатюк, что ли?

Старый горняк уже остыл.

— Не знаю я тебя и никаких прав блатюком счастье не имею. Однако сам ты меня обидел... Все на деньги да на фарт меряешь. А я тебе про интерес, про заветные думки, без которых человеку жить — будто скоту неосмысленному...

— Да как разве интереса к фарту быть не должно? Что я, на счастье прав не имею? Мудрите, дядя... Конечно, жизнь ваша уже недолга осталась и за-

боты меньше. А мне еще жить и жить и что плохого, если лучшего хочется.

— Кому не хочется, — уже спокойно отвечал Фомин, — дело не в этом. Ежели ты себя в жизни так направил, чтобы вместе со всеми лучше жить, и на то ударяешь, тогда ты человек настоящий. А мне сдается: ты как есть только о себе думаешь, себе одному фарту ждешь — тогда тебе всегда к старой жизни лепиться, на отрыв от всякого нового дела. Может, и сам того не осмыслив, ты хочешь перед другими выделиться, не имея за душой еще ничего. Вот тут и приходится о фарте мечтать. Встречал я вашего брата. Уголовными душами их зову — сообрази-ка, в чем сходство с блатюками.

— Никакого сходства не вижу — выдумки одни, — зло ответил радист.

— Самое прямое. Уголовник почему на преступление идет? Да потому, что хочет хватануть куда как больше, чем ему по труду, да по риску, да и по соображению полагается. Человечишко самый негодный, а туда же: хочу того да сего. Опять же, другой и способность имеет, и силу, и риск, а записывал — работать скучно, не для меня это, не желаю. Однако деньги-то и побольше, между прочим, подай. Вот в чем уголовная-то суть. Ты хочешь себе не по заслугам, не по работе, а о фарте мечтаешь — тот же уголовник ты! Только закону боишься и хочешь, чтоб само свалилось.

— Один я, что ли, так? — уже тише отвечал радист.

— Горе, что не один. Таких, как ты, есть еще повсюду и середь нашего брата рабочего и середь кого хошь — инженеров, артистов, ученых... Эту уголовную болезнь и надо лечить в первую очередь, чтобы скорей в коммунизм войти...

— А лечить чем?

— Ну, чем, чем... Сызмальства воспитанием настоящим, ученьем, а потом знанием. Только знание жизни настоящую цену дает и широкий в ней простор открывает. А то бьешься, бьешься, чтоб понять, как я со своими жилками!

— Это вы правильно, — покорно согласился радист, — с образованием куда легче. Диплом — он цену человеку поднимает, разряд, так сказать.

— И кто тебе так мозги повернул? — снова начал сердиться старый горняк. — Только разряд у тебя в голове. Книг, что ли, таких начитался, было их раньше много. Вывели те писатели так, что без высшего диплома и не человек вроде... девку замуж не возьмут без диплома. А для какого лешего ей диплом, ежели она к науке склонности не имеет? Вот и явились теперь такие, с порченными мозгами. Какая ни на есть работа через силу вами делается, а почему, ты мне ответь!

— Не могу ответить, только верно, есть люди без интересу к своей работе.

— А все потому, что не на месте они: один в науку ударился, как баран в чужой двор, другая — инженер, электрик или химик по диплому, а по душе — самая хозяйка толковая, и мужа бы ей хорошего, да ребятишек пяток, и по сельскому хозяйству фрукты какие сажать да птицу разводить. Вот оно и получается, что работа не мила, а немилая работа хуже каторги, если ты век свой должен на ней стоять. За дипломом погонятся, а себя вроде как к каторге приговорят, несмышлениши. Писатели, опять же, — где бы добрый совет подать — лупят без разбору: гони диплом, а то и герой не герой или женщина не женщина; а вроде быдло отсталое. Неправильно это, и ты неправильно рассуждаешь со своим дипломом!

— А как же правильно?

— По-моему, вот как: звание — это не то, что тебе в голову в обязательном порядке набьют, а что ты сам в нее положишь с любовью, не спеша, выбирая, как цветы или камни красивые. Тогда ты и начнешь глядеть кругом с интересом и поймешь, как она, жизнь-то, широка, да пестра, да пресложна. И житишко твое станет не куриное, а человеческое, потому человек — он силен только дружбой да знанием и без них давно бы уже пропал. Житья

бы не стало от дураков, что ничего, кроме своего двора да животишка не понимают...

Радист умолк и долго не подавал голоса. Старый забойщик удовлетворенно усмехался, поглядывая в сторону Александрова, как бы призывая его в свидетели своей победы. Геолог кивнул ему, слегка улыбаясь.

— Вот, Кирилл Григорьевич, верно я говорю? Каждому надо свои светлые жилки искать...

— Это так. Только всегда ли найдешь? Да и каждому ли дано?

— Знаю, о чем думаете, Кирилл Григорьевич! Как вам теперь быть без тайги, без гор... Оно понятно! Только найдете вы свои жилки непременно, другие, но найдете.

— Других не хочу, не верю! А если не верю, то как пойму я, что другие — настоящие? И где искать, куда кинуться... мне? — геолог кивком показал на свои ноги, аккуратно уложенные под одеялом.

— Конечно, трудно, особо если подумать куда? Ну, а насчет того, настоящие или нет, на то есть верная указка, и вы ее знаете...

— Нет, не знаю!

— Указка одна — красота. Это я хорошо понимаю, да объяснить не сумею, однако вам надо ли... разве ему... — и забойщик ткнул пальцем в радиста, ничем не отозвавшегося на выпад.

— Красота... правильно. Но мне... ползучий я будто гад!.. Сейчас для меня все серым кажется, потому что внутри серо!

— Неправильно, Кирилл Григорьевич! Вспомните, как шли мы в тридцать девятом от шиферной горы сквозь тайгу голодом. Припозднились на разведке, продукты кончились, снег застал...

— Конечно, помню! Тогда мы лунный камень нашли.

— Так я насчет его. Помните, перевалили мы Юрту Ворона и двое суток шли падью. Мокрый снег с дождем бесперечь, ватники насквозь, жрать нечего...

— Да, да, и вечером... — встрепенулся геолог. — Расскажите, Иван Иванович, я не сумею. А наш Алеша пусть послушает, — кивнул он приподнявшемуся радисту.

— Точно, вечером поперли мы из пади через сопку. Крута, ичиги размокли, по багульнику осклизаешься, а тут еще навстречу стланик разрогатился, хоть реви. На гребнюшке ветер монгольский морозом хватанул. Покатились мы вниз едва живы. Тут место попало, жила или дайка стоячая, вдоль нее склон отвалился, и получилась приступка, а далее, в глубь склона, пещерка не пещерка, а так, вроде навесу. Забились мы туда, дрожим, огонь развести — силов нету, дальше идти — тоже и отдохнуть невозможно — холодно. Тут уж мы не серые ли, по вашему слову, были, куда серее, насквозь. Оно получилось наоборот. Помните, Кирилл Григорьевич?

— Все помню, рассказывайте!

— Холод потому сильнее прихватывал, что разъяснивать стало. Тучи разошлись, и над дальним западным хребтом солнышко брызнуло прямоком в наш склон. Глаза у меня заслезились, я отвернулся — и обмер. Нора наша продолжалась узкой щелью, а в той щели, на выступе, будто на подставке какой, громаднейший кристалл лунного камня, с голову, да нет, побольше! Засветился огнем изнутри и пошел играть переливами, струйками, разводами... Будто всамделе взяли лунный свет, из него комок слепили, ограничили, отполировали да еще намешали туда огней разноцветных: синих, сиреневых, бирюзовых, багряных, зеленых — не перечить. И не просто светит, а переливается, гасится да снова вспыхивает. Тут мы — шестеро нас было разного народу, молодого и старого, ученого и неученого, — как есть голодные и мокрые, про все забыли и перед кристаллом замерли. Будто теплее стало и есть не так хочется, когда глядишь на такую вот вещь... — Фомин заволновался и ухватился за свою жестянку для махорочного курева.

Александров прикрыл глаза — так остро воз-

никло перед ним воспоминание о редчайшей находке — огромном кристалле особой разновидности прозрачного ортоклаза, внезапно представшего перед ними в расщелине обвалившейся жилы пегматита.

— И что дальше? — понукнул радист.

— Дальше вот что. Откуда силы взялись — собрали топлива, развели костер, обсушились да обогрелись, чайник кипятку выдудили. Топор да молоток геологический изломали: как сумели из крепчайшей породы волшебный кристалл вырубить целехоньким, до сих пор не пойму! Поволокли его в заплечном мешке попеременке, а он весом поболее чем полтора пуда. Судьба переменилась — конечно, это мы ее переменяли, как приободрились. К ночи доперли мы до зимовья, кое-какие продуктишки там нашли, а лучше всего — положила там добрая чья-то душа пачку махорки. По гроб буду того человека добром поминать!

— А потом?

— Потом все! В зимовье день отдохнули и через сутки пришли в жилое место.

— А камень?

— Камень там, где надлежит ему быть: в музее московском альбо ленинградском. Может, вещь драгоценная из него сделана, и цены ей нет! Вот никогда не говори: красота — пустяк. Вовсе она не пустяк, а сила большая, через нее и жизнь в правильное русло устремляется!

Александров приподнялся на локте. Воспоминания давно забытого таежного похода, стертые множеством последующих впечатлений, встали перед ним остро и ярко. Забракованное месторождение шиферной горы, странное место — перевал Юрта Ворона... Юрта Ворона — «Хюндустыйн Эг» по-тувински... Это широкое болотистое плоскогорье на голом хребте, использовавшееся как перевал аратами, перегонявшими стада из монгольских степей и обратно в конце июня — начале июля, в период гроз. Перевал издавна известен по необычайно частым и мощным грозам. Много скота погибало здесь

от молний. Трупы, валявшиеся постоянно на перевале, служили пищей целой колонии обитавших тут же воронов. Вот откуда возникло странное название местности. Александров отчетливо вспомнил унылую вершину перевала с белесоватыми глыбами камней, выступавших там и сям среди резкой зелени мхов подобно костям и черепаам погибших чудовищ. В пологих промоинах, спадавших на юго-восточную сторону хребта, росли корявые, полужасохшие деревья, побелевшие от помета птиц. Дальше вниз, к долине, болотистый купол полумесяцем охватывала темная тайга — вековые ели с древним буреломом, покрывшимся светлым и пухлым покровом мха. Там, должно быть, гнездились вороны, если только они не прилетали из скалистых монгольских гор на время гроз, когда появлялась добыча.

Двадцать лет назад молодой геолог долго ломал голову над вопросом, почему это место, казалось ничем не выделявшееся среди тысяч таких же в море сопки и хребтов тувинской тайги, разрезанной клиньями монгольской лесостепи, странным образом притягивало грозовые разряды — молнии. В полевой книжке — дневнике того времени — Александров вычертил план Юрты Ворона и записал родившиеся в пути догадки. И в памяти возникли не мысли, не ощущения, а страницы дневника. У геологов обычно хорошо тренирована зрительная память, и Александров не составлял исключения. На плане перевала Александров обозначил направления летних ветров — гигантских потоков нагретого воздуха, прилетавших из Монголии. Среди десятка хребтов, загораживавших им путь на север, был выбран именно этот, не выделявшийся высотой. Уже двадцать лет назад Александров понял, что если скопище гроз над Юртой Ворона не вызвано географическими причинами, то должны быть другие, так сказать, внутренние или геологические причины. В составе пород, или геологической структуре района перевала, крылась сила, заставлявшая грозовые облака, прилетавшие из далеких пустынь, отдавать свои колоссальные электрические заряды только здесь, на этом пологом

перевале, а не рассеиваться по бесчисленным толпам тувинских гор.

Большое скопление минералов с хорошей электропроводностью — металлических руд, скорее всего железа — могло скрываться под покровом обширного болота, редких кустов и замшелых каменных россыпей. Состав горных пород хребта, в общих чертах известный, не противоречил такой возможности. Накануне войны по заявке Александрова и просьбе Тувинской Народной Республики — тогда Тува еще не входила в состав Советского Союза — была произведена магнитометрическая авиаразведка хребта новыми, только что созданными приборами. Полнейшее отсутствие признаков железных руд дало повод к недовольству геологического начальства и дружеским насмешкам товарищей-геологов. Но напряжение военной работы сразу отбросило в далекое прошлое все удачи и ошибки довоенного времени. Забыли о Юрте Ворона и неверных догадках и сам фантазер-исследователь и его товарищи.

А теперь в особенной обостренности воспоминаний о счастливом, здоровом прошлом Александров вспомнил еще одно соображение тех времен, заставившее его сжать кулаки в напряжении раздумья. «Если бы кто-то, не побоявшийся смертельной опасности, смог в разгар сильной грозы проследить места непосредственных и наиболее частых ударов молний и остаться в живых, то, пожалуй, так можно было бы добиться разгадки Юрты Ворона дешевым и простым способом. Ведь, кроме железа, там могли залегать немагнитные руды цветных металлов, особенно такие электропроводные сульфиды, как галенит — свинцовый блеск, аргентит — серебряный блеск, сфалерит — руда цинка. Мощные жилы этих руд должны притягивать молнии тем сильнее, чем больше масса руд, залегающая под землей, чем длиннее и глубже жилы. Что-то похожее сохранилось в глубине памяти из старинной истории свинцовых месторождений и горных разведок в Германии. Геолог закрыл глаза, сосредоточиваясь.

«Свинец... поверхностное и большое месторожде-

ние свинца... этого столь необходимого в эпоху атомной энергии металла... если бы свинец! Давно уже выработаны его мировые поверхностные месторождения, а потребность в нем все растет... Впрочем, и цинк или серебро тоже не плохо, но лучше всего свинец!» Александров представил тяжелые слитки — чушки серого мягкого металла, сверкающе-синеватые на разрубе — металла, так хорошо знакомого каждому промышленнику Сибири, каждому охотнику, вселяющего уверенность в успехе охоты, в борьбе с опасными зверями, добыче сторожкой дичи. Ленты и диски пулеметных патронов, готовые к отражению врага... детали для технических приборов и аппаратов, приготовляющих и исследующих ядерную энергию. С ними дело обстояло хуже: геолог смог вообразить лишь толстые листы и пластины свинца — могучую броню от вредного излучения.

— Кирилл Григорьевич, чего задумались? Застыли, будто на подсадке... Небось вспоминали тот поход? Растравил я вас, каюсь. Вот в окно вижу: жена ваша идет и с ней еще кто-то.

— Один мой сотрудник, — ответил геолог, скосив глаза на окно, — бывший мой, — поправился он, нахмурившись.

Привычка все замечать и мгновенно отдавать себе отчет в увиденном помогла разглядеть усталую походку и опущенную голову Люды. Она шла медленно, будто обремененная заботами старая женщина. Снова жалость больно уколола геолога. Не только забота, хуже — обреченная безнадежность, бесплодные усилия помочь любимому человеку. Нет, кажется, он начинает нащупывать почву в дне безысходного болота, в котором барахтается уже много месяцев.

Старый забойщик по-своему понял хмурую сосредоточенность Александра.

— Мало ли что теперь не с вами работают, небось часто бегают за советом?

— Ходят, а что?

— Я к тому, что советами тоже можно большую пользу принести... у вас опыт-то вон какой!

— Эх, Иван Иванович, добрая душа, — улыбнулся геолог, — только советами не проживешь. Может, будь я очень старым, когда душе и телу мало чего нужно, тогда бы я жил... посоветую дельное — и доволен! А сейчас хоть половина меня мертвая, зато другая — полна жизни по-прежнему... Да что говорить, ревматизм вас скрутил, а разве вы думаете на пенсию? Вы-то сами советами проживете?

Фомин насутился, вздохнул и, чтобы перевести разговор, спросил:

— Жена ваша, она тоже геологом работает?

— Да, — улыбнулся Александров, — настоящая геологиня!

— Как это вы сказали — геологиня? — переспросил Фомин.

— Это я выучился называть от студентов. Мне нравится, и, кажется, так правильнее.

— Почему правильнее?

— Да потому, что в царское время у женщин не было профессий, и все специальности и профессии назывались в мужском роде, для мужчин. Женщинам оставались уменьшительные, я считаю — полупрезрительные названия: курсистка, машинистка, медичка. И до сих пор мы старыми пережитками дышим, говорим: врач, геолог, инженер, агроном. Женщин-специалистов почти столько же, сколько мужчин, и получается языковая бессмыслица: агроном пошла в поле, врач сделала операцию, или приходится добавлять: женщина-врач, женщина-геолог, будто специалист второго сорта, что ли...

— А ведь занятно придумал, Кирилл Григорьевич! Мне в голову не приходило...

— Не я, а молодежь нас учит. У них верное чутье: называют геологиня, агрономиня, докториня, шофериня.

— Так и раньше называли, к примеру: врачиха, кондукторша...

— Это неправильно. Так исстари называли жен по специальности или чину их мужей. Вот и были мельничиха, кузнечиха, генеральша. Тоже отражается второстепенная роль женщины!

Старый горняк расплывался в улыбке.

— Геологиня — это как в старину княгиня!

— В точку попали, Иван Иванович! Княгиня, графиня, богиня, царица — это женщина сама по себе, ее собственное звание или титул. Почему, например, красавица учительница — это почтительное, а красотка — так... полегче словцо с меньшим уважением!

— Как же тогда — крестьянка, гражданка?

— Опять правильно! Мы привыкли издавна к этому самому «ка», а в нем, точно жало скрытое, отмечается неполноценность женщины. Это ведь уменьшительная приставка. И женщины сами за тысячи лет привыкли... Разве вам так не покажется — прислушайтесь внимательно, как звучит уважительное — гражданин и уменьшительное — гражданка. А если правильно и с уважением, надо гражданина или гражданца!

— Верно, бес его возьми! Чего же смотрят писатели или кто там со словами орудовать обязан? Выходит, что они о новом не думают, какие настоящие слова при коммунизме должны быть.

— Думают-то, думают... да неглубоко, пожалуй, — вздохнул Александров.

В этот момент дверь палаты раскрылась, и вошли посетители.

По обыкновению, Люда уселась поближе к голове Александра, предоставив товарищу стул в ногах постели. Пришедший геолог развернул профиль, и они занялись обсуждением наиболее экономичной разведки недавно найденного месторождения «железной шляпы».

Когда молодой геолог ушел с извинениями, Александров откинулся на подушку, чтобы дать отдых уставшей шее. Люда воспользовалась этим, чтобы подольше уловить взгляд мужа.

— Кир, ты сегодня другой, я это услышала, когда ты говорил с Петровым.

— Не слишком ли ты изучаешь меня? — деланно усмехнулся Александров.

Молодая женщина глубоко вздохнула.

— Родной мой! Я чувствую у тебя в глубине

глаз твердую точку, этого давно не было. Что случилось? Или этот славный старик, — она перешла на шепот и оглянулась на койку Фоминна, — сумел чем-то подействовать на тебя? Почему у него вышло так легко? Я не могла...

— Фомин тут ни при чем, хотя он гораздо больше, чем просто славный... Но я думал, думал и понял, что должен сделать все, что могу, — геолог умолк, подбирая слова.

— Что можешь, чтобы поправиться... — голос жены дрогнул.

— Ну, хоть не поправиться, но нервы привести в порядок — это прежде всего! Я слишком много бился о непроходимую стену... слишком долго переживал свое несчастье. Это не могло не сказаться, и я — калека не только физически, но и духовно! Так надо попробовать вылечить духовно, если уж физически нельзя!

Люда низко опустила голову, и слезы часто закатили на край подушки геолога. Александров погладил жену по горячей щеке.

— Не горюй, Людик! Как врачи отпустят, поеду в санаторий. Еще недельки две... Хорошо будет переменить место.

— Я не от горя, Кир. Я оттого... — жена громко всхлипнула и сдержалась отчаянным усилием, — что ты как прежний, не сломанный.

— Вот и хорошо. Теперь ты тоже можешь поехать...

Люда с острым подозрением посмотрела на мужа. Тот спокойно встретил ее испытующий взгляд. Жена молчала так долго, что Александров заговорил первым.

— Люда! Обмана нет, сама видишь, все чисто.

— Д-да... у тебя твердые глаза и вот морщинка, — Люда провела мизинцем около рта мужа, — горькая, усталая, но больше не жалобная... Все так внезапно...

— Всякий перелом внезапен. Но ты ничем не рискуешь — я буду в санатории, никуда не денусь, если что — приедешь.

— Будто ты не знаешь, что там у меня со связью неважно. Пока туда и назад — целый месяц.

— А я в санатории должен быть три месяца!

— Хорошо, поговорим потом, — в тоне жены Александров уловил нотку неуверенного согласия, — я хочу расспросить Ивана Ивановича, чем он на тебя подействовал.

— Светлыми жилками! Еще, Люда, чтобы не позабыть: в моем столе в нижнем ящике, — знаешь, где старые материалы, — мои дневники тридцать девятого года, принеси, будь добра!

— Хорошо. Что-нибудь вспомнилось?

— Иван Иванович напомнил насчет лунного камня... Надо найти характеристику пегматитов той жилы...

* * *

— Значит, уезжаете, Кирилл Григорьевич?

— Завтра! Вы что-то задержались здесь, Алеша!

Унылый радист по-детски обиженно сложил губы.

— Черт, не зарастает рука, и держат и держат... Иван Иванович уехал в прошлую среду, завтра — вы. Совсем пропаду тут один. Привык я к вам, а Иван Иванович уехал — так что-то оборвалось во мне, будто отца проводил.

— А сначала-то спорили!

— Так ведь от неосмыслия. Какой старикан хороший! Около него и жизнь полегче кажется. Было бы таких людей побольше, и мы побыстрее до настоящей жизни доходили...

— Это вы правильно, Алеша! Молодец, что поняли...

— За вами кто приедет, тетя Валя?

Александров представил себе маленькую, очень молодо выглядевшую женщину-шофера и улыбнулся.

— Какая же она тетя? Разве вы ее не видели?

— Видел. Кто ее не знает! Она, как вы, еще в республике начала работать. Только ведь женщи-

на на возрасте, неудобно Валею называть. Это для вас — другое дело, уважает она вас очень здорово, сама говорила. Чем-то вы ей помогли!

— Да ерунда, ничем не помог. А возраст ее разве такой большой?

— Тетя Валя и не скрывает: она двадцать четвертого года рождения!

— Ну, понял теперь! Если вы — сорокового года, тогда она для вас тетя!

— Точно, сорокового, вы как угадали?

— По разговорам вашим с Иваном Ивановичем!

Радист хотел что-то спросить, но вошедшая сестра позвала его на рентген.

Александров, оставшись один, с удовольствием подумал о завтрашней встрече с Валею. Геолога и шофера связывала крепкая дружба, не ослабевавшая, несмотря на годы и редкие встречи. В разгар Отечественной войны в далекой тайге они встретились — девятнадцатилетняя девушка, ставшая шофером, чтобы заменить ушедших на фронт, и геолог, исполнявший правительственный приказ: найти нужное для войны сырье. С тех пор прошло шестнадцать лет, очень многое изменилось в жизни и в республике, теперь ставшей областью Советского Союза. Валя — твердый и верный человек, и она вспомнит, как когда-то сказала, что все бы сделала для него. Теперь пусть сделает!

* * *

Валя согласилась. Весь персонал больницы вышел провожать геолога, когда тот, неуклюже переставляя костыли, влачил свое огруженное и ослабевшее тело через залитый солнцем двор, наотрез отказавшись от предложения внести его в машину. Опечаленный радист нес в здоровой руке небогатый скарб Александрова. Короткое сердечное прощание, и зеленый «ГАЗ-69» понесся по гладкому шоссе в направлении поселка. Александрову надо было заехать на квартиру, чтобы взять нужные вещи. Никто не мог помешать ему: Люда уже около двух

недель находилась в тайге. Валя отвезет геолога вместо санатория... так близко к Юрте Ворона, как сможет подойти машина. Александров помнил избушку промышленника, стоявшую всего в шести километрах от перевала. Правда, это было в тридцать девятом, и зимовье давно могло разрушиться, но наверняка появились новые. Конец не близкий. Пока он будет собираться на квартире, Валя договорится с начальством. А санаторий получит телеграмму с извещением, что больной приедет с запозданием недели на три из-за большой слабости.

Простой план удался, как был задуман. Асфальтовое шоссе сменилось гудроном, гудрон — серой щебенкой, а «газик» бежал и бежал, взвивая редкую пыль, на юг, к желтоватому небу Монголии, переваливал хребет за хребтом. Геолог молчал, сидя в неудобной позе. Сильно согнувшись, он вцеплялся в дужку на переднем щитке и смотрел на дорогу. После шестимесячного заключения в постели ход машины казался полетом, а таежные сопки, оголенные хребты и степные долины — родным домом, более приветливым, чем удобная квартира в городке.

Александров не замечал, что Валя искоса следила за ним, насколько позволяла дорога. В серых и добрых глазах молодой женщины иногда показывались слезы. Слишком велик был контраст прежнего, мужественного, полного веселой энергии геолога и молчаливого беспомощного человека с бледным, одутловатым лицом и рыхлым, располневшим от лежания телом. Где он, тот сильный друг, к поддержке которого она прибегала в такие минуты жизни, когда каждый, а женщина в особенности, нуждается в ощущении верной руки, надежной помощи и правильного совета? Никогда не забудет Валя их первой встречи. Она вызвалась сама в далекий рейс по глухой таежной дороге — прииск нуждался в муке, но больше одной машины по военным условиям не смогли выделить. Старенький «ЗИС» нагрузили добросовестно — едва не четырьмя тоннами, и Валя

пустилась в пятисоткилометровый путь с бодрой независимостью своих девятнадцати лет и годового стажа. Мороз свободно проникал в щелястую расхлябанную кабину. Солнце яркого зимнего дня пригревало, сгоняя серебристый узор изморози с пожелтевших от времени триплексных стекол. Лишь потом Валя поняла, что подобный рейс зимой на старой и одиночной машине был нелегок и для опытного шофера. Видимо, уж очень был умучен и задержан их больной завгар, что уступил Вале и согласился отправить ее одну. Выносливый «ЗИС» старательно преодолевал подъем за подъемом, и только гулкий треск мотора и надсадный вой передач свидетельствовали о том, как тяжело трудится машина. С перевалов машина мчалась бесшумно, но Валя, понимая, что не сможет удержать «ЗИС» его ненадежными тормозами, опасалась давать машине сильный разгон. И снова были первая или вторая передача с самого начала следующего подъема, грелся и дымил старый мотор и требовал добавочную порцию масла. Валя проехала двести восемьдесят километров. Кончились последние придорожные избушки — зимовья, где у обитавших в них охотников или лесных объездчиков можно было обогреться и напиться чаю, перекусив простецким шоферским запасом. Солнце село, глубокие синие тени стали заполнять пади и распадки, огоньки звезд зажглись над почерневшими хребтами справа. Мороз крепчал, тонкая пленка ледяных кристалликов стала затягивать стекла кабины, вынудив Валу приоткрыть ветровое стекло. Ветер резал как нож, глаза слезились, лицо ломило, и застывали руки в вытертых меховых варежках. Дорога скрылась в сумерках, и Валя зажгла фары. Фары и тормоза — два недостатка старой, во всем остальном превосходной машины. Слабый желтый свет не хватал до изгибов дороги — казалось, что накат исчезает в неведомом направлении, сливаясь на ровных участках с поверхностью снега. Откосы вставали внезапными чернеющими громадами, склоны долин вдруг обрывались в загадочную глу-

бину. Ели, покрытые толстыми снежными шапками, стояли, будто века нетронутые. Опасение стало закрадываться в отважную душу девушки. Как ни-когда, отчетливо почувствовала она полную зависи-мость от исправности своей машины. «ЗИС» про-шел уже много десятков тысяч километров, много раз ремонтировался. Кто может определить, какая часть мотора или шасси сейчас находится на преде-ле износа или усталости металла. Любое повреждение грозит тяжелыми последствиями. Валя не думала о себе, а о людях, которые ждут муку на затерянном в тайге, среди жестокой стужи и снега прииске. Она старалась представить суровых приискателей, их озабоченных женщин, в ожидании слушающих машину — звук мотора в молчаливой зимней тайге разносится на десятки километров. Валя знала, что транспорт муки запаздывал — нередкое дело во время военных трудностей. И если могучая сила ее «ЗИСа» застынет на зверском морозе здесь, где сто пятьдесят километров от жилья в ту и в другую сторону? Най-дутся ли у нее силы дойти до прииска за помощью? Девушка почувствовала настоящий страх — впервые ответственность водителя в дальнем зимнем рейсе представилась ей с полной ясностью.

Валя остановила «ЗИС». Не выключая мотора, она долго прыгала и бегала по узкой дороге, чтобы хорошенько согреться. Потом зажгла переноску и тщательно осмотрела машину. Мотор тихо урчал на малых оборотах, будто радуясь отдыху.

Валя с нежностью погладила облезлый широкий капот, укутанный двойным утеплителем. Бензина оста-валось не больше полбака, и девушка решила за-правиться. Чтобы скорее налить ведро, она попыта-лась повернуть бочку в задке машины, открыла борт и упустила ее. Бочка слетела на дорогу, и девушка оказалась не в силах поставить ее обратно без нака-тых жердей. Идти далеко по глубокому снегу за жер-дями девушка не решилась, боясь оставить работаю-щую машину. Однако Валя быстро сообразила, что, залив полный бак, она может оставить бочку у дороги, с тем чтобы взять ее на обратном пути. После второй

заправки Валя смогла бы втащить ее в машину. Ободренная найденным выходом, девушка тронулась в путь. Недавний снег, рыхлый и крупный, покрыл дорогу неглубоким слоем, искрившимся в свете фар, предательски скрывая границу твердого наката. Чуть в сторону — и машину цепко захватит мягкий снег, потащит с дороги. Для одинокого водителя это будет равносильно серьезной поломке. Валя крепко сжала негладкий черный руль, удерживая тяжелую машину по углубленным канавкам наката, намечавшимся под пушистым сверкающим одеялом. Рыхлый снег скрадывал звуки, машина будто погружалась в бездну молчания, и даже громкий сухой треск, столь характерный для «ЗИСа» с его легким глушителем, не разносился более по распадкам и склонам. Свет фар низко стелился по широкой канаве дороги, точно стекая по ней в чернеющую впереди пропасть. Над этой световой речкой нависало угольно-черное от контраста небо, вызвездившееся от свирепого мороза, крепчавшего с каждым часом. Ни огонька, ни дымка, никакой жизни в оцепенелой череде лесистых сопок и заметенных ущелий!

Час-другой машина упорно шла. Спидометр давно был испорчен, и Валя могла лишь приблизительно оценивать пройденное расстояние по времени. Увы, оно не могло быть велико — необходимость осторожности на узком накате горной дороги заставляла ехать со скоростью около тридцати километров. Но и такая скорость требовала большого напряжения. Стекла кабины покрылись слоем наморози, но Вале было жарко от волнения и тревоги. Темное чувство близкой беды не отступало, а усиливалось, как будто на этом перегоне машиной владела не она, а недобрые силы горных высот, снегов и мороза. Но машину одолели не силы таежных просторов, а крохотные частицы воды и грязи в плохом горячем военного времени. Оно выдержало сотню переливов, прежде чем попало в старую бензобочку в кузове Валиного «ЗИСа». Уронив бочку на дорогу, девушка взболтала отстой, прибавив еще ржавчины со дна бочки.

Когда лучи фар уперлись в очередной подъем, сократив видимость, ближе придвинулась стена темноты. Мотор дал первый перебой. Неровные резкие выхлопы учащались, сила двигателя падала, машина начала дергаться, будто спотыкаясь. Валя включила первую передачу, вытянула подсос и прибавила оборотов, надеясь прочистить подачу собственной тягой мотора. Несколько минут, закусив губы, девушка маневрировала скоростями и оборотами, надеясь дотянуть хотя бы до вершины перевала. Если бы дойти туда, тогда не страшно остановить мотор и прочистить подачу: потом на спуске легко завести мотор накатом машины. Старый, разваливающийся аккумулятор обладал малым запасом электрического заряда, а старый мотор с подношенными контактами заводится нелегко — это девушка хорошо знала и знала еще, что для ручной заводки «ЗИСа» надо иметь мужскую силу.

Худшие опасения Вали оправдались. Мотор окончательно заглох, так и не подняв машину на перевал. Валя выскочила и подбросила под колеса поленья, которые возила с собой вместо горного упора. Экономя заряд, она, не пользуясь переноской, сняла отстойник, продула бензопровод и, как бешеная, скакала на темной дороге, хлопая себя застывшими руками. Потом, забравшись в заледеневшую кабину, Валя с замирающим сердцем нажала на стартер. «В-ввв... В-ввввв...» — лениво, точно спросонок, завращался двигатель, другой, третий раз. Валя скупилась расходовать драгоценную зарядку. Мотор не пошел. Девушка прижала кнопку подольше, глухо зашумел набирающий обороты двигатель, но даже не чихнул. А свирепый мороз старался забраться под накрытый Валиной шубой капот и сделать двигатель таким же недвижимым и застылым, как все на огромном пространстве в зимней ночи, среди тувинских гор.

Девушка действовала с быстротой отчаяния, думая лишь о том, как успеть в состязании с жестоким холодом. Чтобы не рисковать больше, продула карбюратор, еще раз проверила бензопередачу, прочистила контакты прерывателя. И опять попытка завести

мотор кончилась протяжным звоном отказавшего стартера. Еще раз... еще... больше нельзя было riskовать разряжать аккумулятор на морозе, и оставалась надежда только на ручку.

Напрягая все силы, обливаясь потом, замерзавшим по краю шапки, с растрепавшимися и заиндевевшими волосами, девушка вращала рукояткой неподатливый шестицилиндровый двигатель, упрямо не заводившийся. Только один раз он слегка фыркнул и осторожно повернулся, как поворачивается, пытаясь подняться, тяжело упавший человек, но тут же затих, уступая цепенящему холоду.

Валя выбилась из сил. Где ей, самонадеянной, слабой девчонке, завести могучий мотор! Где ей выполнить важное назначение — доставить муку голодным работникам прииска! Как глупо было браться за это суровое дело! Вот что получилось — она наедине с застывающей машиной, без сил, без настоящего уменья. Придется сливать воду и масло, разводить костер, греть то и другое, а у нее лишь одно ведро. Затем снова пробовать крутить двигатель, задышавшись и надсаживаясь, а он поворачивается так медленно. Будь сила, рванула бы рукоятку крепче, завертела быстро-быстро, как это делают товарищи-шоферы! Нет сомнения, что мотор уступил бы и налил тепло, дал заряд в чуть живой аккумулятор... Почему мало силы у нас, женщин? Есть же такие, которые не уступят любому мужчине... Почему она так постыдно слаба?! И почему это должно было случиться тут, где нет ни одной живой души на сотню километров? Как злобна судьба! Мог бы встретиться охотник, проезжать другой водитель или любой путник-мужчина...

Валя вытерла затвердевшим рукавом слезы и пот с лица, зябко вздрогнула всем телом. Мороз одолевал ее, обессилевшую, а шуба лежала на моторе, спасая последние крохи оставшегося в нем тепла.

Опасное оцепенение вкрадчиво охватывало девушку, такую маленькую, бессильную, бесконечно одинокую в грозную зимнюю ночь у замерзающей машины.

Опомнившись, Валя стряхнула забытие и, едва дыша, заметалась перед машиной в попытке согреться. Она хотела только одного: чтобы сейчас здесь оказался путник. Он помог бы ей, и она исполнила бы свой долг!

Невозможная мечта, неисполнимое желание! Здесь, далеко от всякого жилья, даже от избышек охотников, ночью, в такой мороз кто мог быть он, тот безумный путник? Что могло заставить его появиться, откуда?

Но девушка, загипнотизированная своим желанием, сжимала остро болевшие, засунутые под мышки кулаки, твердя: «Приди, приди сюда, помоги...» Она громко повторяла свой призыв, и ей показалось, что тягостно молчавшая тайга откликнулась: Валя замерла, вслушиваясь в тишину звездной безветренной ночи. Но безмолвие чащи голых лиственниц и заснеженных камней убило ничтожную искорку надежды. Валя умолкла, порыв ее угас. Несколько минут девушка еще вслушивалась в ночь, затем повернулась и понуро пошла к мрачно черневшему «ЗИСу». Достала ведро, сдернула шубу, закуталась в нее и стала открывать капот, чтобы добраться до спускных краников радиатора. Внезапно едва слышный звук привлек ее внимание. Слева, откуда в долину, по которой вилась дорога, впадал широкий распадок, раздалось слабое пощелкивание. Вне себя девушка отпрянула от машины. Да, слабое пощелкивание!.. Сердце Вали остановилось. Задыхаясь, она втянула ртом жгучий морозный воздух и снова вслушалась.

Легкий хруст и пощелкивание, хруст и пощелкивание... тупой деревянный удар! Валя достаточно долго работала в Туве, чтобы понять эти звуки — приключение оленных нарт. Езда на нартах мало принята у местных охотников, предпочитающих зимой и летом верховой способ передвижения. Нартовая езда практиковалась работниками севера: геологами, исследателями, геодезистами.

Сдавленный вопль вырвался у девушки. Боясь, что неведомый ездок свернет куда-либо в сторону,

она закричала испуганно и дико. Совсем близко, за темной стеной леса, громкий мужской голос ответил ей. Высокие беговые нарты вылетели из распада и раскатились по непривычно широкой для них дороге. Белый беговой олень шарахнулся от черневшего на дороге «ЗИСа». На таких оленях ездили в одиночной запряжке. Трудно было подобрать пару этим сказочным пожирателям таежных пространств, легко проделывавшим по сто двадцать километров в день сквозь тайгу, замерзшие реки и ледопады, крутые горные тропы.

Крупная фигура в собачьей дохе вывалилась из нарт, проворно ухватившись за задние копылья. Первобытный тормоз действовал надежно. Еще минута — и ездок приблизился к девушке, держа за спиной повод и загораживая путь рвущемуся вперед оленю, нетерпеливо толкавшему его мордой. Это был геолог Александров — тогда двадцатитрехлетний начальник партии, бешено мчавшийся сквозь тайгу с важными проблемами из только что пройденной разведочной штольни. С полуслова геолог понял, что случилось. Александров умел водить машины и действовал быстро. Белый бегун по имени Высокий Лес (все беговые олени имели собственные имена в отличие от безымянных трудяг, ничем не выделявшихся из общей массы) был отведен подальше и крепко привязан. Остывший мотор еще не успел замерзнуть, и Александров не стал терять времени на его разогревание. Пользуясь своей незаурядной силой, геолог принялся неистово крутить рукоятку, едва только убедился в исправности подачи и зажигания. Все было так, как представлялось Вале в ее мечте. Могучая широкоплечая фигура, свободно и быстро вращавшая заводную ручку, такую неподатливую для слабых рук девушки. Мотор сначала не отзывался даже силе геолога, но потом, как бы очнувшись, фыркнул раз, другой, громко чихнул и вдруг бодро пошел. Работа двигателя выравнивалась, и, пока он разогревался, геолог заставил измученную девушку выпить немного спирту и поесть. Александров отвернул пробку бензобака и слил весь нечистый бензин с иголками льда, скопившийся на

дне бака, чтобы исключить повторение инцидента. Геолог действовал так уверенно, говорил так весело, что все происходившее полчаса назад показалось девушке приснившимся кошмаром. А сейчас разогретый мотор ласково журчал на малых оборотах, путь до прииска был для исправной машины не столь уж велик и поздняя ущербная луна поднималась из-за хребтов.

Валя совершенно ободрилась, даже усталость прошла под спокойным и приветливым взглядом геолога. Тот обтер руки поданными Валею концами и протянул девушке крепкую горячую ладонь. Валя схватила ее и, волнуясь, не зная, как выразить наполнившее ее чувство, негромко сказала:

— Нет такого, чего я бы не сделала для вас! Спасибо вам, хороший!

— Зачем, Валя! А вы? Разнес бы меня Высокий Лес, и сидел бы я на дороге со сломанными нартами... и тут вы с вашей машиной! — геолог обвел взглядом девушку, такую маленькую, хрупкую рядом с огромной машиной, заразительно рассмеялся.

— Будете трогаться — не забудьте, что мост застыл, да и коробка...

При лунном свете Валя видела, как он отвязал оленя, и тот сразу же понесся с места, взяв размашистой иноходью. Геолог едва успел укрепиться на сиденье, как нарты скользнули за гребень увала и скрылись в темноте.

— Счастливой дороги! — донесся из мрака голос, абсолютно уверенный, что никакой другой дороги и не будет, только счастливая.

Этот одинокий геолог с похожим на белый призрак высоким оленем, как сказочный герой несущийся в царстве снега и гор, через сотни километров замерзшей тайги, передал девушке свою уверенность. Крикнув что-то прощальное, Валя влезла в кабину. С минуту она вращала мотором застывшую коробку, потом осторожно включила скорость, дав побольше оборотов. Медленно стронулась тяжелая машина, раза два буксанула на подъеме и пошла послушно преодолевать перевал за перевалом. Угрюмая луна осве-

шала такую же мертвую тайгу, но все было уже по-другому. Сзади мчался, удаляясь, приветливый сильный геолог, а впереди с каждым перевалом близился прииск. Еще не погасли звезды, а Валя явилась туда в облаках пара и, несмотря на крепчайший предрассветный мороз, была встречена всем населением прииска. Сердечное спасибо суровых приискателей и ласковое гостеприимство явились наградой за пережитое...

Валя очнулась от воспоминаний. Дорога отвернула в широкую степную долину, и машина выбросила налево хвост густой пыли. Жаркий день морил духотой, предвещая дождь, и Валя с тревогой посмотрела на Александрова. Он совсем навалился на скобу, почти прижимаясь к ветровому стеклу мокрым от пота лицом. Валя сообразила, что геолог удерживается на сиденье лишь руками, потому что вся нижняя часть его туловища лежит, как неживой тук.

— Может быть, остановимся? — предложила Валя.

— Как хотите... Вы устали?

— Немного, — солгала Валя.

Александров вздохнул с облегчением. Машина остановилась на сухой просторной поляне, под сенью темных кедров. Валя поставила кипятить чайник, а геолог, шатаясь и вихляясь на костылях, углубился в заросли кустов. Его неважное состояние усугублялось тем, что некоторые естественные потребности превращались в нечто сложное и постыдное из-за тягостной беспомощности.

Валя украдкой посмотрела ему вслед, и жалость снова резнула ее по сердцу. Стараясь отвлечься от невольного сопоставления двух обликов Александрова, она захолопотала с едой. Геолог вернулся багровый от усилий и почти упал на траву у костерка. Валя постелила пальто, положила под голову мягкий вещевой мешок, и геолог, полежав на спине, постепенно ожил. Чашка крепкого чая — и Александров закурил папиросу.

— Вы раньше не курили вроде? — спросила Ва-

ля, чтобы как-нибудь нарушить непривычное для нее молчание.

— Всего месяц как курю... раньше не требовалось, — натянуто усмехнулся Александров.

— Вы зачем едете так далеко? Поискать что-нибудь по вашей части?

— Вы угадали, Валя!

— Я так и знала, что вы иначе не сможете... Только как теперь-то?..

— А ползком! — улыбнулся геолог, и в его лице мелькнула прежняя непобедимая уверенность хозяина тайги.

Сердце Вали радостно екнуло. Сквозь незнакомую маску она распознала дорогие черты старого друга.

— Но так ведь нельзя!

— Всем нельзя, мне можно, — в прежнем тоне продолжал геолог, — сейчас все зависит от вас! Довезите и помогите разыскать промышленника или лесника поблизости от Юрты Ворона.

— Чего вам дался этот перевал, там, говорят, грозы страшные, нынче как раз время...

— Дело не в перевале, — уклонился Александров, — ну, это впереди, а мы еще не поговорили о вас. Как вы, Валя?

— У меня по-старому, Кирилл Григорьевич! Работую, много читаю, опять же, общественные дела — словом... без перемен, — ответила Валя на недосказанный вопрос геолога.

— Жаль! Очень вы хорошая, Валя, и... хорошенькая, — грустно и серьезно сказал Александров.

— А мне не жаль — я вам раньше объясняла. Друзья и товарищи-мужчины, кто по возрасту бы мне соответствовал, — двадцать второго, двадцать третьего, двадцать четвертого года рождения. Это те самые годы, что приняли на себя в войну первый страшный удар врага. Мало их осталось в живых, ну, а нас, их подруг, слишком много...

— Ну, а если постарше, разве плохо?

— Кто постарше, вот как вы, например... — Валя вдруг покраснела, — они давно женаты, кто порядочный, а кто меж двор шатается — за тех и идти не

к чему. Как иначе? Хороший, да женатый, да с детьми — я так не могу. Свое счастье с чужого несчастья начинать — не выйдет у меня, а уж если детишки, то и говорить не о чем. Выходит, на нашу долю, кто одного со мной возраста, остались мальчишки — тьфу, ерунда! — либо кто неприкаянный, пьяница да бабник остался! Сами видите, получается такое замужество... только себя уронишь...

— Но ведь может же встретиться подходящий и... неженатый еще, а то и вдовец хороший.

— Может, само собой, да не встретился. Ну что говорить, судьба не привела, — лицо молодой женщины посуровело, — но впереди большая радость намечается. Жду ее нетерпеливо!..

— Что же такое? — даже приподнялся на локте Александров.

— Решило наше государство важнейшее дело: чтобы каждый мог получить знания какие хочет по собственному желанию и вкусу — я про народные университеты. Это дело громадное, и тяга у народа к тому, чтобы искусство, книги, науку понимать, несказанная. Не для звания там какого, а для себя, чтобы жизнь интересней стала...

— Эх, Валя, вам бы с Фоминым повстречаться, есть такой старый горняк, вы ему прямо родная душа... я в больнице лежал с ним.

— С горняком вашим когда встретимся, а в университет этот мне поступить сейчас — самая большая забота. Говорят, заявлений столько, что надо еще десять других открывать...

— Я могу написать письмо в Кызыл, чтобы вам помогли. Не помогут поступить, так посоветуют, где добиваться, а это уже полдела, самое важное — знать, куда правильно удариться!

— Ой, Кирилл Григорьевич, дорогой, напишите! У меня есть всякие рекомендации, но у вас будет по ученой линии.

— Напишу сейчас! — геолог извлек из полевой сумки конверт и бумагу и принялся писать.

Валя с загоревшимися глазами следила за размеренным движением его руки.

Машина вырвалась, наконец, из зарослей после долгого мотанья на осклизлых корнях, буксовки в чернеющих торфяной грязью мочажниках. Прекратилось тарахтенье веток по кузову, замолк и мотор. В наступившей тишине стал слышен слабый шум перегретого радиатора.

Александров, едва живой после езды по бездорожью, с облегчением увидел дымок, поднимавшийся из железной трубы низкого, добротного срубленного зимовья. Кочковатая поляна с севера точно забором огораживалась «флажными» лиственницами — толстыми деревьями, лишенными веток с одной, наветренной стороны.

На жердинной лавке у входа в зимовье сидел, видимо давно поджидавший машину, пожилой тувинец. Едва «ГАЗ-69» остановился, как, собрав в приветливой улыбке все морщины обветренного лица, хозяин поспешил навстречу гостям.

— Хорош машина, куда заехал... пх! Баба-шо-фер... хорош! А я чай готовил. — Тут он увидел тяжело вылезавшего на своих костылях Александрова и замолк от удивления.

— Ну, Валя, дорогая, спасибо вам, жив буду — век не забуду! — растроганный тон геолога был не созвучен полушутливым словам. — Только вы это смогли сделать. Теперь мое дело выйдет: отсюда до Юрты Ворона не больше десяти километров...

Молодая женщина смутилась, покраснела и, ласково взявшись за локоть геолога, сказала:

— Я так рада! Только не понимаю я, что вы тут будете делать, не вижу, чего задумали. Скрываете вы от меня серьезное что-то... раньше вы так не делали! Значит, дружба дружбой, а табачок — врозь?

— Ладно, Валя, вам я скажу... Но никому ни слова! — и геолог рассказал о своем плане поисков месторождения на перевале Хюндустыйн Эг.

— А вы-то сами?.. Как решились! — в тоне молодой женщины звучал явный испуг.

— Ну, что я? А ваши сверстники, что лежат

в украинских степях и лесах Прибалтики, — они могли, если нужно!

— Я не о том. Если это так сильно нужно, то почему же раньше...

— А, понял! Раньше простой расчет да расчет, а не чрезмерная осторожность. Результат очень сомнителен, риск, безусловно, велик, а другого, не менее важного дела — невпроворот.

— Ясно, — протянула Валя. — Теперь вам такому можно идти на очень сомнительный результат. Какой угодно риск, пусть все сто против одного — вдруг да выйдет. Вот как вы себя цените. А о близких вам людях — о жене, о друзьях — подумали?

— Подумал. Жена, друзья — это друзья геолога Александрова, которого уже нет, и только вопрос времени, на сколько у кого хватит памяти.

Валя, словно подхлестнутая, отстранилась от геолога.

— Вот как! Спасибо, отблагодарили! А я сейчас кто? И впредь буду то же, не беспокойтесь!..

— Поймите меня верно, Валя. Если я выиграю этот один шанс... тогда!.. Ведь я человек самый обыкновенный, со слабостями, и мне нужно выздороветь... душевно. Посмотрите на меня — разве вы не видите после какой я передрыги?

Валя опять залилась краской и вдруг обняла Александрова, всхлипнула и, стыдясь своего порыва, бросилась в машину.

— Я приеду... когда дадите знать... Только, только... берегите себя, как сможете... Я хочу сказать, чтобы вы не смели нарочно...

— Обещаю вам, Валя! — твердо ответил геолог. — Только куда же вы? Сейчас будем чай пить, потом отдохнуть надо.

— Не надо! Боюсь, что просрочила я путевку. И... я, я — реветь буду! — заключила молодая женщина, прикрывая глаза; на руль закапали слезы.

Зафырчал мотор, и не успел геолог двинуться, как машина развернулась и умчалась по извилистой тропе в заросли. Александров долго смотрел ей вслед, слушая замирающий вдали шум мотора.

Хозяин зимовья решился нарушить этикет, заговорив первым.

— Зачем ссорились? Шибко худо получилось — машина уехал, ты остался... Что делать будем? А я чай готовил!

Геолог успокоил лесника. Выпив положенный чай, Александров повалился на нары и забылся тяжелым сном. Он проснулся, когда солнце уже садилось. Дверь в зимовье была открыта. Пучок багульника, тлевший на угольях в старом тазу, распространял резкий аромат, оборонявший спавшего геолога от комаров. Хозяин сидел на пороге с деревянной, окованной медью трубкой в зубах и смотрел на юг. Там громоздились тяжелые тучи, густо лиловые в свете зари. Сеть далеких молний внезапно зазмеилась в лиловых громадах. Как будто из-под земли донесся дальний раскат, и в нем было столько угрозы, что Александров вздрогнул. Устремленное вдаль лицо лесника было бесстрастно и так неподвижно, что казалось в сумерках деревянным. Даже трубка не шевелилась, крепко зажата в опертую на колено руке. Александров подполз к двери. Хозяин зажег погасшую трубку и поднес спичку к папиросе геолога. Оба молча курили, пока Александров не решился, наконец, задать важный вопрос о коне для поездки к перевалу. Непроницаемо темные глаза хозяина тщательно оглядели гостя.

— Не понимай я, кто пускал?

— Как кто пускал? — переспросил геолог.

— Тебя кто сюда пускал? Совсем не можешь ходить, совсем плохой, ай-яй? Зачем приехал? Пропадать приехал, однако!

Геолог стал объяснять цель своего приезда, не говоря правды. Ему надо наблюдать грозу на перевале Юрта Ворона, чтобы понять, откуда приходят тучи и как предсказывать непогоду для путников. Он двигаться не может, но сидеть в шалаше, смотреть и писать может...

Хозяин слушал не перебивая.

— Кто тебя посылал, все путал, — заговорил туvinец, когда геолог кончил свою речь. — Теперь

через Хюндустыйн Эг десять лет скот не ходит. Наша республика как в Союз вошел, тогда и кончал. Такой опасный дело напрасно получается. Почему так, какой дурак думал?

Александров сообразил, что этот мифический дурак — он сам. Обмануть сына природы с его серьезным отношением к жизни и вдумчивостью таежника оказалось делом не столь простым, как сначала представилось Александрову. Стыдясь своей ненужной лжи, геолог сказал леснику все, как старшему брату или отцу, не утаивая более ни своей болезни, ни конечной цели.

В сгустившейся темноте он не мог разглядеть лица тувинца. Хозяин долго набивал трубку и возился с отсыревшей спичкой, потом курил длинными и редкими затяжками. Вспышки трубки освещали его нахмуренный в усилии мысли лоб и опущенные в землю, прикрытые веками глаза.

— Я тебе помогать буду, — спокойно произнес он, и Александров облегченно вздохнул. — Я думаю, ты правильно живешь. Сам тебе помогал бы... да вот один только сынка у меня был, да помер, баба оставил и два ребята. Теперь мне думать надо, опасное дело ходи! Еще сколько лет помогай им надо.

Александров протянул руку и положил ее на костистое, со сморщенной, шероховатой кожей запястье хозяина. Тот понял этот жест безмолвной благодарности и торопливо сказал:

— Теперь чай пьем, потом спи надо. Утром рано пойду за конем. Вещей тебе мало, продукты и тебя сразу свезем, конь сильный. Устал, однако, давай ложись!

Лесник быстро уснул, а геолог еще долго лежал в темноте, с благодарностью думая об исполненной уважения к чужим чувствам и думам бескорыстной дружеской помощи. Ни Валя, ни лесник не произнесли сакраментальных слов: «потом отвечай за тебя», — слов, которые так часто попадались в книгах, что он начал думать, будто фальшивый страх ответственности составляет чуть ли не главное ощущение многих людей. А в жизни случилось как раз

наоборот. Никто не старался приписать ему свои случайные домыслы и, заподозрив его в нелепых намерениях, обнаружить свою мнимую проницательность. Даже хозяин, который имел бы на это право после того, как геолог пытался солгать ему, сразу же поверил настоящему объяснению. Александров понял, что чуткость помогавших ему людей выработалась в суровой жизни, где каждый немедленно отвечает за свои личные промахи перед самим собой и ближайшими товарищами. Эти люди привыкли полагаться прежде всего на себя и, главное, доверять себе. Геологу привиделась поддержка не двух, а тысяч таких людей, готовых ежеминутно прийти на помощь. Уверенность в невиданной силе коллективов, способных выполнить любую сказочную задачу и составить опору нашего общества, как-то ободрила Александрова. Нервная усталость последних двух дней от огромного напряжения бессильного тела и тревоги за выполнение намеченного отошла, сменилась покоем, растворилась в крепком сне.

* * *

— Э-эээй, э-ээээй! — надрывный крик разносил ся по пустому плоскогорью Юрты Ворона.

Александров узнал хозяина, выполз из растрепанного ветром шалаша и попытался откликнуться. Простуженное горло издавало лишь сиплые, слабые звуки, но слух таежного охотника не упустил их. Скоро тувинец показался у шалаша Александрова. Он внимательно оглядел обросшего геолога, закопченного, в просыревшей и прожженной одежде, изорванной судорожным ползанием по кочкам и багульнику.

— Плохо тут тебе, инженер. Я продукты привези, еще вот — куртка мой. Смотри, совсем рваный стал. Табак вот... Ой, какой ты, паря! — сморщился он от огорчения, когда геолог подполз к уступу, где стояли прислоненные костыли, и поднялся, цепляясь руками за кустарник.

— Ничего, — бодрился Александров, — все в порядке...

За этими незначащими словами стояли две недели жизни на перевале Хюндустыйн Эг, настолько странной, что Александров вряд ли смог бы рассказать о ней.

В знойные дни и душные ночи геолог бодрствовал, поджидая очередное полчище грозовых туч, уже издали возвещавших свой приход тяжелым, вибрирующим грохотом. Днем тучи ползли, как стада воздушных китов, набрасывая на землю серую тень тревожного ожидания. Ночью нечто бесформенное закрывало звезды, словно подкрадываясь для нанесения внезапного и свирепого удара. Все кругом затихало, настораживаясь, и вот страшные удары раскалывали воздух, горы и весь мир, слепящие вспышки учащались, переходили в непрерывное полыхание извилистых полос огня, бороздивших небо по всем направлениям. Иногда гроза была настолько сильной, что от грома и сотрясения почвы мутилось в голове, уши переставали слышать, голова плохо соображала. Вертикальные столбы молний стояли повсюду, огораживая перевал, как страшную западню. Александров полз туда, где сверканье и грохот превращались в сплошной огонь и рев. Странное покалывание пронизывало все тело, в ноздри бил резкий, кружащий голову запах озона, тело поливаемое потоками ливня, коченело под порывами ветра. Скоро геолог понял, что его, казалось бы, простая задача очень трудна. Он передвигался ползком слишком медленно, несмотря на лихорадочные усилия. Костыли не держали на скользких камнях и кочках, зацеплялись в путанице жестких веточек багульника, травы и корней. Он подбрасывал свое полуживое тело резкими толчками рук, устремляясь навстречу молниям. Словно по заговору обернувшейся против него природы, скопление молний оказывалось в таком отдалении, что он не успевал доползти, или близкие разряды прекращались слишком скоро. Александров сам себе напоминал черепаху, гонящуюся за быстрыми птицами. Насмешливо и сво-

бодно молнии уносились вдаль в тот самый миг, когда он, казалось, уже приблизился к месту их страшного буйного танца. Много раз геолог, совершенно выбившийся из сил, впадал в полубеспамятство и лежал, поливаемый холодным грозовым дождем, пока резкий ветер не приводил его в себя. Александров полз к своему шалашу, разжигал дымный костер и кое-как сушился. Несмотря на тучи комаров, он забывался лихорадочным сном, пока грохотанье, от которого содрогалась земля, не вещало ему о прибытии нового отряда туч. Воля к борьбе не иссякала, но, может быть, только насыщенная электричеством атмосфера гор спасала геолога, когда казалось, он обязательно должен погибнуть от холода, сырости, переутомления и недоедания. Три-четыре раза молнии ударили так близко от него, что Александров на время слеп и глух. Окружающее неистовство грома и слепящего огня ускользало из его сознания. В этих случаях Александров упускал возможность проследить за повторными ударами молний и заметить место колышками, связка которых висела у него на шее. Назревала трагедия, сулившая бесплодный конец его усилиям. Близкая молния лишала возможности наблюдать, а только с помощью близких молний геолог надеялся нащупать место залегания рудного тела.

Наступили ясные, солнечные дни. Александров отдохнул от полубредового напряжения и преодолел странный гипноз горной грозы. Он смог поразмыслить над результатами своего двухнедельного житья среди молний. Геолог уверился, что под болотистыми кочками Юрты Ворона залегают металлические руды. Почти не было сомнения в большом количестве рудных жил, рассекавших в глубине плоскогорье, слабо выпуклым куполом протянувшееся далеко на запад по направлению широкой складки метаморфических сланцев, слагавших хребет перевала. Пляска молний, метавшихся между отдаленными друг от друга участками, внешне абсолютно неотличимыми друг от друга, показывала широкое распростране-

ние рудных жил. Возможно, главная масса руды залегала в ядре складки, как в некогда знаменитом богатейшем месторождении свинца Брокен-Хилл в Австралии. Александров покончил с зарисовкой распределения частых ударов молний на площади перевала. Постепенно, день за днем, ночь за ночью нащупывалось место наибольшего скопления молний при всякой грозе. Там можно было рассчитывать на самое неглубокое залегание воображаемых жил. Геолог переносил свой шалаш поближе к молниевому центру и с каждой грозой приближался к нему. Но дни шли, период гроз мог внезапно окончиться — Александров жил со все увеличивающимся нервным напряжением. Четвертый день не было настоящей грозы, а мелкий морозящий дождь только порождал тревогу, свидетельствуя, что время гроз проходит. В таком состоянии и нашел Александрова хозяин, разыскавший новое место его шалаша в двух километрах к западу от прежнего.

— Ничего, — повторил геолог, избегая укоризненного взгляда лесника, — теперь уже скоро!

— Почему скоро? — оживился тувинец. — Нашел чего?

— Нет, не нашел, скоро грозы кончаются.

— Да-а? — разочарованно протянул лесник. — Скоро, неделя, я думаю.

— Ну вот, через неделю и приезжай за мной. Еще смотреть буду.

— Пх, пх, — качал головой тувинец, ожесточенно затыкаясь из трубки, но ничего не возразил геологу.

Они выпили чаю с лепешками и медом, привезенными из селения как подарок лесника. Затем тувинец взгромоздился на коня, и Александров остался снова наедине с шелестом ветра на пустынном перевале, неотвязной болью в пояснице и привычными невеселыми мыслями.

Прошло еще два дня — солнечных, сухих и ветреных.

Александров уныло отлеживался в шалаше, подаваясь гнетущей усталости, не покидавшей его со

времени отъезда лесника. Боль в сломанной спине не давала спать, бессонница усиливала дикое нервное напряжение. Александрову казалось, что если только на секунду он даст себе волю, тогда мрачное душевное угнетение одолеет. Он закричит, завоет, начнет кататься, кусать и царапать землю, подавшись темному чувству ярости и бессмысленного отращения к себе и всему миру, не выдержав отчаянной безысходной тоски. Геолог вцепился пальцами в кочку под головой, чтобы не поддаться напившему в душе жуткому желанию, и замер, не обращая внимания на комаров и залепившую глаза и уши мошкарку. Александров не знал, сколько времени прошло, когда услышал знакомый отдаленный грохот. Судьба оказывала ему маленькую милость. Как корка, брошенная умирающему от голода, поможет лишь отдалить смерть и тем продлить ненужные мучения, так и приближающаяся гроза уведет его от тоски. Еще два-три часа он будет жить полно и радостно, в стремлениях и борьбе исследователя, в напряжении поиска, этого могучего, глубокого и древнего инстинкта, всегда живущего в человеческой душе!

Александров выполз из шалаша. Тусклая серая пелена затянула восточную половину неба и погасила утреннюю зарю. Ее краски померкли, ветер взвыл, покатился по плоскогорью и вдруг утих. Остановленная ночь стала безмолвной, прекратился отдаленный гром. Железное небо тяжело навалилось на придвинувшиеся к перевалу чугунные хребты. Давящая тишина заставила геолога содрогнуться. Надежда на грозу, на возможность забыться в борьбе покидала его в момент, когда дальнейшая жизнь казалась безнадежной и невыносимой. Он отвернулся и хотел заползти в свою сырую нору, как умирающий зверь, для которого отвратительны зовы жизни и свободный простор природы. Чудовищная вспышка и сразу же последовавший за нею оглушительный удар пришпорили его, как смертельная опасность выбившегося из сил коня. Александров рванулся навстречу зеленоватым слепящим столбам,

которые встали там, где он ожидал. Гроза была особенно сильной, или он сразу попал в ее центр. Непрерывный грохот будто вдавливал Александрова в землю. Он крепко зажмурил глаза, чтобы не ослепнуть от встававших перед ним каждую секунду гремящих столбов электрического огня, плясавших, извивавшихся исполинскими бичами, хлеставших по всем направлениям, сотрясая небо и горы. Казалось, все дрожит в ужасе перед силой этих многокилометровых электрических искр.

Геолог упорно полз, обливаясь потом под струйками холодного дождя. Оглушительный треск разордал окружающий мир, и Александров перестал слышать, ощущая раскаты грома лишь по сотрясению тела. В глазах за плотно сжатыми веками струилась и крутилась светящаяся пелена. Он потряс головой, раскрыл глаза, но пелена не проходила, и геолог лишился ориентировки. Это был конец. Как мог теперь он достигнуть своей цели? Детская обида на нелепую несправедливость судьбы, продолжавшей бить его, нанося удар за ударом, потрясала до глубины души. Александров всхлипнул, опуская отяжелевшую голову на мокрую землю, вжимаясь в глинистую почву пылающим лбом. Прикосновение к земле исцелило его, струящаяся пелена неожиданно отошла от глаз. Геолог поднял взор и увидел совсем близко целый пучок зеленых молний, ударивших в ничтожный бугор, заметный по тонкому пруту засохшей лиственницы. Там! Ловя ртом воздух пополам с пахнущей озоном водой, охая и всхлипывая от усилий, геолог рывками бросал свое гнусно тяжелое тело, цепляясь за кочки, щебень, кустарник ободранными в кровь руками. Гремящий и светоносный удар отшвырнул Александрова прочь от желанной цели, но не причинил ему ощутимого вреда. Пусть, ничего не страшно! Стена за стеной огня вставала перед геологом, земля непрерывно тряслась, ночь качалась между нестерпимым сверканием и мгновенной глухой чернотой. Но он достиг заветного холмика, разорвал шнурок на колышках и глубоко вонзил один в почему-то теплую мокрую землю.

Сознание мутилось. Медленно ворочая мыслями, геолог подумал о совершенной им ошибке. Где же записка на случай, если он не переживет этой расцветной грозы? Едва он полез негнушимися пальцами за отворот куртки, как оно случилось... Все его тело до кончиков пальцев пронзило ужасающее ощущение — обжигающее, рвущее и в то же время оглушившее смертным покоем. Он не увидел и не услышал ничего, а только вытянулся в сильнейшей судороге, когда десятикилометровый искровой разряд ударил в почву рядом с ним, может быть прямо в него. Геолог застыл, ничком охватив обеними руками заветный колышек...

Но молния в несчетный раз пощадила его. Александров очнулся под теплым высоким солнцем. Ветер, высушивший одежду на спине, нес свежесть монгольской степной долины. Пригретое плоскогорье расстиралось под голубым небом. Невозможно было поверить в безумный разгул космических сил, пылавших и грохотавших здесь несколько часов назад. Но колышек торчал тут, воткнутой косо и неуклюже под самым носом геолога. Александров пошевелился, приподнялся и посмотрел вокруг. Слева, всего в километре, виднелся его шалаш. Кто сможет поверить случившемуся, почувствовать бесконечно долгий путь, который привел его сюда в грозном мраке?

Тупая боль в левом колене удивила его. Посмотрев вниз, геолог потерял дыхание. Приподнимаясь, он сделал то же, что и всякий нормальный человек, но чего не мог сделать парализованный калека! Он подогнул под себя ногу и уперся коленом в землю! Острый камешек под ним дал знать, что нога чувствует! Хрипя разом пересохшим горлом, Александров попытался снова пошевелить ногами. Они работали, двигались! Безмерно слабые, с бьющимися, как тряпки, мышцами, они жили! Александров боялся поверить себе. Прошло с четверть часа, прежде чем он решился на вторую попытку двинуть ногами, и она опять удалась! Смутное понимание вселило робкую уверенность в потрясенную

душу геолога. Один ли убийственный разряд, или неоднократные удары молний, или страшное нервное напряжение, но что-то сделало свое дело — поврежденные нервы ожили. Внезапно Александров попробовал встать, не смог и тяжело упал на бок. Но секунду ему удалось постоять на коленях... постоять на коленях... Мысли оборвались, и прерывистые рыдания огласили безлюдное плоскогорье. Безлюдное?.. Нет, там вдали всадник, это едет лесник. Почему на три дня раньше? Как он узнал?..

— Утром такой гроза был... я подумал, ехать надо, тебя смотреть. Живой ты, инженер, хорошо...

— Живой, я живой! — так закричал Александров, что тувинец вздрогнул.

— Больной, что ли? Собирайся, повезу наш поселок!

— Повези, только сначала прошу: копай тут, — геолог показал на колышек.

— Нашел? — широко осклабился лесник.

— Нашел! — с непобедимой уверенностью ответил геолог, и тувинец поехал к шалашу за лопатой.

* * *

Александров, опираясь на палку, проковылял к столу и достал из заплечного мешка тяжелый блестящий кусок руды.

— Из жилы нового месторождения «Юрта Ворона», — с торжеством сказал он начальнику управления. — Есть смысл ставить там основательную разведку.

ПОСЛЕДНИЙ МАРСЕЛЬ

Корабль умирал. Море несколько часов тому назад покорно несло его на себе, а теперь врывалось в него с глухим плеском. Горячее сердце судна остыло и смолкло. Лишенное хода, оно тяжело качалось с борта на борт, уваливаясь под ветер.

Нос корабля поднялся, высоко выставив над волнами красные скулы и ржавое закругление форштевня. На палубе, заваленной обломками, битым стеклом, обрывками тросов, не видно было людей. День, вначале солнечный и веселый, кончился туманом. Туман опустился к волнам и, казалось, душил да-

же ветер. Туман густел и обтекал корабль, охватывая его не спеша, как заранее обреченную жертву.

Семь часов назад «Котлас» был вполне исправным транспортом. Он совершал свой шестой рейс из Америки в СССР. Вместе с десятком более крупных пароходов под конвоем военных судов «Котлас» благополучно проделал большую часть пути, несмотря на два налета немецких бомбардировщиков.

В солнечной синеве погожего осеннего дня появились фашистские бомбардировщики и завязали бой. «Котлас», один из «малышей» каравана, шел в числе концевых кораблей. Грязно-серый «юнкерс», круживший вначале над головными крупными кораблями, неожиданно отвернул и, задрав хвост, ринулся на «Котлас». Зенитка бесстрашно встретила ревущее чудовище, но «Котласу» не повезло. Одна бомба, сокрушив гакаборт, разорвалась под кормовым подзором, подбросив судно так, что исковерканный руль на секунду повис в воздухе; другая — через полуют проникла в заднее отделение кормового трюма. «Котлас», потеряв руль и винты, под угрозой затопления топок стравил пар.

Громкое шипенье, как тяжелый вздох, разнеслось вокруг, оповещая караван о катастрофе. Начальник конвоя не считал себя вправе из-за этого задерживать весь караван. «Котлас» был взят на буксир кораблем охранения, раненых перевезли на другое судно, и дым от многочисленных труб закрыл горизонт впереди: караван, развивая ход, двинулся своим путем.

В течение пяти часов оба оставшихся корабля шли спокойно, надеясь вскоре увидеть эсминец, который начальник конвоя обещал выслать навстречу, едва караван минует опасную зону.

Но задул свирепый норд-вест, ветер развел волну, буксир оборвался. Вся команда «Котласа», не исключая кочегаров и машинистов (кроме тех, которые во тьме трюмов боролись с проникновением воды через разбитый рецесс и тоннель гребного вала), была на палубе, выбирая тяжелый перлинь буксира. Но перлинь лопнул вторично, и почти у самой

кормы буксирующего корабля. В довершение всего появился вражеский разведчик.

Не успели моряки «Котласа» полностью выбрать буксир, как вызванные разведчиком бомбардировщики атаковали из-за облаков оба судна. Сторожевик получил две пробоины и, приняв сотни две тонн воды, осел носом. Бомбардировщики старались уничтожить корабль охранения, справедливо полагая, что без него беспомощный «Котлас» все равно не уйдет. Израсходовав тяжелые бомбы, фашисты бросили на палубу «Котласа» лишь несколько осколочных, а затем долго секли оба корабля пулеметными очередями. Погибли капитан «Котласа», боцман и несколько моряков.

Самолеты исчезли, но поврежденный ими сторожевик больше не мог буксировать: он сам оказался в опасном положении. Оставалось одно: уходить, пока сторожевик еще не потерял возможности двигаться своим ходом. Командир сторожевого корабля предложил затопить «Котлас», но старпом парохода, заменивший убитого капитана, отказался. Вместе с ним решили остаться все не получившие ранения моряки с «Котласа». Они хотели продолжать борьбу, надеясь на скорый приход эсминца конвоя.

Сторожевик ушел, взяв на борт раненых с «Котласа». Море было пустынным, и таким же пустым, покинутым казался «Котлас», медленно дрейфовавший на зюйд-зюйд-ост. Рация на нем больше не работала: паровые донки не могли откачивать воду. В сущности, это был лишь холодный труп корабля, еле державшийся на воде. Но с ним остались шесть моряков.

Один из них, высокий, худощавый, осматривал рубку. Это был старпом «Котласа» Ильин. Угли его рта опустились, на щеках обозначились длинные вертикальные морщины, отчего лицо стало напряженным и жестким. Туман — прежде друг, скрывавший корабль от врага, — сейчас стал грозной опасностью. Найти «Котлас» в обширной зоне тумана для шедшего на помощь корабля конвоя было не-

посильной задачей. Дать радио Ильин не мог: для гудков не было пара. Оставалось бить в колокол, рискуя приманить подводную лодку или рейдер врага.

Старпом задумался. Скоро ночь, норд-вест, по-видимому, установился надолго. Холодный ветер, пролетая над теплыми струями Гольфстрима, подхватывает насыщенный водой воздух и гонит его сюда, сгущая в туман. Дрейф несомненный, и «Котласа» несет к вражеским берегам. Ильин сжал зубами мундштук давно погасшей трубки, представив себе растаявший поутру туман и «Котласа» в виду вражеского берега.

Волна плеснула, слабо звякнула дверца шпигата. Этот звук напомнил старпому картину недавних похорон погибших в бою товарищей и капитана «Котласа». Ильин любил капитана, и мало кто на судне знал о задушевной дружбе, связывавшей обоих. У старпома снова защемило сердце, как в тот момент, когда он наклонился над смертельно раненным капитаном. В последний раз заглянул он в глаза друга, которые вдруг потеряли обычную серьезность и смотрели на старпома по-детски открыто и ясно. Побелевшие губы разжались. Ильин уловил слабый шепот: «...вам... Вы сохраните для...» Старпом так и не узнал, говорил ли капитан о корабле или о своей заветной тетради: капитан уже несколько лет писал записки по истории русского флота.

«История русского флота,— не раз говорил капитан Ильину,— для меня делится на три части. Одна—это военный флот, имеющий большую официальную историю. Вторая—торговый флот, такой истории не имеющий. Длинная цепочка тянулась от царствующего дома,—тут капитан пускал крепкое морское слово,—до хозяев. Кому здесь было историю писать? Однако русский торговый флот рос и развивался, давал замечательных моряков, и тут он никому, кроме как русскому народу, не обязан. О нем вы прочтете в разных произведениях, учебных и литературных. Но уже совсем никакой исто-

рии не имеют те русские моряки, которые не нашли себе места в царской России и вынуждены были уйти на чужие корабли. Об этих подчас замечательных моряках ничего не известно. Пробел этот я пытаюсь заполнить. Ведь я из старинного моряцкого рода и многое знаю такое...»

Все это Ильин вспомнил сейчас, стоя на исковерканной палубе «Котласа»,

* * *

Два керосиновых фонаря, качаясь и коптя, бесильны разогнать душный мрак. Вода выше пояса. С каждым размахом судна тяжелая масса воды грозно и глухо ударяет в переборки. Эта черная, кажущаяся невероятно глубокой вода — самый немолчимый, опасный враг.

— Ух, холодище! — слышался ясный молодой голос откуда-то из темноты.

— Ничего, Витя, сейчас погреемся! — отозвался другой, хриловатый голос. — А ну, Титаренко, давай ее сюда!

— Не подпереть, выдавливает...

— А богатырь наш где?

— Курганов, на подмогу!

— Не могу, мы тут с механиком...

— Стой! Вот попало... Давай жми, дер-жи-и-и! Эх, проклятая!..

— Выдавило опять? — спросил сверху Ильин. — Сейчас я спущусь... Заводи под стрингер... Стой!.. Так, бей!

Удары молота, всплески воды, резкие окрики наполняли темное и тесное помещение.

— Фу! — отдуваясь, сплюнул кто-то. — Нахлебался...

— Вкусна трюмная водичка? — подшутил над ним другой голос.

— Как будто все, Матвей Николаевич? — негромко спросил Ильин.

— Все пока, — ответил второй механик, Головин, беспрерывно отплевываясь.

— С тоннелем справились, — продолжал старпом. — А в машинном?

— Там ничего не сделаешь! — И невидимый в своем углу механик махнул рукой, появившейся в свете фонаря. — Гребной вал согнут, сальники протекают, ахтерпик разбит, рецесс разбит, коридор поврежден — давить все равно будет...

— Да, тут подкрепить нечем, — согласился старпом.

Насквозь промокшие моряки вылезли на палубу, где их сразу до дрожи в теле прохватило холодным ветром. Солнце село, но было еще достаточно светло, чтобы видеть, насколько плотен туман — даже шпиль на приподнятом носу «Котласа» расплывался. Пятеро мокрых, дрожащих людей посмотрели на Ильина, и на лицах их был написан один и тот же вопрос. Молодое, красивое лицо третьего помощника казалось растерянным, механик зло закусил губу, а гигант кочегар угрюмо хмурился. Ильин предложил всем поскорее переодеться и подкрепиться, а затем поочередно дежурить у судового колокола, уцелевшего на покривившейся стойке. Это было единственное средство дать знать о себе — звонить в колокол. Делать это надо осторожно, все время прислушиваясь, и чуть что — прекратить и звать всех наверх. «А там — как судьба!» — заключил Ильин и, сопровождаемый своим немногочисленным экипажем, направился в каюту.

* * *

— Прибавляется? — отрывисто спросил механик.

— Еще фут.

— Порядочно, даже чересчур! — Механик вопросительно посмотрел на старпома.

— Запускайте, — распорядился Ильин. — Бензина мало, но другого выхода нет.

Механик поманил рукой кочегара, и оба исчезли в темноте. Скоро к размеренным ударам колокола прибавилось пыхтение мотора. Механик кончил ре-

гулировку, любовно погладил по гладкому зеленому цилиндру бензиновой помпы:

— Выручай, милая!

Слегка сконфузившись, он посмотрел на стоявшего с фонарем кочегара. Но кочегар прислушивался к звуку мощной струи воды, лившейся за борт, и одобрительно кивнул:

— Маленькая, да удаленькая! Эх, хватило бы бензина!.. — Кочегар замолчал и совсем другим тоном закончил: — Пойдемте, Матвей Николаевич.

Темная, беспросветная ночь, нависшая над кораблем, тянулась медленно. Моряки собрались в каюте старпома, поближе к выходу. Сменялись дежурные у колокола — входили закованные, отогреваясь приготовленной на столе стопкой. Много раз старпом и механик спускались в трюмы измерить уровень воды. И по мере того как шло время, приближаясь к рассвету, все меньше оставалось надежды на спасение корабля. Приток воды усиливался. Глухой стон переборки и скрип упоров говорил о возрастающем давлении воды. Если еще в помпе кончится бензин... Моряки старались не раздумывать, скрашивали тяжелое ожидание шутками и рассказами, но под конец все замолчали. В тишину едва освещенной каюты зловеще и настойчиво доносились редкие удары колокола, словно твердившие упрямо: «Нет, нет...» Минуты тишины, нарушаемой слабым тарахтением помпы, и снова: «Нет, нет...»

Кочегар вдруг смущенно улыбнулся:

— Спой-ка нам, Витя...

Остальные поддержали его.

Третий помощник, Виктор Метелицын, не заставил себя упрашивать. Юное лицо его порозовело и стало мечтательным, едва только пальцы коснулись гитары, которую он принес из своей каюты. Высокий, сильный голос запел всем знакомую песню. Метелицын пел, склонившись слегка набок и подняв красивое лицо к тускло светящему фонарю. Мрак каюты, квадрат белой скатерти на столе, и снаружи, в открытую дверь, настойчивые удары коло-

кола, которые уже не казались зловещими, а как бы аккомпанировали песне...

Ты, Родина, долго страдала,
Сынов своих верных любя.
Ты долго меня ожидала...

Голос певца оборвался. Последняя высокая нота еще звучала в гитарной струне, когда, словно подчиняясь певцу, внезапно замолчал и колокол. Ильин быстро выбежал к дежурившему матросу Чегодаеву.

— Мотор, Антон Петрович! — прошептал матрос.

Едва различимый рокот почудился Ильину. Моряки долго стояли в безмолвии ночи. Потом снова запустили остановленную было помпу.

Близился рассвет, но туман не пропускал лучей солнца, и контуры судна смутно обрисовывались в сумерках рассвета. Ильин вместе с молодым помощником упорно старался определить скорость дрейфа корабля, пока после долгих расчетов не убедился, что судно за ночь сильно отнесло к зюйд-осту и приблизило к вражеским берегам. Исчезла последняя надежда на помощь: слишком много воды принял «Котлас», чтобы долго держаться на поверхности, и слишком далеко отнесло его.

Под испытующим взглядом товарищей старпом сохранял спокойствие. Он не хотел сообщать печальные вести, прежде чем люди не подкрепятся, и с бодрым видом председательствовал за столом, чудом державшим тарелки на своей наклонной плоскости. Дневной свет после полной тревог ночи, казалось, обещал скорое появление помощи. Моряки повеселели.

Вдруг Головин изменился в лице и бросился на палубу. Все замолчали, быстро поняв, в чем дело: остановилась помпа. Это значило, что бочка бензина, присоединенная шлангом к баку мотора, опустела и, следовательно, до гибели «Котласа» остались считанные часы.

— Пойдемте, друзья, на палубу, на простор, по советуемся! — Эти непривычные в устах строгого

старпома слова подчеркивали наступление критического момента.

Из-за крена на палубе было трудно стоять. Пятеро моряков уперлись спинами в переднюю стенку рубки, защищавшую их от ветра, и выжидательно смотрели на Ильина. Тот, сгорбившись и расставив ноги, чтобы противостоять качке, обдумывал те простые и грозные слова, которые сейчас должен был сказать товарищам. Волны заливали корму и набегали на палубу со стороны накрененного борта. Изредка корабль вздрагивал, будто по его большому телу пробегала судорога, и тогда глухо звякал маленький колокол.

— Друзья, надежды сохранить корабль больше нет, — начал тихо, не поднимая головы, старпом. — Через час «Котлас» пойдет ко дну. Мы отнесены ветром и течением к берегам Норвегии, захваченной немцами. Шлюпки разбиты. Есть спасательные плоты, но продержаться на них долго мы не сможем, а подобрать... подобрать нас могут только враги. Значит, плен. Если выживем, прибудем к берегу — тоже плен... или...

Старпом открыто взглянул на побледневших товарищей.

Механик зябко вздрогнул. Ему представился клочок грязной земли, обнесенной колючей проволокой, и за ней — толпа измученных, исхудалых людей с погасшими глазами. «Нет, никогда!» Словно отвечая ему, Метелицын закричал:

— Только не плен! — и сжал рукой тяжелый автоматический пистолет.

Шестеро моряков стояли лицом к лицу с невыносимой для мужественных людей судьбой — погибнуть без борьбы.

— Не нужно, — отстранил револьвер помощника кочегар Курганов. — Я думаю так, — кочегар ударил своим огромным кулаком по стенке рубки: — в плен нам нельзя, а так умирать тоже неладно. Надо прибиваться к берегу. Высадимся и будем биться... Я уж себя меньше чем за десяток не продам. А патроны

кончатся — с этим всегда успеем... — Курганов показал на револьвер.

Словно горячим ветром пахнуло на моряков от слов кочегара. Смерть в бою не казалась тяжелой. Метелицын поспешно спрятал револьвер. Ильин крепко пожал руку кочегару.

Туман рассеивался, видимость улучшалась.

— Сцепим оба плота, — распорядился старпом, — иначе нас быстро унесет в разные стороны. Что приготовили? — обратился он к Метелицыну.

— Воду, галеты, шоколад, водку, спирт... — перечислял помощник.

— А колбаса есть?

— Есть.

— Еще один автомат возьмите в каюте капитана. Револьверы у троих, одну винтовку в запас, патроны грузите все. Компас, фонарь, журнал и карты района на всякий случай... Да сапоги не забудьте подвязать накрепко!

Старпом критически осмотрел, как принятовлены к плотам тючки, и поспешил в капитанскую каюту. Он бережно завернул толстую черную тетрадь в клеенку и бегом вернулся на палубу. Возраставший крен судна заставлял торопиться: вода с правого борта подступала уже к центральной надстройке, корма скрылась в волнах. Тетрадь капитана Ильин засунул вместе с картами и судовым журналом в жестяной ящик.

Скользя по мокрой наклоненной палубе, моряки перетаскивали оба сцепленных вместе плота ближе к корме, надели спасательные нагрудники и торопливо выпили по стакану водки. Кочегар, старпом и рулевой вооружились веслами, чтобы отвести плот подальше от тонущего корабля.

Решительная минута приближалась, но моряки невольно задерживались на палубе. Внутри корабля раздался глухой, похожий на тяжелый вздох шум. Корпус содрогнулся и начал заметно оседать.

— Пора! — резко скомандовал старпом.

Моряки выпрямились, обводя взглядом палубу, прощаясь с родным кораблем. Ильин нахмурился и,

схватившись за петлю леера, потянул плот через фальшборт. Волны приняли моряков в свои ледяные объятия. Плоты отошли.

— Ну и вода!.. — через силу выговорил механик.

Никто не ответил. Все смотрели в сторону «Котласа».

Для всякого, представляющего себе гибель судна лишь по картинкам, обычно рисуется уходящий носом в воду корабль с вертящимися в воздухе винтами и развевающимся на корме флагом. Но страшно самому видеть тонущее судно, особенно когда оно тонет кормой. Корабль словно падает навзничь, в судорогах поднимая высоко нос, затем медленно переворачивается, показывая осклизлое, обросшее днище, безобразное, подобное разложившемуся трупу, и медленно исчезает в волнах. Такое зрелище предстало перед моряками «Котласа», уносимыми ветром и течением в даль моря.

* * *

Никто из них не мог сказать, сколько прошло времени — может быть, всего несколько часов, может быть, несколько суток: в сознании моряков перестали существовать обычные человеческие представления. Только воля еще жила в этих полумертвых телах. Это она заставляла людей поднимать голову над захлестывавшими волнами и держаться за леера продетьми по локоть в петли руками: кисти рук, опухшие и сведенные, не могли больше служить морякам.

Инстинктивное ощущение близости берега проникло в слабеющее сознание старшего помощника. Ильин поднял тяжелую голову и некоторое время боролся с плававшими в глазах черными пятнами. Наконец ему удалось разглядеть, что берег совсем близко. Редкий на море, возле берега туман становился гуще. В глубине скалистого коридора — фиорда, черные ворота которого привлекли внимание Ильина, туман стоял плотной сизой стеной.

— Берег! Берег! — прохрипел кочегар.

Моряки зашевелились, собирая остатки сил. Ильин достал заветную бутылку со спиртом. Девяностопяти-

градусная жидкость вливалась в горло, и в глазах моряков появился живой, осмысленный блеск. Ильин настолько пришел в себя, что сказал кочегару:

— Хорош сейчас наш десант!

— Спрятаться надо на берегу, пока в себя придет, — отозвался Курганов.

Крутые темно-серые стены фиорда надвигались и вырастали, всплывая из тумана. Теперь моряков относил за скалистый мыс или остров, за которым фиорд разветвлялся, выдвигая посередине скалистый клин. От клина шла полоса ровной земли, поросшей деревьями, осенняя листва которых едва краснела сквозь туман. Дальше ничего не было видно, а близ устья фиорда, на обрывистом каменном мысу, выступали четыре белых домика, гуськом спускавшихся по пологому склону.

Против мыса волны начали швырять плоты. С большим трудом морякам удалось обогнуть мыс, и они очутились на спокойной темной воде, в белесой мгле густого тумана. Отвесные скалы отошли, образовав полукруглую бухту. Ближний берег бухты представлял нагромождение огромных камней, разделенных узкими протоками. Меж этих камней виднелись две высокие мачты парусного судна, а дальше сквозь туман смутно рисовался целый лес мачт.

Ильин тихо щелкнул языком от неожиданности. Моряки на своем плоту осторожно продвигались по протоку, надежно скрытые висящими с обеих сторон черными камнями. Узкий просвет пересекался бушпритом судна, чьи мачты моряки заметили при входе в бухту. Напряженно вытянув шею, все шестеро старались разглядеть это судно. Что-то в его внешнем облике говорило о том, что судно давно не ходило в море: рангоут был убран, швы конопатки виднелись четкими серыми линиями на черном борту.

Тихо причалив к тупому носу парусника, моряки внимательно прислушались. Ни одного звука не доносилось с палубы или изнутри. Судно, очевидно, было пусто. Старпом молча кивнул. Товарищи поняли его без слов. По узкой полосе воды между левым бортом судна и каменистым обрывом люди быстро добра-

лись до руля, надеясь по нему подняться на судно, и увидели свисавший по срезанной прямо корме парусника штормтрап.

Уцелившись за руль, было не трудно подняться по трапу, но оказалось, что у моряков не хватает на это сил. Наконец кочегар отчаянным усилием подтолкнул вверх старпома и, скрипя зубами от напряжения, взобрался сам с леером на шее. На палубе у обоих все поплыло перед глазами. Ильин упал, но кочегар устоял и принялся разматывать линь, чтобы помочь взобраться на палубу остальным.

Вдруг где-то внизу заскрипели доски под тяжелыми шагами — на палубе выросла огромная фигура в синей рубашке, высоких морских сапогах и... остановилась в изумлении. Ветер трепал светлые как солома волосы и узкую золотистую бороду, которой обросло крупное, смелое лицо неизвестного. Курганов выпрямился — два светловолосых гиганта стояли друг против друга. Ильин тоже поднялся и стал рядом с кочегаром.

Высокий норвежец пытливо разглядывал незнакомую форму и сказал что-то, показав в сторону моря. Ильин и Курганов переглянулись, затем старпом решительно ответил по-английски:

— Русские моряки... спаслись с потонувшего судна.

— Рашен, рашен... — забормотал норвежец, заметно взволнованный. Он обвел рукой вокруг фиорда и добавил, коверкая английские слова: — Немцы везде, будут хватать... — и сжал в кулак раскрытую ладонь.

Кочегар тряхнул головой и сделал вид, что прицеливается из винтовки. Норвежец опять внимательно посмотрел на моряков — едва заметный насмешливый огонек зажегся в его спокойных глазах. Тут из-за борта появилась голова Метелицына. Беспокойство за товарищей придало силы оставшимся на плоту, и они принялись карабкаться на парусник. Норвежец невольно попятился, но кочегар просто, по-товарищески взял его за руку и подвел к борту. Норвежец опять забеспокоился и произнес несколько слов, из которых одно было английское: «прятать». С его по-

мощью моряки подняли на борт плоты, а затем красноречивой мимикой норвежец дал понять, что скоро подует ветер из фиорда, прогонит туман, поэтому спалубы все должно быть немедленно убрано.

Плоты спустили в трюм. Норвежец зажег фонарь и повел неожиданных гостей вниз, в носовую часть парусника. Согнувшись в три погибели, он нырнул в низенькую дверцу небольшого помещения, вроде кладовой или шкиперской, и подвесил фонарь к потолку, энергично топоча тяжелыми сапожищами. По его знаку, моряки очутились за массивной переборкой, в маленькой каюте, заваленной старыми парусами.

В потолок выходил шпор бушприта, охваченный железными стяжками и обрамленный массивными дубовыми балками. Соответственно наклонному положению бушприта потолок каюты поднимался по направлению к носу, а к выходу понижался так, что можно было войти, только сильно согнувшись. неподвижный воздух, пропитанный запахом смолы, лежалой парусины и дуба, показался морякам жарким, их исхлестанные водой и ветром лица загорелись. Хозяин опустил на колени и возобновил жестикуляцию, часто повторяя по-английски: «Не отворять! Не отворять!» Ильин объяснил товарищам, что норвежец, по-видимому, собирается уйти и просит, чтобы русские не отворяли, если кто-нибудь взойдет на судно. Когда он вернется, он постучит к нам так: кулак норвежца стукнул по полу дважды двойными ударами, как бьют склянки. Ильин бросил норвежцу: «Иес» *, и тот быстро вышел, заботливо прикрыв дверь.

Моряки некоторое время молча переглядывались. Тепло помещения приятно охватило их, тумана рассудок. Клонило ко сну.

— А не пошел ли наш друг за фрицами? — тревожно спросил механик, выразив общее недоверие, возникшее у моряков при поспешном уходе хозяина.

Только кочегар энергично запротестовал.

— Я первый его встретил и заглянул, можно сказать, в самую душу, когда раздумывал, треснуть ли

* Да (англ.).

его по башке. Нет, он моряк и смелый человек, не будет он за фашистов, поганящих его родину. Верить ему можно.

Старпом поддержал кочегара:

— Деваться сейчас все равно некуда, оружие у нас с собой, норвежец о нем знает. Скоро ночь. Забаррикадируемся покрепче и, если начнут дверь ломать, обязательно услышим. Зато как следует отдохнем, а там утро вечера мудренее.

Все согласились со старшим помощником. Надежно заклинив крепкую дверь болтом и найденной тут же свайкой, моряки принялись стаскивать с себя и выкручивать мокрую одежду. Невыразимое ощущение тепла, покоя и слабости овладевало измученными людьми, но у них все же хватило энергии развязать тук с оружием. Автоматы и винтовки были аккуратно вытерты и положены по три с каждой стороны. Моряки укрылись несколькими слоями парусины и, прижавшись друг к другу голыми телами, почти мгновенно забылись крепчайшим сном.

Глухо, будто издалека, Ильин услышал сквозь сон неясный шум, затем в дверь постучали. Старпом, откинув парус, резким движением сел. Сон слетел. Морщась от боли во всех мышцах, Ильин разбудил товарищей. Между тем за дверью раздавалось настойчивое «тук-тук-тук-тук» — условные удары хозяина.

С револьвером в руке, согнувшись, старпом двинулся к двери, а за ним, выставив плоские штыки, выстроились остальные. Едва открылась дверь, моряки увидели тусклый дневной свет, падавший через люк сверху. За дверью знакомый голос норвежца сказал кому-то несколько слов на своем языке. Кряхтя и задевая спиной за низкую притолоку, в каюту пролез седобородый старик, почти такого же роста, как сам хозяин, который следовал за ним, и тотчас притворил дверь.

Оба пришельца изумленно рассматривали необычайную картину. В низкой, душной кладовой, под потолком, завешанным мокрой одеждой, слабый свет фонаря едва освещал шестерых совершенно голых

людей, сжимавших в руках оружие. Старик сурово улыбнулся и что-то сказал хозяину. Тот обратился к морякам, по-прежнему коверкая английские слова:

— Вот старый моряк. Он может. Немцев нет. Наверху сторожит еще человек.

Старик шагнул вперед, бесстрашно отстранил автомат кочегара и, с облегчением выпрямив спину, сел. Хозяин потрогал одежду моряков, покачал головой, быстро собрал ее в тюк и вышел наружу.

Моряки уселись против старика, все еще не выпуская из рук оружия. Старый норвежец осмотрел каждого острыми, глубоко сидящими глазами, поскреб пальцем густую бороду и заговорил по-английски. Все, даже не знавшие языка, внимательно слушали. Хозяин тихо вошел и опустился на пол, присоединившись к слушателям. Старик подмигнул морякам и закурил вонючую трубку. Тут только моряки вспомнили, как давно не курили. Нашелся обрывок бумаги, две невероятной величины самокрутки пошли по рукам, а Ильин бережно извлек из кобуры револьвера свою верную трубку. Моряки наслаждались. Только не куривший Курганов кашлял и чертыхался да изредка вторил ему тоже не куривший хозяин.

Старпом начал переводить товарищам слова старика:

— Мы попали в фiskeвер (рыбачий порт). Имеется здесь отряд береговой охраны немцев, но морская база в соседнем фиорде. Этот парусник стоит уже давно здесь, приведен из Кумагсфьюра; шкипер бежал к англичанам, команда тоже разбежалась. В бухте около шестидесяти рыбацких моторных судов. На ловлю не ходят — не хотят снабжать немцев, а немцы иначе не разрешают ходить в море, да и горючего нет. Наш хозяин живет здесь потому, что немцы выселили его с братом из дома на той стороне фиорда — дом понадобился для береговой охраны. Вот и облюбовал он этот парусник: помещение просторное и ненавистных фашистов не видит. Оказывается, хозяин-то наш бегал вечером в поселок, рыбаки собрали совет: что с нами делать? Старик спросил меня, что мы сами думаем. Я сказал: «Биться с немцами. Каж-

дый моряк стоит десяти немцев, так за шестьдесят мы ручаемся». Он ответил, что тут их больше, чем шестьсот. Но шутки в сторону. Рыбаки решили, что если дело до боя дойдет, немцы на сто километров кругом всех перебьют или загонят в тюрьму — решат, что спрятали парашютный десант. Рыбаки предлагают помочь нам бежать, и как можно скорее. Из бухты ни одно моторное судно не выйдет, горючего нет. Кроме того, от мотора шум. Лучше всего на этом же паруснике, на котором мы находимся: он стоит очень удачно, у самого входа в бухту.

В это время года всегда туманы, когда ветер с моря. К вечеру ветер меняется — дует из фиорда на запад — и сгоняет туман в море. Если мы успеем выйти сразу, вместе с туманом, успех обеспечен. Парусник идет бесшумно, и за ночь мы сможем отойти далеко от берега, в зону, где патрулируют английские суда. Перед вечером, в тумане, придут на судно рыбаки из поселка — поставят реи и привяжут паруса. Конечно, судно большое, справиться нам с парусами будет очень трудно. Кроме того, и опасно — оснастка старая. Но другого выхода нет — провести нас в горы к партизанам они не берутся: нет умелого человека. А молодцы! Слово не расходится с делом: этой ночью, пока мы спали, они доставили сюда два бочонка с водой, продукты, хотя у самих есть нечего, — принесли творогу, соленой рыбы, ячменного хлеба. Вот люди! А проспали мы, оказывается, больше двенадцати часов, — закончил старпом. — Ну как? Я думаю, дело стоящее?

— Ясно, стоящее, — хором отозвались моряки.

— Да, — обратился Ильин к старику по-английски, — исчезновение большого судна немцы ведь заметят?

— Это наше дело, — ответил старик. — Целая ночь. Приведем старую большую шхуну и затопим здесь, чтобы мачты торчали.

Хозяин принес высушенную у печки одежду и котел с горячим кофе.

— Товарищ старпом, — вдруг сказал Курганов, — вы у него спросите, — кочегар кивнул на хозяина, —

может быть, он с нами? Чего ему тут с немцами? Парень хороший.

Старик с насмешливым огоньком в глазах перевел вопрос старпома хозяину. Тот улыбнулся и быстро заговорил по-норвежски.

— Он говорит: нельзя, семья пропадет. Его брат отвез обе семьи — свою и его — в Рерос, там дядя в лесничестве работает. Зимой и он туда.

— Жаль, подходящий человек, — ответил кочегар. — Ну, фамилию его и адрес запишите, хорошо бы встретиться после войны... А куда это мы попали?

— Черт, не могу разобрать название поселка, они его так произносят... — смущенно сознался Ильин. — А район называется Лоппхавет, между большими островами Серё и Арнё. Это, значит, на северо-восток от Тромсе.

Моряки крепко жали руки норвежцам. Потом старпом, выполняя общее желание, написал на двух листках бумаги фамилии и адреса советских моряков и вручил их обоим норвежцам. Старик тщательно сложил записку и долго засовывал ее куда-то за кушак, бросив несколько отрывистых слов.

— Он говорит, что это нужно хорошо спрятать, — перевел старпом: — если увидят немцы, то смерть ему.

Норвежцы ушли. Моряки, возбужденные событиями, оживленно обсуждали дальнейший план действий.

— Что я говорил! — торжествовал Курганов.

— Погоди радоваться, — буркнул Титаренко. — Это, может быть, все липа, чтобы полегче нас взять...

— А ты не каркай, ворона! — с сердцем оборвал кочегар. — Не может фашистская сволочь всех людей испохабить. Есть еще люди... В себя веришь, а другие, думаешь, хуже тебя?

Растерявшийся от неожиданного красноречия кочегара рулевой замолчал. Ильин, приказав товарищам не появляться на палубе, решил осмотреть судно, а главное — состояние рулевого привода, и осторожно поднялся по скрипучим ступенькам наверх. Деревянный колпак, прикрывавший люк с носа, не давал возможности видеть море, зато фиорд был весь как на ладони.

Узкий язык почти черной воды вползал далеко внутрь обрывистых гор. Суровые, изборожденные трещинами утесы наступали на берега. Разбросанные вдоль берега домишки робко прижимались к подножию скал. Немного дальше, на каменной площадке, возвышалась странная постройка. Балюстрада из коротких столбиков поддерживала несколько чешуйчатых деревянных крыш, громоздившихся одна над другой. Казалось, что на один дом насажен другой, меньший, а на этом точно таким же способом сидел еще меньший, с четырехгранной крышей, оканчивающейся заостренной башенкой с высоким шпилем. Здание украшали железные флюгера в виде голов драконов с раскрытой пастью и высунутым тонким языком.

Удивленный странной архитектурой, Ильин долго всматривался, пока не различил небольшие кресты. По-видимому, это была старинная норвежская церковь. Дерево почернело от времени, и угловатая, устремленная вверх форма здания резко выделялась на фоне старых обнаженных скал. Драконьи головы смотрели мрачно и угрожающе. Темные ели окружали церковь, а позади уже садились на горы белесые хмурые облака. Ильин ощутил вдруг печаль, исходившую от этой полной холодного покоя обители севера.

Прячась за борт, он вылез на палубу. Высота мачт ему, привыкшему к пароходам, вначале показалась несоразмерной. Фок-мачта имела поперечные рей и, следовательно, прямые паруса, бизань вооружена гиком и гафелем — судно было бригантиной. По обе стороны люка, только что покинутого Ильиным, стояли две лебедки для марса-фалов и брам-фалов. «Марсели разрезные, с лебедками — может быть, справимся», — отметил в уме старпом, торопясь припомнить свою парусную практику, которую когда-то проходил в мореходных классах. Сложные перекрещивания тросов, то взвивавшихся высоко и казавшихся тонкой паутинкой, то спадавших с мачты вниз — на борта, на палубу, на бушприт, на другую мачту, — казались совершенно непостижимыми. А ему, начальнику, предстояло управлять этим судном, командовать.

Ильин поморщился и посмотрел на море. Левее

бушприта, вдоль черной тени скал фиорда, море в отдалении преграждалось цепью куполообразных, близко расположенных островов. Они походили на костяшки исполинского кулака, выступавшие на поверхность моря. «Обогнем мыс, держать правее, только милю через десять ложиться на чистый вест», — продолжал соображать старпом. Оснастка судна все еще не давала ему покоя. «Будь это шхунка... да что угодно, лишь бы поменьше и с косою парусностью...» Он перегнулся через борт и прочитал надпись на носу: «Свольвер».

Предсказание старика норвежца сбылось совершенно точно. Перед вечером фиорд заполнился густейшим туманом, еще более непроницаемым, чем вчера. Моряки вылезли наверх и вдруг схватились за оружие: на палубе одна за другой стали вырастать человеческие фигуры. Скоро судно было полно людей. Норвежцы неторопливо, но не теряя ни одной лишней минуты, обтягивали такелаж, вытаскивали, разворачивали и поднимали паруса, улыбаясь русским морякам. Управлял коренастый старик, негромко покрикивавший на работавших.

— Это старый капитан, — объяснил Ильину говоривший по-английски норвежец.

Опасная работа близилась к концу. Коренастый капитан подошел к Ильину, пожал руку:

— Я Оксхольм. Все готово. Паруса поставил левентик к ветру, который сейчас подует из фиорда — для такого положения рей будет бакштаг*. Когда ветер рванет из фиорда, бросопить реи некогда будет: расклепывайте якорные цепи — и пошли. Да еще: бом-брамселя**, бом-кливера — этих парусов не ставим. Они перепрели. Стаксели тоже не все. Вместо крьюйс-стенги стакселя мы поставили штормовой апсель.

— Спасибо, — ответил Ильин, когда сообразил,

* Бакштаг — ветер, дующий сзади наискось по курсу корабля, здесь — дующий в правый борт корабля.

** Брамсели и бом-брамсели — верхние паруса на мачтах.

что нет бом-брамсея — паруса, находящегося на той самой ужасной высоте, которая поразила его в первый момент, и облегченно вздохнул.

Ветер стих, слабо хлопавшие паруса повисли, время бегства подошло. Норвежцы, по-прежнему молча, пожимали советским морякам руки или хлопали по плечу и исчезали за бортом. Курганов обнял хозяина парусника, повторяя ему свою фамилию, пока тот не произнес почти чисто: «Курганофф».

— Ветра и счастья! — донесся из-за борта голос капитана Оксхольма. — О, ветер есть, расклепывайте цепь. Гуд бай!

Паруса, уходившие в туман над головами моряков, расправили складки. Ветер из фиорда тихо зашипел в снастях. Времени оставалось немного. Кочегар вооружился заранее приготовленными инструментами и стал выбивать шпильку, расклепывая верхнюю смычку якорной цепи; механик взялся за другую. Туман заглушал удары, но все же они разносились по бухте. С грохотом, заставившим моряков вздрогнуть, якорная цепь упала в воду, за ней — другая. Едва заметный толчок прошел по судну; медленно, почти нечувствительно оно двинулось. С увеличением скорости стал, наконец, действовать руль, и вовремя: даже в таком тумане можно было различить впереди смутные контуры скалистого мыса.

— Лево руля! — тихо скомандовал Ильин, не снимая руки со штурвала.

Тупой, тяжелый нос едва слышно плескал о воду: волнение сделалось попутным, бушприт метнулся влево. Титаренко, закусив губу, завертел штурвалом в обратную сторону.

— Уваливается, одерживай! — шепнул Ильин, глядя в серую стену тумана.

К счастью, выход из фиорда был широк. Миновав мыс, Ильин повернул к северу, взяв к ветру. В густом тумане судно бесшумно шло в открытый океан. Предсказание старого капитана сбывалось — бригантина не встретила никого. Через час она опять легла в бакштаг на восток и пошла заметно скорее. Старпом собрал свою немногочисленную команду, объявил, что парус-

ную науку придется изучать на ходу, и предложил пока ознакомиться с оснасткой бригантины.

— Раскиньте мозгами, соображайте, как управиться в случае надобности. Шлюпочные паруса всем вам знакомы, теперь постигайте настоящие. Вот, кстати, судно увальчиво, значит надо...

— ...уменьшить парусность на фок-мачте, — быстро ответил Метелицын.

— Правильно! Хотя и невыгодно, а придется брамсель убрать: мало парусов у нас на бизани — получается неуравновешенная парусность. За это дело всем нам нужно браться, а я от руля отойти не могу, пока Титаренко не приспособится.

— Мы вчетвером, — отозвался механик.

И моряки бросились к лебедкам.

Бригантина ушла далеко в открытое море и сильно качалась на крупной волне. Метелицын первым достиг салинга и, стараясь не смотреть вниз, полез по вантам, добираясь до верхнего брам-рея. Палуба исчезла в тумане, мачта уходила далеко вниз, а брам-стенгга казалась чересчур тонкой. Было слышно, как она потрескивает в эзельгофте. С каждым креном судна мачта описывала в воздухе дугу. Когда бригантина ныряла носом, мачта словно проваливалась под Метелицыным, и он судорожно цеплялся за перекладины вант. Еще хуже приходилось молодому моряку при подъеме судна на волну. Огромная мачта ринулась на него, словно желая ударить, ноги ушли вперед, и он повис над палубой. На лбу Метелицына выступил пот, слегка мутило на непривычной высоте. Но он быстро освоился и смог рассмотреть проводку снастей — гитовых, топенантов и горденей.

Общими усилиями на кафель-планках у бортов судна были разысканы ходовые концы этих снастей — правых и левых. Навалившись животами на парус и упершись ногами в зыбкие, качающиеся, как люлька, перты, «паровые мореходы» сумели справиться с непривычной задачей.

Реи обрасопили как нужно, парусность уравновесилась, и старое судно бежало по морю со скоростью десяти узлов. Единственно, что смущало моряков, —

это сильный скрип и треск, исходивший откуда-то из глубины судна.

— Всегда это так у парусников?—недоумевал Метелицын, обращаясь к старпому. — Ребята беспокоят-ся, как бы не развалилась наша посудина.

— Не знаю. По-моему, тоже что-то неладно. Вода в трюме не прибывает?

— Течет понемножку, но это что за течь: двумя помпами покачали — и сухо.

— Спускаюсь-ка я сам, — решил Ильин, — а вы здесь побудьте.

Взяв оставленный норвежцами фонарь, старпом спустился в трюм, ступая по покрытым водою шатким доскам, проложенным поверх балласта. Громкий треск наполнял душное пространство трюма, подавляя шум моря, за деревянными бортами. Походив по трюму, старпом уяснил себе, что треск издается корпусом бригантины, а раздражающий уши скрип идет от мачт судна. Ильин постоял и вернулся на палубу.

— Неладно, конечно, — ответил он на вопрос помощника. — Черт его знает, посудина расхлябалась, да и наш стоячий такелаж, наверно, следовало бы еще раз обтянуть.

— Ночь как уголь, где уж тут этим заниматься с единственным фонарем!

— Попробуйте все-таки.

— Сейчас приступим.

— Фонарь прихватите!

— А разве он вам у компаса не нужен?

— Ох, морячок! — рассмеялся Ильин. — На компас-то и не посмотрел! Из котелка спирт давно уже выпит или высох. Куда ветер — туда и мы, только бы скорее уйти. И не все ли равно — вест, зюйд-вест или норд-вест? Свидание с англичанином у нас, к сожалению, не назначено. Вы бы, наверно, хотели, по всем морским правилам, в бейдевинд*, с переменной галсов? А как вы, дружок, вчетвером с такой парусностью управитесь? То-то. Карманный светящийся компасишко есть, и ладно... Черт, как курить хочется...

* Бейдевинд — ветер, дующий наискось, спереди и сбоку.

Ночь шла для Ильина и рулевого в чутком выслушивании звучания ветра в парусах. Едва только шум ветра становился сильнее и звонче, оба моряка уже знали, что судно бросилось к ветру. Возросшее сопротивление штурвального колеса немедленно сигнализировало о том же. Для остальных четверых ночь прошла в непрерывной возне со снастями. Руки моряков, привычные к работе совсем другого рода, болели, а на ладонях образовались волдыри.

Утром судно встретилось с сильным волнением. Ветер стал слабее, но громадные волны росли, бросая бригадину, как щепку. Ход судна сделался неровным, паруса во время судорожных нырков тяжело хлопали. Треск и скрип усилились; казалось, что доски палубы вибрируют и гнутся под ногами.

— Развалится наша посуда, честное слово!.. Вот вода стала прибывать заметнее, — ворчал механик.

— Чего вы боитесь, Матвей Николаевич? — неуверенно возразил Метелицын. — Пока прем здорово...

— «Марсофлот» этот мне не по душе, не понимаю я в этом деле. А когда не понимаешь, чувствуешь себя неладно... как и вы, милый Витя. — И механик снисходительно потрепал по плечу Метелицына.

Тот вспыхнул и открыл рот, чтобы возразить, но тут раздался резкий, сухой треск и оглушительные хлопки — разорванный сразу в нескольких местах фок бил по мачте и штагам. Огромные лоскутья парусины завивались вокруг снастей, колотя бросившихся к парусу моряков. Чегодаев получил такой удар по лицу, что свалился на палубу.

— Ножом, ножом режьте гордени! — закричал снизу старпом.

Совет пришелся кстати. Из-под реи взмыли белые ковры-самолеты, цепляясь за штаги, словно не желая расставаться с судном, и полетели, кружась и скрываясь, за встававшими перед парусником валами.

Новые парусные матросы во главе с «боцманом» Метелицыным смущенно предстали перед старпомом.

— Тут вы ни при чем, — хмуро сказал он, — паруса, видно, сильно подопрели.

За три часа скачки по волнам бригантина потеря-

ла еще три паруса — бизань-гаф-топсель, форстаксель и верхний марсель: то лопались снасти, то разрывалась перегнившая парусина. А волны все росли, наваливаясь на судно, тормозя и без того замедлившийся ход.

— Как бы не было шторма! — кричал старпом своему помощнику сквозь треск и скрип мачт и снастей. — Жаль, барометра у нас нет. Давайте задраим люки покрепче, заложим румпель-тали.

— А с парусами как? — тревожно спросил Метелицын.

— С парусами?.. — протянул старпом. — Сейчас... Давайте сообразим... Больше половины парусов уже нет, но нужно, нужно...

— Бизань бы убрать, — осторожно подсказал Метелицын.

— Бизань-то само собой. Тогда у нас на бизань-мачте останется один этот косой парус, который ходит по бизань-штагу, как его тот парусный спец называл — апсель. Он сказал, что это специально штормовой. Кливера, конечно, придется убрать, но на фок-мачте у нас остался единственный парус и здоровенный — нижний марсель. Придется оставить, только глухие рифы взять. Да еще, кажется, спускают на палубу верхние рей и гафель — вот это надо сделать. Пожалуй, и все. Начинайте с парусов. Вы думаете, еще что-нибудь? — спросил Ильин, глядя на замывшегося Метелицына.

— Нет, что вы, Антон Петрович, но... как этот марсель глухо зарифить и что значит — глухо?

Ильин разъяснил, сам удивляясь, как могли так долго храниться в памяти все эти подробности прямого парусного вооружения. А моряки уже возились у бортов, подтягивая риф-тали и гордени, затем полезли на рей. Площадь огромного паруса сильно уменьшилась. Моряки тянули еще и, уменьшив ее до предела, стали привязывать риф-сезни.

Сложив свои крылья, бригантина походила теперь на большую растрепанную птицу. Небо закрывала густая облачность. Ветер то ослабевал, то налетал порывами, неся издалека как бы хор глухих воплей,

в которые изредка врывались пронзительные звуки труб.

В голосе приближающегося шторма было тягостное и зловещее очарование. Исполинская мощь его готова была обрушиться на старую бригантину, метавшуюся на волнах, и шестеро моряков почувствовали себя такими же одинокими, как тогда, когда покидали свой тонуший «Котлас».

Море неистовствовало. Огромные, сплошь покрытые пеной валы вздымались на десятиметровую высоту. Ветер с ревом обламывал гребни, и пена, похожая на разлохмаченные седые космы, летела по ветру. Казалось, каждый из исполинских валов, вставая из моря, простирал свои длинные руки навстречу судну. Все звуки моря слились в непрерывный тяжелый гром, которому вторил рев ветра.

Бригантина под единственным уцелевшим марселем неслась на фордевинд. Скрип судна, голоса людей потонули в оглушительном грохоте шторма. Мачты, казалось, бесшумно раскачивались и гнулись в своих гнездах, угрожая обрушиться на палубу. Бушприт то устремлялся вниз, намереваясь вонзиться в крутую стену воды над глубоким ущельем между двумя волнами, то пытался проткнуть побуревшие облака. На палубе крутилась и неслась вспененная вода, водопадом низвергаясь со шканцев. Иногда передняя половина судна исчезала, отрезанная стеной пены, хлеставшей поперек палубы, или гигантский вал опрокидывался своей вершиной, догнав убегающий парусник. Тогда, цепляясь изо всех сил за поручни, согнувшись и задерживая дыхание, моряки чувствовали, как оседает под ними судно, придавленное многотонной тяжестью, и, наконец, резко, будто собрав все силы, выпрямляется, сбрасывая с себя цепкие щупальца моря, которые, извиваясь и пенясь, устремляются обратно за борт.

Старпом вместе с Титаренко, обливаясь потом под мокрой насквозь одеждой, крепко держали штурвальное колесо. Штурвал сопротивлялся, а малейшая ошибка рулевых грозила немедленной гибелью. Ильин старался угадывать в неистовом танце волн ту ли-

нию, стремясь по которой судно, как балансирующий над пропастью человек, могло надеяться сохранить свое существование.

Остальные моряки, изнемогая от усталости, беспрерывно качали помпы: вода в трюме — из разошедшихся швов — быстро прибывала. Никто не испытывал страха: слишком яростна была борьба за жизнь.

* * *

В просторной кают-компании английского крейсера «Фирлесс» ярко горел свет. Большинство свободных офицеров собрались здесь, расположившись в удобных кожаных креслах. Качка изматывала, не давая возможности чем-нибудь заняться или спать.

— Ужасная вещь. быть сейчас в море! Наше патрулирование совпало с началом осенних штормов, — сказал молодой лейтенант своему соседу.

— Ничего, скоро уйдем в базу, — откликнулся тот, не раскрывая глаз.

— Свирепое здесь море, — продолжал лейтенант. — Я понимаю теперь, отчего норвежцы слынут лучшими моряками в мире!

— Где это вы слыхали, Нойес? — насмешливо и небрежно спросил другой офицер. — Лучшие моряки мы, англичане.

Офицеры заспорили. Настроение несколько оживилось. В кают-компанию, протирая глаза платком, вошел еще один офицер, красное лицо которого говорило о том, что он только что с палубы. Несколько голосов наперебой приветствовали вошедшего:

— Наконец, Кеттеринг! Сменились?

— Мы скучали без ваших старинных рассказов...

— Что наверху?

— Бал сатаны, — отвечал Кеттеринг на последний вопрос. — Сейчас сам капитан на мостике. Будем поворачивать на фордевинд.

— Отлично! — обрадовался кто-то.

— А мы тут спорили, сэр, — почтительно обратился к Кеттерингу лейтенант Нойес. — Ждем вашего просвещенного заключения.

— О чем спор?

— Какие моряки лучшие в мире.

— И что вы решили?

— Мнения разошлись, — вмешался заспоривший с Нойесом офицер. — Я утверждаю, что мы, англичане, Нойес — что норвежцы, Уотсон — что японцы, а Кольвер клянется, что лучше турок нет и не было моряков.

— Спор интересен, — улыбнулся Кеттеринг, — но я боюсь спешить с заключением. Могу рассказать вам одну небольшую историю, происшедшую больше века назад. Потом мы обсудим все доказательства в пользу той или другой нации. Идет?

Офицеры согласились. Кеттеринг уселся поплотнее в кресле, расставив длинные ноги, и зажег трубку. Помолчав, он начал:

— Вы знаете, что я работал до войны в архиве Адмиралтейства по поручению Парусного клуба. В числе других документов я обнаружил интересный рапорт полковника индийских колониальных войск Чеверленджа и сублейтенанта флота его величества Губерта о причинах гибели трехмачтового корабля Ост-Индской компании «Фэйри-Дрэгн» в тысяча восемьсот семнадцатом году. Этот корабль попал в большой циклон в Индийском океане. Шквал налетел так внезапно, что рангоут корабля был сильно поврежден, груз сместился в трюмах вследствие крена. Только опытность искусного капитана и героическая работа матросов вывели «Фэйри-Дрэгн» из крайне опасного положения. К несчастью, шквал был предвестником страшного циклона, противостоять которому поврежденный корабль в конце концов уже не смог... Черт! — прервал свой рассказ Кеттеринг.

Крейсер повалился на борт, резко выпрямился и метнулся в противоположную сторону.

— Слава богу, повернули... Когда разбитый корабль уже погружался в океан, — возобновил Кеттеринг рассказ, — с него заметили бриг неизвестной национальности, шедший тоже на фордевинд и догонявший тонущий «Фэйри-Дрэгн». Неуклюжий, широкий корпус судна временами весь исчезал в колос-

сальных волнах, виднелись только верхушки его двух мачт. Судно шло под единственным парусом, не соотвествующим силе циклона, — нижним марселем. Пораженные благополучным состоянием судна, моряки тонущего корабля дали сигнал бедствия. Неизвестный бриг стал осторожно приближаться к «Фэйри-Дрэгн», но тут «Фэйри-Дрэгн» пошел ко дну...

В кают-компанию быстро вошел старший офицер в штормовой одежде, с которой еще стекала вода, на ходу бросив стюарду:

— Виски!

— Что-нибудь случилось, сэр? — тревожно спросили офицеры, приподнимаясь в креслах.

— Ничего. В море парусник неизвестной национальности, под одним марселем, идет на фордевинд, как и мы.

— Что такое, сэр? — вскочил Кеттеринг. — Уж не черное ли двухмачтовое судно?

Теперь настала очередь старшего офицера изумиться:

— Вы угадали, Кеттеринг! Будь я проклят, если знаю, каким образом. Ему плохо приходится. Я сигнализировал — не ответили, только зажгли, кажется, фальшфейер, на секунду что-то вспыхнуло. Помочь сейчас невозможно, однако мы идем одним курсом, и шторм начинает стихать. Сигнализировали, чтобы держались около нас, но близко не подходили, а то потопим. Не немецкая ли это ловушка?

Старший офицер выпил свое виски и вышел. За ним направился к выходу Кеттеринг.

— Стоп! Рассказ — на самом интересном месте! — закричали ему.

— Обязательно доскажу, только взгляну на судно, — ответил Кеттеринг уже из-за двери.

Следом за ним стали подниматься и другие офицеры.

* * *

Шторм утих. Красные лучи заходящего солнца кое-где пробивались сквозь тучи... Багряные отблески змеились на мокрой палубе.

Только что был окончен трудный маневр подъема спасательной шлюпки. Люди, собравшиеся на палубе, почтительно расступились перед шестью русскими моряками, которых старший офицер повел переодеваться.

Спустя некоторое время офицеры обступили Кеттеринга, вернувшегося от командира:

— Ну, что русские?

— Спят, — улыбнулся Кеттеринг и коротко рассказал удивительную историю шестерых моряков с «Котласа».

— Вот это история! — воскликнул лейтенант Нойес. — Шесть «паровых» моряков — и справились с таким парусником! А мы считали русских сухопутной нацией.

Долгое молчание, отметившее подвиг русских, нарушил высокий офицер:

— Кеттеринг, а конец вашего рассказа? Он так удивительно совпал с появлением судна, что я готов думать...

— Вы не ошиблись, — быстро ответил Кеттеринг. — Судьба уже досказала за меня. Тот бриг, называвшийся «Ниор», был французским судном, но команда была русская, и вел бриг после смерти капитана-француза русский помощник. Русские моряки показали тогда изумительное искусство. Им удалось спасти часть экипажа «Фэйри-Дрэгн», в том числе и авторов рапорта, и благополучно справиться с циклоном, несмотря на грубую оснастку и неуклюжий вид брига. Начиная этот рассказ, я хотел показать вам, что есть нация, морские способности которой часто недооцениваются...

— Полно, Кеттеринг! — перебил высокий офицер. — Неужели вы решаетесь ставить русских рядом с англичанами? Мы создали всю культуру мореплавания, науку о море, все флотские традиции... Как же может быть, чтобы континентальный народ оказался настолько способным к морскому искусству?

— Мне кажется, тут дело в особых свойствах русского народа. Из всех европейских наций русская сформировалась на самой обширной территории, при-

том с суровым климатом. Этот выносливый народ получил от судьбы награду — способности, сила которых, мне кажется, в том, что русские всегда стремятся найти корень вещей, добраться до основных причин всякого явления. Можно сказать, что они видят природу глубже нас. Так и с морским искусством: русский очень скоро понимает язык моря и ветра и справляется даже там, где пасует вековой опыт.

— Но... — начал высокий офицер.

— Но, — перебил Кеттеринг, — подумайте над нашей встречей! У нас еще много времени, чтобы закончить спор до возвращения в Англию.

На рассвете «Фирлесс» остановил пароход, шедший из Англии в СССР, и шестеро советских моряков продолжали свой отдых уже на пути к Родине.

...Осеннее солнце клонилось к закату, когда Ильин вышел из штурманской рубки. Он знал, что до места встречи с конвоем осталось всего два часа ходу. Старпом вошел в коридор и остановился. Толпа сгрудилась у приотворенной двери, из которой доносился прекрасный тенор Метелицына. Он пел ту самую песню, которая так захватила Ильина в темной каюте тонувшего «Котласа». Только в голосе Метелицына не было теперь звенящей печали:

Ты, Родина, долго страдала,
Сынов своих верных любя.
Ты долго меня ожидала —
И, видишь, приплыл к тебе я!

Ильин тихо вышел на палубу. Далеко впереди в ясном небе проступала светлая полоса — отблеск близких полярных льдов. Там — поворот на восток.

„КАТТИ САРК“

ОТ АВТОРА

Первый вариант этого рассказа был опубликован в 1944 году. В то время я знал судьбу замечательного корабля лишь в общих чертах и придумал фантастическую версию о постановке «Катти Сарк» в специально построенный для нее музей. После того как рассказ был издан в Англии, английские читатели сообщили мне много новых фактов о судьбе «Катти Сарк».

В 1952 году в Англии образовалось Общество сохранения «Катти Сарк», которое на собранные деньги реставрировало корабль и поставило его в сухую стоянку.

Настоящий, полностью переработанный вариант рассказа является попыткой изложения этапов подлинной истории «Катти Сарк».

ЮБИЛЕЙ КАПИТАНА ЛИХТАНОВА

В квартире едва умещались многочисленные гости. Все сиденья были использованы, и в ход пошли торчком поставленные чемоданы. Почтить семидесятилетие капитана явились преимущественно моряки. Табачный дым плавал голубыми слоями, неохотно убираясь в тянувшее холодом приоткрытое окно. Сам хозяин, крупный и грузный, сновал между гостями и чувствовал себя отлично среди веселых возгласов и смеха.

Молоденький штурман, стесняясь общества почтенных командиров, жался у стены, рассматривая картинку судов в простых коричневых рамках, и остановился взглядом на большой фотографии парусника. В точных линиях стремительного, узкого корпуса корабля чувствовалось совершенство, подчеркивавшееся неправдоподобной громадой белых парусов. Верхние реи были необычайно длинные и в размерах почти не уступали нижним.

Хозяин подошел ободрить робкого гостя.

— Любуется? — одобрительно загудел он, опуская жилистую руку на плечо штурмана.

— Этим кораблем вы тоже командовали, Даниил Алексеевич? — спросил юноша.

— Вот еще! — отмахнулся старый моряк. — Да это же «Катти Сарк»!

— Что такое? — не понял штурман.

— Ну да, откуда ж вам, береговикам зеленым, знать! — пробурчал капитан. — А впрочем... Внимание, товарищи! — крепким, «штормовым» голосом перекрыл он шум сборища.

Все лица выжидательно повернулись к нему.

— Сколько тут моряков летучей рыбы? * Подни-

* Моряк летучей рыбы — плававший в океане, где только и водятся летучие рыбы.

мите руки!.. Раз, два... — считал капитан, — одинна-
дцать. Много!.. Ну, так вот... — Капитан снял фото-
графию со стены и поднял, чтобы все могли видеть. —
Это «Катти Сарк»!

Последовало общее недоуменное молчание, нару-
шенное одиноким возгласом:

— А, вот она какая!

Капитан усмехнулся.

— Когда-то морское парусное искусство именовалось бессмертным. Да и в самом деле — оно достигло высочайшего совершенства. Прошло примерно семьдесят лет — срок одной человеческой жизни, и вот лишь горсточка старых моряков еще знает все тонкости этого мастерства. Забыты гремевшие на весь мир имена капитанов и кораблей. А когда умрем и мы, старики, человечество закроет великолепную страницу истории завоевания морей, завоевания простым парусом, управляемым искусными руками и твердыми сердцами!..

— Даниил Алексеевич, это вы слишком! — воскликнул еще молодой, но — по орденам — бывалый моряк. — Парусное искусство и нам знакомо, а вот каждый корабль знать...

Хозяин дома рассердился.

— Каждый! И вам не стыдно, Силантий Семеныч? Не знать — не позорно, но уж отстаивать свое невежество — извините...

— Да ведь, — начал оправдываться его собеседник, — я хотел только...

— Ну, раз только, слушайте!.. Покорение океанов — настоящее корабельное дело — началось примерно лет пятьсот назад. За эти полтыщи лет наш мир постепенно расширялся. Громадный опыт борьбы с морем совершенствовал искусство постройки кораблей. Овладевая силой ветра, человек создал искусство управления парусами. Десятки тысяч безыменных или забытых жертв легли на дно океанов с обломками своих судов. Ценой неустанный труда, отваги и страданий моряков, ценой вдохновенных поисков строителей к середине прошлого века появились клиперы — стригуны, «стригущие» верхушки

волн. Это уже были не угловатые дома, приспособленные к плаванию, как большинство старинных кораблей, а крылатые скороходы — лебеди моря.

Клиперы предназначались для самых далеких рейсов и смело бежали по океану, не смущаясь никакими бурями. Изобретенные позже железные парусники не могли с ними состязаться: днища их железных корпусов обрастали водорослями и раковинами, задерживая ход корабля. У лучших же клиперов железным был только набор, то есть скелет корпуса, а обшивка — деревянная, из особо прочных и долговечных пород дерева. Деревянная обшивка, покрытая медью, защищала их от обрастания.

Все искусство кораблестроения вместе с усовершенствованными пропорциями корпуса, мачт и соотношением парусов получило свое высшее выражение в двух английских клиперах, построенных одновременно в Шотландии в семидесятых годах прошлого века: «Фермопилы» и «Катти Сарк».

Ничего лучшего, чем эти два корабля, среди всех парусников мира не было построено. Вот почему «Катти Сарк» не каждый корабль, как выразился Силантий Семеныч. И морякам знать ее не мешало бы... Тем более, что история этого корабля не только родня занимательному роману — это собранная в фокусе история всего парусного торгового мореплавания!..

Неудивительно, что после такой речи собравшиеся уговорили старого моряка рассказать все, что он знает о «Катти Сарк».

— Случайно мне известно довольно много, хотя клипер построен за тринадцать лет до моего рождения, — начал старик. — Я еще юнгой был, а парусный флот уже давно сдал свои позиции паровому, и вместо клиперов плавали лишь каботажные шхуны да многомачтовые барки — стальные большегрузные парусники для дальних перевозок дешевых грузов. Лучшее всего был известен у нас «Товарищ» — учебное судно Ленинградского военно-морского училища, а наиболее знаменитым и быстроходным — германский стальной пятимачтовый барк

«Потози» в четыре тысячи тонн, построенный в 1896 году. С «Потози»-то, собственно, и началась для меня история «Катти Сарк».

ЧЕСТЬ КАПИТАНА ДОУМЭНА

В 1922 году я был командирован в Англию и Америку для приобретения подходящего парусника. Требовалось хорошее, приспособленное к дальним плаваниям учебное судно: подготовленные молодые моряки нужны были восстанавливающемуся хозяйству нашей страны.

Громадные американские дешевые шхуны не годились. Шхуна, то есть судно с косой парусностью, проста в работе, она идеально лавирует и незаменима при плаваниях во внутренних морях и архипелагах. Но с попутными ветрами и на большом волнении шхуна опасна — очень рысклива. Для океана нужен корабль с прямым парусным вооружением. Я и нацелился на барк «Потози», который недавно перешел на рейсы Европа — Южная Америка.

Обмениваясь телеграммами с судовладельцами и капитаном, я выяснил, что могу встретить корабль в Фальмуте. Вот почему в осенние мглистые дни 1922 года я оказался в этом английском порту, излюбленном парусниками всех стран из-за своей легкой доступности.

Поеживаясь от пронизывающей сырости, я направился по мокрым плитам незнакомых улиц к морю. Обойдя какие-то длинные закопченные здания красного кирпича, я сразу увидел гавань. Обилие мачт как будто противоречило разговорам об умирании парусного флота, но я знал, что это впечатление обманчиво.

Большинство мачт принадлежало легким рыбацким шхунам или парусно-моторным шаландам, никогда и не нюхавшим океанских просторов. Только два-три настоящих корабля стояли в порту, и на этом общем фоне заметно выделялся стройный рангоут знаменитого барка. Четыре мачты огромной высоты

господствовали над всем частым и низким лесом береговой мелочи. Четыре мачты, сзади пятая — сухая бизань*. Да, очевидно, это был «Потози».

В гавани было пустовато. Должно быть, дрянная погода разогнала моряков по уютным местам, достаточно многочисленным в Фальмуте. Массивные позеленелые камни набережной в средней части гавани блестели от оседавшей из воздуха воды; эстакады на сваях и мостики осклизли от сырости. Резкий ветер, серое небо и зелено-серые волны, брызгающие пеной; крепкие, бодрящие запахи моря, смолы и мокрой пеньки совсем не способствовали угнетенному настроению, как это иногда бывает у городских людей в такую погоду. Наоборот, завеса холодного моросящего дождя вызвала приятные мечты о далеком сияющем южном море, и как реальный залог возможности выйти сквозь пелену осеннего тумана в широкий и теплый мир высились могучие мачты «Потози».

Мы, моряки, не очень прихотливы к условиям жизни на суше просто потому, что и самые дрянные места для нас скоропреходящи: несколько дней — и новое плавание, новая перемена.

Полюбовавшись огромным барком, чистым, выхоленным, и основательно продрогнув, я направился в небольшую гостиницу, где предстояло встретиться с капитаном «Потози». Я нашел хмурого щеголеватого человека на почетном месте у камина в столовой. Вопреки первому впечатлению мы быстро подружились. Капитан много плавал, был хорошо образован. При этих качествах способность остроумно оценивать события и заразительный юмор делали капитана приятным собеседником. Я договорился о подробном осмотре его судна и получил все нужные мне предварительные сведения.

Окончив деловую часть, капитан пригласил меня поужинать вместе. В затянувшейся беседе он признался, что рад столь высокой цене, назначенной компанией за его судно.

* Сухая бизань — задняя мачта с косой парусностью. Корабль с прямыми парусами не менее чем на двух мачтах и с сухой бизанью называется «барк».

— Если продадут мой «Потози», я вряд ли найду парусник по вкусу: уж очень мало осталось настоящих кораблей. Придется переходить на пароход. — И капитан добрым глотком поторопился смягчить отразившееся на его лице огорчение. — Не понимая, зачем вам платить большие деньги за знаменитость, которую мало кто оценит? За эту сумму вы два парусника купите, разве что с небольшим ремонтом, а хороший ходок вам ни к чему. Вот начнете ходить в кругосветные плавания, тогда другое дело.

Немного огорченный, я признал, что капитан прав. И тот, совсем по-дружески пожав мне руку, обещал помочь, если дело сорвется, в подыскании более дешевого, но достаточно хорошего корабля.

Как бы то ни было, переговоры моего начальства с компанией — хозяином «Потози» — шли своим чередом, а я должен был выполнять свои обязанности. В ближайшие два дня я излазил весь барк, от кильсона до брам-стенг, и мог только подтвердить первоначально слышанные отзывы: покупка была бы превосходная. Я послал необходимые телеграммы и остался ждать решения.

Погода все ухудшалась, и, наконец, было получено штормовое предупреждение. Ожидалась грозная буря. Рыбачьих суда поспешили укрыться в гавани.

Сильнейший западный шторм разразился на следующую ночь. Солнце не показывалось четыре дня, ураганный ветер перемешивал соленую водяную пыль с потоками проливного дождя. В гавани стоял лязг якорных цепей, визг трущегося железа и деревянных брусьев, скрип рангоутов бесчисленных рыбачьих судов. Буря загнала в бухту несколько больших кораблей, в том числе и два парохода.

На пятые сутки наступила ясная и ветреная погода. Я простился с «Потози». Барк развернул свои паруса и ушел на юг, в Рио, где в бухте Гуанабара высилась причудливая гора — Сахарная Голова. Спустя три года, в 1925 году, «Потози» погиб у тех же южноамериканских берегов — загорелся груз угля. Остов и сломанные мачты великолепного барка

еще несколько лет были видны на отмели, где капитан затопил горевший корабль.

Я долго следил в бинокль за уходящим красавцем, проводив его на буксирном судне. Как всегда, оставаться на берегу стало немного грустно и одиноко. И вечером, возвращаясь в гостиницу, я зашел в понравившийся мне старинным названием ресторан, чтобы развлечься стаканчиком вина и поболтать с моряками. Войдя в низкий просторный зал, отделанный темным деревом, я удивился необычайному многолюдству. В правом отделении, между стойкой и огромным камином, столы были сдвинуты вместе, и за ними заседала компания чем-то возбужденных пожилых моряков. Пока я оглядывался в поисках места, меня окликнул капитан, с которым я здесь познакомился несколько дней назад.

— Идите-ка сюда, дорогой капитан!.. Сэры, я счастлив представить вам русского капитана. Теперь в нашем собрании есть представители почти всех плавающих наций. Отсутствуют итальянцы да еще японцы.

Приветственные восклицания раздались при моем появлении, и я опустился на услужливо подставленный мне дубовый стул.

— Я уже отправил посыльного к старому Вуджету — ее последнему капитану. Старик совсем еще крепок, скоро будет здесь, — громогласно сообщил собранию массивного вида моряк.

На секунду наступило молчание, и я поспешил узнать, в чем дело.

— Ну вот! — воскликнул седобородый моряк с веселыми голубыми глазами. — Разве вы не слышали, что сегодня к нам в порт пришла «Катти Сарк»? Или вы не знаете, что это такое? — подозрительно оглядел он меня.

Все головы повернулись в мою сторону.

— Я слышал про знаменитый клипер, — спокойно ответил я. — Но может ли это быть, ведь он, кажется, слишком давно построен?

— В 1869 году, Скоттом и Линтоном, — подтвердил мой собеседник. — И плавает уже, следовательно

но, пятьдесят три года. Но, можете мне поверить, судно как бутылка, никакой течи...

— Извините, — перебил я восторженную речь. — Но как же я ничего не заметил? Я только сейчас из гавани и клипера не видел. Разве что прибавилась какая-то грязная, гнусно раскрашенная баркентина, должно быть испанская, и никакого клипера...

Дружный хохот заглушил мои слова. Оратор даже привскочил и весело заорал:

— Да эта баркентина и есть «Катти Сарк»! Как же вы, моряк, не разглядели?

Но я уже оправился от смущения:

— В порту я сегодня без дела не болтался и времени рассмотреть вблизи не имел. Издалека поглядел на паруса — баркентина, да еще запущенная, грязная... Больше и не интересовался.

— Ну, конечно, — примирительно вмешался плохо говорящий по-английски гигантского роста моряк, видимо норвежец. — Эти ослы так запаковали судно! А чтобы грязь не бросалась в глаза, раскрасили его на свой дурацкий вкус, как балаган...

— Теперь все понятно. Однако, насколько я понял, вы что-то собираетесь предпринять? — обратился я к моряку, взявшему на себя роль председателя импровизированного собрания.

Хор односложных восклицаний, большей частью иронического оттенка, поднялся и утих. Лицо моряка-председателя стало жестким, квадратная челюсть еще больше подалась вперед.

— Что мы можем предпринять, по вашему выражению, сэр? — ответил он полувопросом, полуутверждением. — Мы давно уж сидим здесь, но так ничего и не придумали. Если бы иметь много денег... Ну, что об этом говорить! Даже если бы мы в складчину могли купить «Катти Сарк», то что стали бы мы с ней делать? Гноить на мертвом якоре?..

— Но ведь есть же морские клубы, инженерные общества, — возразил я. — Кому, как не им, сохранить последнее, лучшее произведение эпохи парусных кораблей?

— Э, — презрительно бросил моряк, — в клубах только рекорды всякие ставят! Разве не знаете? А у обществ этих ни денег, ни авторитета. Давно ведь о «Катти Сарк» идут разговоры, но после войны все забыли. Ну, сообщили старику Вуджету. Пусть посмотрит — ему, наверно, приятно будет повидать клипер. Такое судно, как первую любовь, никогда не забудешь. Вот и все, что мы можем сделать, да еще потолковать о былых днях за выпивкой, что мы и делаем... А вы нас за предпринимателей, что ли, приняли? — негодуя фыркнул старый капитан.

Я замолчал. Да и что тут можно было сказать!

В это время в комнату уверенно вошел бледный, худой человек, одетый, как и многие из присутствующих, в черный костюм, оттенявший его густые серебряные волосы.

— Капитан Доумэн, только вас и не хватало! Если придет Вуджет, то соберутся все поклонники «Катти»... Вы уже видели ее?

— Не только видел, но и был на борту, говорил со шкипером.

— Зачем?

Слабая улыбка засветилась на лице Доумэна.

— В первый раз за всю свою славную службу «Катти» сдала. Степсы расшатались, швы палубы расходятся. Капитан-португалец напуган штормом, считает, что едва спасся, укрывшись в Фальмуте, и думает, что судно разваливается... Короче, я купил «Катти»!

Последовал невероятный шум восторга: суровые ветераны моря стучали кулаками и ногами, хлопали друг друга по спинам, обменивались крепчайшими рукопожатиями, кричали «ура» страшными голосами.

— Эй, выпить за здоровье капитана Доумэна! — заорал глава собрания. — За здоровье моряка, который сделал для чести Англии больше, чем чванные аристократы или денежные тузы!

— Уильям, — обратился к Доумэну какой-то молчавший до сих пор моряк, — как же ты смог это сделать?

Доумэн опять счастливо усмехнулся.

— Я съездил к мистрис Доумэн, посоветовался с ней. Оба мы староваты, детей и родственников нет... Что нам нужно? Дом наш неплох, а тут подвернулось маленькое наследство. Ну, вот мы и решили: если цена окажется под силу — купим. Реставрировать корабль друзья помогут. Кое-что соберем, ученики поработают на ремонте... Счастье, что шкипер и судовладелец давно хотели отделаться от «Катти» — невыгодна она на дешевых рейсах за нашим углем!

Капитан Доумэн умолк, и почти благоговейное молчание воцарилось в прокуренном зале. Доумэн помолчал, зажег трубку и подумал вслух:

— Вот и сбылась мечта... Смолоду много слыхал я о двух жемчужинах нашего флота: «Фермопилах» и «Катти Сарк». Уже капитаном перешел на австралийские линии, и однажды «Катти Сарк» меня обогнала. Я на своем корабле еле полз при легком ветерке. Вдруг показалась эта красавица. По тяжелой зыби идет как танцует, даже лиселя * не поставлены, а все семь узлов делает, да, никак не меньше семи. Белым альбатросом пролетела мимо, играя, а ведь мой «Флайинг Спур» («Летящее копьё») был не последний из австралийских почтовиков! Вспомнил я, как хвастался в Мельбурне пропившийся матрос (служил на «Катти»). «Мы, — говорил он про экипаж «Катти Сарк», — головой ручаемся — никто никогда ее не обгонит, разве только альбатрос!»

С тех пор запала мне в голову мечта: хоть один рейс покомандовать «Катти», в своих руках почувствовать такой клипер. Но кто же из хороших капитанов с таким кораблем расстанется? Вуджет командовал ею, как получил с китайской линии, до конца, пока не продали ее. И я потерял «Катти» из виду. А теперь, странно думать, я владелец «Катти Сарк»... Я владелец «Катти Сарк»... — медленно повторил Доумэн. — Не поверю, пока не выйду на ней в море!

— Когда же вам сдадут корабль, сэр? — почти-точно спросил я.

* Лисель — дополнительный парус, ставящийся на выдвинутых реях или лисель-спиртах сбоку от главного паруса (марселя или брамселя).

— Вот уйдет она в Лисабон, в последний рейс. Пока оформят, то да се, не меньше полугода пройдет. Ну, как бы то ни было, а к осени встанет «Катти» под красный флаг*, как в доброе старое время!

На следующий день, только я собрался осмотреть «Катти Сарк», как получил телеграмму от своего начальства с приказанием отложить дело с покупкой «Потози», а посетить еще два английских порта и затем Шербур во Франции, где находились другие большие парусники. Я в тот же день покинул Фальмут. И на этом оборвалось мое первое знакомство со знаменитым клипером.

РУКОПИСЬ КАПИТАНА ЛИХТАНОВА

Капитан умолк и зорко осмотрел своих слушателей, как бы выслеживая на лицах скуку или утомление. Оставшись доволен, он прокашлялся, выпил бокал вина, закурил и продолжал:

— Через семнадцать лет, в 1939 году, мне пришлось снова побывать в Фальмуте. Крепко пахло войной даже в этом удаленном парусном порту. Мне посчастливилось встретить знакомого — из тех, кто участвовал в моряцком собрании по поводу «Катти Сарк». Я, конечно, спросил его про клипер и доблестного судовладельца — капитана Доумэна.

«Умер в прошлом году, — отвечал мой знакомый. — И «Катти» здесь нет. Вдова покойного подарила корабль — в самом деле, зачем он ей? — Темзинскому мореходному училищу в Гринвиче. Пока был жив Доумэн, он понемногу восстановил «Катти Сарк» прежний рангоут. Долго ему пришлось собирать по крохам лес, парусину, тросы и деньги. Перед смертью удалось Доумэну выйти на клипере в океан, к Азорам... Помните, как мечтал он командовать «Катти Сарк»? — Моряк задумался и продолжал: — Хоронил Доумэна весь Фальмут, даже из Лондона

* Красный флаг (Red Ensign) — флаг английского торгового флота.

приехали. В прошлом же году пригласили Вуджета. И с ним на борту «Катти» пошла кругом Англии из Фальмута в Темзу, откуда семьдесят лет назад она отправилась в свое первое плавание в Китай. Теперь «Катти» служит вспомогательным учебным кораблем для морских кадетов. Корабль в сохранности и крепок... хоть и не в музее, как мы тогда думали.

«Я понимаю, — осторожно сказал я. — Сейчас Англии не до музея... Но неужели еще жив Вуджет? Сколько же старику лет?»

«Не знаю, много. Не только жив, но и здоров, не хуже своего корабля. Роемся в саду, поливает розы... Да, впрочем, хотите нанести ему визит?»

Я с радостью согласился.

Конечно, старик был «крепок» лишь относительно. Дряхлый пережиток парусного флота ничем не напоминал отважного капитана-гонщика, прославившего Англию на морских путях. Но живость ума и великолепная память не оставили капитана Ричарда Вуджета.

Я прогостил у него два дня — до понедельника. В субботу вечером приехал сын капитана, тоже Дик, и его товарищ Ирвинг. Оба когда-то служили учениками на «Катти Сарк», а теперь сами командовали кораблями, хоть и не столь знаменитыми, да, вдобавок, еще пароходами. Меня глубоко тронула нежность, с которой оба эти уже не первой молодости моряка относились к старому Вуджету.

Мы подолгу сидели на террасе с раздвижными, на японский манер, стенками. С шумевшего поодаль моря ползли вереницы слезливых туч. Прихваченные морозом поздние розы посеребрил мелкий дождь, увядшие лепестки устилали потемневшую землю. Но горячий чай был крепок, и беседа подогревалась милыми воспоминаниями о выносливой молодости с ее вечным ожиданием необычайного.

Дополняемый сыном и Ирвингом, старый Вуджет рассказал мне историю своего корабля. К несчастью, я не записывал тогда ничего, надеясь на память, а она-то после болезни стала подводить. Только недавно собрался с духом и написал все, что смог при-

помнить. Получилось вроде маленькой повести, и я когда-нибудь прочту ее вам...

Но отложить прочтение повести капитану Лихтанову не удалось. Раззадоренные гости потребовали от юбиляра «выкладывать все и теперь же». Он сдался, принес пачку исписанных листков и, презирая, как всякий настоящий моряк, очки, прочел их нам, держа перед собой на вытянутой руке.

МЕЧТА-ВЕДЬМА

Главный строитель верфей Скотта и Линтона в Думбартоне встал навстречу важному заказчику. Фирма уже давно переписывалась с судовладельцем Джоном Виллисом о его намерении построить корабль-мечту, который не только взял бы первенство на гонках кораблей чайной торговли, но и смог бы постоянно удерживать его.

Оба шотландца пожали друг другу руки. Общительный, полный юмора кораблестроитель был противоположностью угрюмоватому и заносчивому судовладельцу.

— Мне достали сведения насчет того нового клипера, — начал, отдуваясь, Джон Виллис, — что строится Худом в Эбердине.

Кораблестроитель выразил живейший интерес. Судовладелец извлек книжку в черной коже.

— Сравните с вашими расчетами. Регистровых тонн будет девятьсот пятьдесят, длина двести тридцать с половиной... *

— У нас двести четырнадцать, — вставил инженер, — и девятьсот шестьдесят тонн. Ширина тридцать шесть с половиной.

— Ого, такая же!

— Глубина двадцать и восемь десятых...

— У них больше — двадцать один с третьей. Но это пустяк. Похоже, очень похоже... Набор железный, обшивка — тик, вяз и сосна?

* Меры длины в футах. Фут равен 30,5 сантиметра.

— Да, да!

— Понимаю. Они учили весь опыт Великой Гонки прошлого, шестьдесят шестого года.

— Вы имеете в виду гонку из Фучоу в Лондон?

— Да. Гнались девять лучших чайных клиперов. Победитель — Джон Кэй со своим «Ариэлем». На десять минут позже — «Тайпинг». На девяносто девятый день после выхода из Фучоу.

— Худ взял пропорции «Ариэля». — Инженер порылся в справочниках. — Да, «Ариэль» чуть-чуть короче и уже — восемьсот пятьдесят две тонны. Но главное не это, главное — площадь парусности. Она вам известна?

— Все известно, даже имя корабля — «Фермопила». Странное имя! Почему...

— Так что же парусность? — перебил судостроитель.

— Сейчас. Мне дали ее в этих новых мерах — квадратных метрах. Вот: площадь основной парусности — две тысячи пятьсот двадцать этих метров.

Судостроитель сделал быстрый расчет, и лицо его стало озабоченным.

— Что такое? — встревожился Джон Виллис. — Неужели у вас меньше?

— Меньше... две триста пятьдесят. Да, этот корабль будет серьезным соперником... Сколько дополнительной парусности?

— Девятьсот тридцать... Слушайте, сэр, я столько лет собирался заказать особый корабль, понимаете — самый лучший! Я плачу вам шестнадцать тысяч фунтов! Что же получается с этим... «Фермопилами», черт возьми это дурацкое имя!

— Вы получите самый лучший. Я увеличу нашу дополнительную парусность, всего дополнительной будет одиннадцать тысяч квадратных футов — около тысячи метров.

— Вам виднее! Но извольте сделать обшивку только из тика, ну... можно еще горный вяз. Но чтоб без сосны, как у художского клипера! Плохо будет, если мой клипер окажется не самым быстрым кораблем на чайных линиях!

Судостроитель встал.

— Слушайте, Виллис, я хочу, чтобы вы поняли меня, — медленно сказал он. — Мы строим корабль самый прочный, самый легкий на ходу, самый совершенный по всем пропорциям и парусности, самый безопасный для плавания в любых морях. Я не буду ставить лунных парусов на нашем клипере, разве только маленький грот-трюмсель *. Ведь я не собираюсь построить рекордиста по скорости. Такой уже был. И до сих пор, через одиннадцать лет, его рекорд еще никем не побит. Наверно, и не будет побит: тут нужен не только корабль, но и капитан, не жалеющий ни корабля, ни людей.

— Кого вы имеете в виду?

— Американцев. Их три клипера — «Летающее облако», «Молния» и «Джемс Бэйнс». Антони Энрайт на «Молнии» поставил в пятьдесят седьмом в Южной Атлантике, к югу от острова Гоф, мировой рекорд — прошел за сутки четыреста тридцать миль.

— Бог мой! «Джемса Бэйна» я сам видел по пути из Кейптауна в Сидней.

— В каком году?

— В пятьдесят шестом.

— В этот именно год он поставил рекорд скорости. Рекорд опубликован... Возьмите журнал. Двадцать один узел!

Виллис схватил номер «Морского альманаха».

— А наш клипер так ходить не будет? — спросил он с нескрываемой обидой.

Кораблестроитель положил руку на плечо упрямого шотландца.

— Поймите, Виллис, это не годится! Американцы оказались слишком смелы: еще пятнадцать лет назад они заострили обводы, отодвинули назад фок-мачту и начали крепить стеньговые штаги на палубу, а не к топам мачт... Корабли стали нести громадную па-

* В английском флоте самые верхние паруса (трюмсели) назывались лунными (moon sails), бом-брамсели — небесными (sky sails), брамсели — королевскими (royal sails) и т. п.

русность. Но эти знаменитые клиперы служили только лет шесть-семь, не больше. Гнать такую громадину со скоростью двадцать узлов! «Джемс Бэйнс» — две с половиной тысячи тонн, «Молния» — две. Гротарей у «Джемса Бэйна» чудовищен — сто футов, вдвое больше ширины корабля. Деревьев таких не нашлось, склепали из пластин оregonской сосны... Такая парусность! А набор деревянный, дубовый, с медным креплением. Разве можно? Они и развалились, эти великолепные ходоки, едва себя окупив... Мы вам построим несокрушимый корабль наиболее совершенных пропорций, но ходом на три-четыре узла меньше. Все равно быстрее никого не будет, разве худовский... Ну, да мы примем меры...

— Так вы ручаетесь за восемнадцать узлов? — повеселел Виллис.

— Скажем так: с попутным ветром всегда семнадцать, а можно будет выжать и восемнадцать. Не рекорд! Постоянная коммерческая скорость!

Судовладелец вскоре откланялся, захватив с собой «Морской альманах». Провожая его к дверям, строитель вспомнил:

— Имя, давайте имя клипера, на днях будем закладывать. Иначе не успеем оснастить и отправить в рейс в шестьдесят девятом!

Джон Виллис приехал в свой просторный, несколько мрачный дом и заперся в кабинете.

— «Джемс Бэйнс». 1856 год. Одиннадцать лет назад... — бормотал он, раскрывая журнал и водя пальцем по оглавлению.

Наконец он нашел нужное — выписку из вахтенного журнала клипера-рекордиста:

«1856, июня 18, широта 42°47' южная, долгота 115°54' восточная, барометр 29,20 дюйма. Ветер меняется от З до ЮЗ. Первую половину дня сильно свежее... В 8 ч. 30 м. под всеми лиселями с правой и грот-трюмсеlem скоростью 21 узел. С полуночи шторм от ЮЗ, но ясная, светлая ночь. В 8 ч. утра ветер и погода те же. Пройдено за сутки 420 миль».

Джон Виллис опустил альманах на колени и грубо задумался.

...Июнь 1856 года. Да, в двадцатых числах. Ему было тогда всего сорок шесть лет, и здоровье еще не начало сдавать, как теперь. Им была предпринята поездка в Австралию с целью самолично изучить условия австралийских фрагтов. Корабль его находился в водах великого западного дрейфа в пятистах милях к югу от Австралии, на долготе ее западных берегов. До Бассова пролива оставалось еще около тысячи двухсот миль, а до цели плавания, Сиднея, — тысяча семьсот. «Ревущие сороковые»*, как бы приветствуя судовладельца, посылали крепкие зимние штормы — все время западные, попутные. Океан взметывался громадными волнами, сеял водяную пыль. Ключья и струи пены в воздухе обгоняли корабль. Старый крепкий почтовик скрипел, взмахивал длинным, крутым бушпритом и грузно проваливался между склонами мечущихся водяных холмов. Мокрые кливера на секунду обвисали и вновь надувались с гулким рывком, сотрясая корпус. Виллис не вел корабль, но проводил на палубе долгие часы. Океан поражал своей мрачной первобытной силой. Внезапные шквалы у южноамериканских берегов, бешеные тайфуны китайских морей были опаснее, но ни один океан не требовал такой прочности от корабля и непрерывной, изматывающей борьбы с бурей и страшным волнением, как здесь, вдоль сорокового градуса южной параллели, на границе Индийского и Южного Ледовитого океанов.

Незабываемая встреча произошла в светлую июньскую ночь. Джон Виллис задержался на палубе, пытаясь рассеять головную боль от тяжелой многодневной качки. Ветер крепчал с каждым часом. Грустное пение такелажа, которому вторил низкий гул парусов, становилось резче и как-то наглее, пока не перешло в победный вой. Вахтенный помощник вызвал людей наверх — уменьшить парусность. Лаг исправно отсчитывал мили, и заслуженный корабль шел со скоростью в тринадцать узлов.

* «Ревущие сороковые» (Roaring Forties) — сороковые широты южного полушария, очень бурные.

Внезапный крик вахтенного перекрыл свист ветра и всплески волн:

— Корабль справа, с кормы, идет тем же галсом!

В свете луны показалось сначала расплывчатое белое пятно, потом черная точка корпуса. С невероятной быстротой догонявшее судно росло, становилось отчетливее. Джон Виллис бросился на мостик. Корабль шел в бакштаг правого галса с креном на левый борт. Корпус казался странно узким под огромной массой парусов и почти исчезал в облаке пены. Исполинские нижние реи разносили белые полотнища далеко в стороны от бортов. Нижние паруса будто касались гребней пенящихся волн в двадцати пяти футах от бортов. С правой стороны все лисели были выдвинуты на лисель-спиртах. Корабль загребал начинающуюся бурю простертым напрова крылом и рвался вперед, отталкиваясь от ураганного ветра. Обращенный к Виллису борт корабля едва различался в хаосе волн и всплесков, по палубе извивались водяные потоки, пологий бушприт протыкал верхушки встречных валов. Судно словно могучим плугом вспарывало океан, тяжело трудясь в борьбе с надменной стихией.

Корабли сблизились. Несколько сорванных ветром выкриков в рупор, приветственные взмахи — и изумительный корабль, точно «Летучий голландец», исчез впереди в волнах и несомом бурей водяном тумане.

— «Джемс Бэйнс», Бостон! — наконец раскрыл рот вахтенный помощник. — Клянусь Юпитером, это моряки!..

Джон Виллис только кивнул в знак согласия.

— Мы убрали часть парусов, а у них не только лисели, даже лунный парус стоит. Видели?

Виллис вспомнил, что действительно видел парус на самой верхушке грот-мачты, но промолчал. Ему хотелось наедине обдумать впечатление. Встреча с американским клипером потрясла его сильнее, чем сначала показалось. И в Австралии и на обратном пути он не мог забыть ломившегося сквозь бурю с поразительной отвагой корабля, который обогнал

их, будто какую-нибудь баржу. Гордость судовладельца, собственника отличных кораблей, вдобавок еще шотландца, была уязвлена. Уж очень велико было превосходство американского клипера! Перебирая в уме — в который раз! — все известные ему корабли британского торгового флота, Виллис признавался, что нет ни одного, который мог бы совершить подобный же подвиг двадцатиузлового полета через ураган. А еще через год миру стал известен рекорд «Молнии» в западном дрейфе Атлантики, на десять миль превысившей суточный переход «Джемса Бэйнса».

Но что-то мешало Виллису признать «Молнию» или «Джемса Бэйнса» идеалами корабля. Встреча в Индийском океане разбудила не только жажду соревнования, но и смутное ощущение, что идеальный клипер, корабль-мечта, должен быть другим. Громадный плуг, вспарывающий океан под напором чудовищной парусности, — нет, в этом судне не было той чарующей легкости усилий, какой-то простоты движения, которое пленяет нас в быстрых лошадях, собаках или птицах.

Несколько лет спустя осторожно, боясь показаться смешным, Джон Виллис поведал свои мечты знаменитому судостроителю. И вот подошла пора осуществления, а строитель говорит, что клипер не будет таким же быстрым, как те прославленные американцы. Но он обещает всестороннее совершенство корабля.

Это верно! Клипер-мечта должен быть меньшим, легко нести свои паруса и скользить по волнам, а не пахать их. Как прекрасен был бы танец на вершушках волн! Нестись вместе со свитой пенных гребней, сливаясь с движением ветра.

Внезапно острое воспоминание, как молния, вспыхнуло в мозгу. Джон Виллис понял, откуда появилось у него представление о скользющем полете. Сорок лет назад он видел картину художника — он давно забыл какого, — изображающую молодую ведьму из поэмы Бернса — Нэн Короткую Рубашку. Вызывающе смеясь, лукавая и желанная, юная жен-

щина неслась в беге-полете над вереском и кочками шотландских болот, ярко освещенная ущербной луной. Ее обнаженная левая рука была поднята вверх и изогнута, словно лебединая шея, а правая легко отведена в сторону. Тонкая рубашка, ниспадавшая с плеч, короткая, как у выросшего из нее ребенка, открывала во всю длину сильные стройные ноги. В круглом лице и изгибе широких бедер художник сумел отразить ненавязчивую порочность, напоминавшую, что эта красивая не по-английски девушка, настоящая дочь Шотландии, все же... ведьма!

Картина впервые разбудила у юного Джона Виллиса сознание сладкой и тревожной привлекательности женщины. Образ юной Нэн Короткой Рубашки накрепко запечатлелся в памяти, связанный с ожиданием неопределенных чудес будущего. И только самому себе сознавался гордый судовладелец, что ему пришлось позже встретить похожую на ту Нэн девушку. Простая служанка из горной шотландской деревни, она не могла быть женой, подходившей чопорной семье молодого Виллиса. Стыдясь своей любви, Джон грустно вздыхал, так и не признавшись насмешливой и смелой девушке. Все давно миновало, жизнь прошла совсем по-иному, чем это мечталось смолodu, но в потаенных уголках души заносчивого богача продолжало жить сожаление о сладостном и запретном образе Нэн, сливающимся с утраченной любовью к Джэн.

И сейчас, слегка взволнованный воспоминаниями прошлого, Джон Виллис решил, какое имя больше всего подходит его будущему кораблю.

Нэн Короткая Рубашка! Быстрая, как ветер, прекрасная и своенравная! И его клипер будет носить-ся по океанам в легком беге-полете юной ведьмы!

Джон Виллис довольно ухмыльнулся, но тут же сообразил, что имя ведьмы, данное кораблю, вызовет недоумения и нарекания. Что ж, у него хватит воли отстоять свое, но все же лучше назвать клипер просто «Короткой Рубашкой» — «Катти Сарк», без имени Нэн. Носовая фигура, деревянная статуя под

бушпритом, будет изображать Нэн Короткую Рубашку. Он позаботится, чтобы ее сделали похожей на ту самую Нэн — Джэн...

ДВА СОПЕРНИКА

Клипер Виллиса получил название «Катти Сарк», сколько бы ни удивлялись и ни отговаривали упрямого шотландца приятели и товарищи.

А осенью 1868 года вышел из Эбердина новый художский клипер «Фермопилы». Вскоре среди моряков разнеслась слава о необыкновенном корабле, превосходившем всех быстротой, управляемостью, легкостью хода. В следующем году отчалила от пристани Темзы и «Катти Сарк», направляясь в далекий Китай. Флот чайных клиперов, пораженных мореходными качествами «Фермопил», скоро понял, что у этого замечательного корабля есть соперник, не худший, а может быть, даже и превосходящий его. Как настоящая ведьма, «Катти Сарк» настигла только что ушедший в очередной рейс художский клипер и, несмотря на отчаянные усилия его экипажа, пришла одновременно с ним в Шанхай. С этой поры между двумя лучшими парусниками мира началось неустанное соревнование, продолжавшееся двадцать пять лет.

Когда на туманном рассвете с наступлением прилива «Катти Сарк» и «Фермопилы» одновременно исчезли из Шанхая, моряки поняли, что началась самая интересная за столетие гонка кораблей. Оба соперника пролетели Зондский пролив, не теряя друг друга из виду. Затем медленно, час за часом, сутки за сутками, «Катти Сарк» стала опережать «Фермопилы». В бейдевинд оба клипера шли по тринадцатим узлов — неслыханное дело, недоступное всем другим клиперам. Затем бейдевинд стал круче, и тут «Катти» оказалась быстрее на полтора узла, чем шедший десятиузловым ходом ее соперник.

Все дальше расходились корабли. «Катти Сарк» скрылась за горизонтом, и, как ни лавировал ее про-

тивник, в течение двух суток впереди ни разу не показались паруса «Катти Сарк».

Барометр неуклонно падал, густой удушающий зной плавал над маслянистым океаном, и вечерние звезды плясали и дрожали у горизонта. Ведьма Нэн Короткая Рубашка бесстрашно неслась навстречу грозному тайфуну, не изменяя курса, а вдалеке невидимый за выпуклым простором моря так же неустрашимо и упорно следовали за ней «Фермопилы».

Оба клипера проскочили через тайфун, но «Катти Сарк» не повезло. Виноват был замешкавшийся рулевой. Тяжелый вал ударил по старпосту*, расщепил руль. Штуртрос лопнул, вывернутый на сторону руль оторвался. Клипер, потерявший управление, начал с опасным креном судорожно нырять в гремящих валах. Но моряки не растерялись. Положенный в дрейф клипер справился с тайфуном и с наскоро прилаженным временным рулем благополучно прибыл в Англию, уступив на этот раз пальму первенства «Фермопилам».

В чайном флоте «Катти Сарк», как и «Фермопилы», пробыла недолго. Развитие чайного дела на Цейлоне сократило китайскую чаоторговлю, и держать на ней замечательные корабли стало невыгодным. Клиперы перешли на австралийские рейсы и тут-то наилучшим образом проявили себя.

От мыса Доброй Надежды до Австралии путь кораблей пролегал через «Ревущие сороковые» с их постоянными штормами и крупным волнением. Здесь «Фермопилы» и «Катти Сарк» возглавили весь шерстяной флот, состоявший из отборных судов, ибо австралийская шерсть срочно требовалась все увеличивающемуся текстильному производству Англии.

Джон Виллис долго подыскивал подходящего капитана для своего любимого клипера, пока не остановился на Ричарде Вуджете. Молодой моряк зарекомендовал себя наилучшим образом в ужасный

* Старпост — ахтер-штевень, вертикальный кормовой брус, к которому крепится руль.

ураган 1875 года, и судовладелец решил поручить ему корабль.

Дик Вуджет радостно согласился и в первый же рейс понял, что не ошибся в выборе. Это плавание стало незабываемым, чистым и редким наслаждением. Вуджет изучал свой превосходный корабль на смене галсов. Не было случая, несмотря на шквальные ветры или тяжелое волнение, чтобы корабль не выполнил поворота оверштаг быстро, без всякой задержки, бросаясь к ветру, едва руль переключивался на ветер.

В штилевых полосах тропической Атлантики «Катти Сарк» окончательно и навсегда покорила свой экипаж.

В знойном воздухе реял почти неосязаемый ветерок, верхушки медленных, лениво зыбившихся волн закруглились, будто расплавились, море горело под безжалостным солнцем. Но клипер, чуть раздувая всю массу своих парусов, продолжал скользить по волнам шестиузловым ходом. Это казалось чудом, но это было так! Штилевая полоса на этот раз не мучила моряков вынужденным бездельем, нелюбимым гораздо сильнее всякой непогоды и особенно отвратительным в душную жару.

В южных широтах устойчивый зюйд-вест сразу прибавил клиперу ходу. Лаг принялся отсчитывать серебристыми звонками пресловутые тринадцать узлов в бейдевинд. Капитан Вуджет стоял у борта, вглядываясь в даль, где холодные фиолетовые волны прочерчивались красноватыми, вблизи совсем багряными гребнями. Море меняло оттенки красок каждую минуту, по мере того как летели навстречу срываемые ветром всплески и солнце склонялось все ниже к четкой линии горизонта. Светлая бронза заката резко граничила с голубовато-серой поверхностью моря. После зноя угасшего дня сильный зюйд-вест нес прохладу из ледяных просторов Антарктического океана.

Вуджет, устремив невидящий взгляд на едва заметно вибрировавшие вант-путенсы*, думал о тех

* Вант-путенсы — боковые нижние растяжки мачт.

моряхах, которые на несравненно худших, чем его клипер, судах проникали в глубь этого всемирного ледяного погребца. Знаменитый соотечественник Кук и храбрый русский Беллинсгаузен далеко заходили в область холодных туманов, среди которых смертоносными призраками скользили гигантские айсберги.

Вуджет старался представить по читанным когда-то описаниям плаваний странный материк на Южном полюсе — чудовищную ледяную шапку, с которой дуют крепчайшие в мире ураганы и в клубящейся белесоватой бессолнечной мгле в океан ползут мертвые льдины. Именно антарктические бури на всем пути от южной оконечности Африки до Австралии дыбят огромные волны и рождают частые штормы.

Капитану не терпелось принять сражение с угрюмой мощью бурных широт. Но дни и ночи сменялись по-прежнему спокойно, как всегда на хорошем корабле в хорошую погоду, различаясь лишь вахтами, реже — сменой галсов да еще наблюдениями места корабля.

Красивая ведьма пронесла, плавно покачиваясь, свои высокие белорудые мачты мимо мыса Игольного в Индийский океан, когда всем находившимся на клипере стало ясно, что безмятежному плаванью пришел конец. Барометр падал медленно, но непрерывно, со зловещим упорством.

Вахта капитана Вуджета пришлось на безлунную светлую ночь. Однообразно гудел ветер в парусах, не нарушая ощущения тишины. Волны мерцали свежеразрезанным свинцом и, казалось, освещали борта корабля. Обычные зеленый и красный блики бортовых огней совсем не замечались в волнах. Блеск волн не исходил изнутри, как при обычном свечении моря, вызываемом морскими животными. Вода казалась огромным волнистым зеркалом, отражавшим невидимый свет, и, может быть, это и было так на самом деле.

Капитан внимательно оглядел небо. Оно стало пепельным. Справа, на юге, звезды на горизонте затемнялись узкой, серповидной полоской облаков. Удивленный странным состоянием моря, Вуджет

долго вглядывался в далекие тучи, но не заметил угрожающего расширения облачной полосы. Зайдя в рубку, капитан сильно затынулся, направив красный огонек трубки на стекло равномерно качавшегося барометра. Ртуть стояла на 28,3 и своим быстрым падением обещала бурю. Вуджет снова направился к борту, бросив взгляд на рулевого, четким силуэтом выделявшегося в желтом свечении нактоуза*.

— Кто на руле? — негромко спросил Вуджет.

— Бэйкер, сэр! — звонко отозвался матрос.

Это прозвучало для капитана успокоительно. Бэйкер был опытным матросом, плававшим еще на китайской линии.

Вуджет продолжал свою молчаливую прогулку по палубе, наблюдая за облачной дугой, западный конец которой все больше вытягивался позади клипера. Море темнело, волны потеряли свой блеск, зато небо начало светлеть. Первые лучи солнца сверкнули над водой, и одновременно облака справа и сзади стали густеть, кудрявиться по краям и задерживать небо снизу, от горизонта, плотной массой.

Капитан вызвал всех наверх взять рифы на фок-е и фор-марселе, а также закрепить грот и контр-бизань. Первые шквалы потрясли корабль. В хаосе брызг, в пронзительном свисте ветра «Катти Сарк» вздрагивала, кренясь и прибавляя ход. Шторм склонялся все больше к западу, пока не перешел на чистый фордевинд. Тяжелые, низкие облака потушили золотившийся восток, опускаясь все ниже, и, казалось, утюжили верхушки грозных валов, полчищем двинувшихся на клипер.

Капитан распорядился закрепить все крьюсельные** паруса, рискнув оставить полный грот-марсель, все брамсели и бом-брамсели***, положившись

* Нактоуз — деревянная колонка, на которой устанавливается судовой компас.

** Крьюсельные паруса — паруса на задней мачте (бизани).

*** Брамсели и бом-брамсели — верхние паруса на мачтах.

на прекрасную остойчивость «Катти Сарк». Он не ошибся. Судно мчалось четырнадцатизловым ходом совершенно спокойно, несмотря на крупные волны. Рулевые на штурвале работали сосредоточенно, но без всякого напряжения. Вуджет лишний раз убедился, что многовековый опыт кораблестроения действительно воплотил все лучшее в его замечательном судне.

Шторм установился в одном направлении. Клипер несясь сквозь бушующий океан, словно заколдованный. Гривастые водяные горы вздымались вокруг, угрожая задавить судно своей тяжестью, но не могли даже захлестнуть палубу, обдаваемую только брызгами. Серые разлохмаченные облака с огромной скоростью бежали по небу, обгоняя «Катти Сарк».

Видимость сократилась. Океан не казался беспредельным и стал похож на небольшое озеро, замкнутое в свинцовых стенах туч и изборожденное гигантскими волнами. Слева начал подниматься вал непомерной вышины. Темная зловещая бездна углублялась у его подножия. Вал рос, приближался, заострялся. Вот уже совсем навис над палубой «Катти Сарк» его заворачивающийся вниз гребень. В долю секунды клипер взлетел на него, легкий и увертливый. Чудовище исчезло, подбросив корму своим последним вздохом. Волшебница Нэн плясала на волнах, и угнетающая сила бури не имела над ней никакой власти.

Весь экипаж клипера был охвачен задорной смелостью, которую порождает в людях буря, если они полностью уверены в своей безопасности. Чуткое ухо капитана уловило сквозь рев урагана обрывки песни — матросы изо всех сил горланили какой-то старинный пиратский напев, а боцманы, ругаясь, требовали молчания. Вуджет приказал первому помощнику не уменьшать парусов.

— Наша красавица несет их совершенно легко, — добавил капитан, еще раз окинул взглядом беснующееся море и удалился в свою каюту.

Еще не проснувшись как следует, Вуджет понял, что долго спал, и вскочил на ноги.

На палубе его приветствовал молодой второй помощник:

— Все великолепно, сэр! И вас убаюкало на славу!

— Только не знаю, на чью! — буркнул Вуджет, удивляясь, что проспал полторы вахты.

— Конечно же, во славу нашей «Катти»! — восторженно воскликнул молодой моряк.

Капитан согласно кивнул, зорко оглядывая небо и море.

Волны катились ровнее, и слои облаков поднимались все выше. Ветер еще выл и гудел над палубой, когда в небе произошла внезапная и резкая перемена. словно гигантский нож распорол толстое облачное одеяло от края до края горизонта. Серая пелена, заграждавшая простор океана, расплзлась в стороны, уходя на норд и зюйд. Разрез в тучах открыл чистое небо, уже слегка тускневшее в преддверии вечера, и проложил на поверхности моря широкую светлую дорожку. Необъятное сизое крыло низких туч на севере медленно отступало в темную даль.

Внезапно оттуда вынырнул корабль. Сильно накренившись, он мчался по бурному морю с той же неуловимой и необъяснимой легкостью, как и сама «Катти». Буря утихла, но ветер, зашедший к югу, был еще очень свеж, чтобы не сказать крепок. Встречный клипер шел почти в халфвинд*. Кроме основных парусов, судно несло все стаксели и даже два лиселя. Затаив дыхание моряки следили за кораблем, и ревнивое чувство завладело ими. Клипер неся по бурному морю еще быстрее их корабля. Он прошел вдали, уже слабо различимый в темнеющем небе, не подав никакого сигнала, а может быть, его сигналы уже не различались.

— Это «Фермопилы», только «Фермопилы»! — восхищенно воскликнул один из матросов, не раз встречавший соперника «Катти Сарк» в китайских водах.

Капитан Вуджет и сам инстинктивно понял, что

* Х а л ф в и н д — полветра, когда ветер перпендикулярен курсу корабля.

это мог быть только второй знаменитый клипер. Что-то одинаковое с «Катти» было во всей повадке корабля: та же чудесная слаженность всех пропорций корпуса, рангоута и парусов, заставлявшая восхищаться даже неопытных пассажиров.

Закусив губу, Вуджет распорядился прибавить парусов. Для «Катти» ветер был бакштагом — наилучшим для парусника. Скачком увеличив ход, судно понеслось по волнам. Вскоре звонки лага возвестили семнадцать узлов. Но ветер слабел, можно было рискнуть, и Вуджет приказал поставить все стаксели и лисели: всю дополнительную парусность корабля. Три тысячи триста пятьдесят квадратных метров парусины низко загудели, надулись огромными белыми рядами.

— Восемнадцать узлов! — завопил помощник, осекся, покраснел, но, встретив сочувственный взгляд своего капитана, вновь приосанился.

Некоторые вновь принятые в экипаж моряки не хотели верить. Но ветер дул теперь ровно, мягко шипела и плескалась под носом вода, а скорость клипера оставалась все той же. Только звонки лага отмечали милю за милей да победно пели тросы стоячего такелажа. И каждый моряк экипажа «Катти Сарк» чувствовал себя наследником прежних победителей морей, прокладывавших новые пути по грозным необозримым океанам, среди которых любой корабль терялся ничтожной песчинкой. Судьба отметила и возвысила их: они плавают на лучшем корабле мира!

«Если бы только не «Фермопилы»! А впрочем, может быть, и хорошо, что их — кораблей-альбатросов — два. Будет с кем потягаться, попробовать силы!»

ПАР И ПАРУС

Капитан Ричард Вуджет при поддержке своей команды не переставал изучать «Катти Сарк». В его руки попало чудесное творение рук человеческих, с помощью которого можно было бороться за ско-

ростной бег по морям и океанам при любых условиях того сложного сочетания жары и холода, ветра и штиля, дождей и сухих бурь, которое для сокращения именуется погодой и к которому на море добавляются волнение, течения и противотечения, приливы и отливы. Вуджет учился использовать все богатые возможности корабля: управляемости, невероятно гибкой для парусника с прямым вооружением, способности к лавировке и движению при слабых ветрах. Результаты труда капитана и экипажа не замедлили сказаться: все бегуны шерстяного флота оказывались неизменно побежденными. Быстроногая ведьма, выходя одновременно с другими судами, опережала их на целые недели.

«Фермопилы» были тоже побеждены: и в первый, и во второй, и в пятый раз. Первенство «Катти» утвердилось, хотя и не столь прочно, как хотелось бы капитану и команде корабля. «Фермопилы» уступали «Катти Сарк» в переходах всего на часы, самое большое — на сутки. Упрямый корабль не прекращал состязания, казалось, впитав в себя шотландское упорство своих строителей.

Целыми неделями «Катти Сарк» мчалась с попутными ветрами со скоростью семнадцать узлов, покрывая более трехсот шестидесяти миль в сутки. В 1885 году «Катти Сарк» сделала переход из Лондона в Сидней, преодолев расстояние в двадцать одну тысячу триста километров с буксировками, ожиданием лоцманов и заходом в Кейптаун за шестьдесят семь дней. Джон Виллис, которому перевалило за семьдесят, устроил банкет и принимал поздравления как владелец лучшего в мире корабля. Однако новая сила вступила в соревнование на морских просторах: пароходы — эти жалкие каботажные скорлупки — превращались в настоящие океанские суда. Применение винта сделало их надежными; строители паровых машин и котлов накопили нужный опыт. И даже на далеких и тяжелых австралийских рейсах доставка почты была поручена пароходам. Резвость шерстяных клиперов с каждым годом все более уступала работе

машин, более стойкой и постоянной, меньше зависящей от капризов погоды.

«Фермопилы» и «Катти Сарк» дольше всех держали знамя в соперничестве пара и паруса, вызывая неизменное восхищение у пароходных пассажиров и команды, когда при попутном ветре тот или другой из красавцев клиперов возникал белокрылым лебедем среди моря, нагонял дымившее, глухо шумевшее чудовище и скользил вперед, чистый, безмолвный и легкий.

В 1889 году мир удивился новому подвигу «Катти Сарк». «Британия», один из лучших почтовых пароходов Полуостровной и Восточной компании, отправился в австралийский рейс. У острова Гарбо пароход встретил «Катти Сарк», шедшую тоже в Сидней. Крутой бейдевинд не давал клиперу развить более двенадцати узлов, а пароход исправно, сутки за сутками, делал четырнадцать.

Пассажиры и моряки «Британии» наблюдали за усилиями клипера лавировать побыстрее: по неслышной команде менялись галсы, разворачивались дополнительные паруса.

И все же белое облачко осталось позади, растаяло в голубом сверкании спокойного моря. Многие зрители, знавшие, что встретили самый быстроходный из старых клиперов, поспешили объявить, что паруса побеждены. Но капитан, лучше знавший, с кем имеет дело, только покачал головой, заявив, что впереди еще несколько тысяч миль пути.

Велико было удивление пассажиров, когда через трое суток позади начал вырастать знакомый белый силуэт. «Катти Сарк» теперь шла с попутным ветром и приняла в себя всю его торжествующую силу.

Капитан Вуджет не мог отказать себе и своим людям в удовольствии пройти совсем близко от бортов «Британии». С мягким шипением воды и гудящим на высоких басах такелажем клипер промчался в двух кабельтовых* от парохода. Огромные мачты высоко встали над морем. Поддерживаемые надменно выпя-

* Кабельтов — 50 морских саженей — около 100 метров.

ченными парусами, они, казалось, несли клипер по воздуху, приподняв его над волнами, в которых тяжело переваливался пароход. И команда и пассажиры «Британии», высыпавшие на палубу, устроили «Катти Сарк» бурную овацию. Приветственные крики неслись вслед клиперу, когда он, делая восемнадцать узлов, оставил пароход позади, несмотря на распоряжение капитана «Британии» увеличить ход до предела. Только один человек на пароходе — один из лучших инженеров пароходной компании — молчаливо стоял у борта, не отрывая глаз от парусного красавца.

— Не знаю, как вам, а мне горько видеть эту красоту и знать, что она уходит, что она обречена на исчезновение! — отвечал он на вопросы спутников.

Несмотря на то, что пароходная машина в этом рейсе без единой аварии печатала свои четырнадцать узлов, паруса победили пар. «Катти Сарк» пришла в Сидней на четыре часа раньше парохода. Снова газеты заговорили о триумфе клипера. Но старый Джон Виллис лежал уже под каменной плитой — он не дождался новой победы своей любимицы над пароходами, которых не понял и не любил. Упрямый шотландец мог быть доволен: его мечта-ведьма много раз вступала в соревнование с пароходами и побеждала их. И все же пароходный инженер оказался прав.

„КАТТИ САРК“ ОБРЕЧЕНА

Лунная ночь чем-то тревожила капитана Вуджета. Атлантический океан был спокоен. Уже шестые сутки пассат гнал клипер ровным, быстрым ходом. Ни единого звука, кроме журчания воды и гула снастей, не слышно на затишном корабле. Изредка возглас впередсмотрящего или удары колокола, отбивавшего склянки, — и снова молчание теплой, светлой ночи.

Вуджет, сняв фуражку, теребил свои поседевшие, коротко стриженные волосы. Старший помощник заступил вахту, но капитан не уходил с мостика. Шагая взад и вперед, Вуджет думал.

Решетки настила из крепкого тикового дерева истерты его ногами. Не так уж много осталось до дня, когда он отпразднует пятнадцать лет командования «Катти Сарк». Замечательный клипер по-прежнему крепок; никакой течи в корпусе, никакого износа главного рангоута. Он, капитан, не щадил корабля, выжимая из него невиданную скорость, и в то же время берег корабль, пользуясь слабостью старого Виллиса. Но старик давно уже умер, а наследникам... что им до корабля! «Больше фунтов, шиллингов, пенсов, капитан! Капитан, ваш клипер скоро станет убыточен!»

Буджет мысленно злобно передразнил старшего сына Джона Виллиса. Тревога не оставляла моряка, все больше овладевала им. Сознание обреченности «Катти Сарк» проникало в душу и, точно ржавчина, разъедало ее.

Он всего себя отдал кораблю. Отборная команда подбиралась годами. За счет морской выучки и сработанности каждой вахты Вуджету удалось уменьшить против обычной нормы число людей. Но все равно — шестьдесят человек! И девятьсот шестьдесят регистровых тонн. По шестнадцати на человека, на деле и того меньше! Даже большие американские клиперы-скоростники середины столетия были выгоднее. При сотне человек экипажа они обладали средней грузоподъемностью в две тысячи тонн — около двадцати тонн на человека.

Пока в тяжелых морских условиях возили скоростной дорогой груз — клиперы чайного и шерстяного флота были рентабельны. Но что же можно сделать теперь, когда пароходы, точные, как часы, возят по сотне тонн на человека команды, а новые — и по сто пятьдесят... Им не уступают вновь придуманные барки. После того как американцы провалились с постройкой дешевых больших шхун — эти рыскливые суда оказались очень опасными в океане на попутном волнении, — в Европе стали строить большие стальные суда с прямой парусностью, но очень простым такелажем. Марсели разрезали на две части, поставили лебедки, и четыре человека легко справ-

ляются там, где раньше едва хватало десяти. С барком в три, а то и четыре тысячи тонн управляются лишь двадцать четыре человека команды. Скорость, конечно, несравнима с клиперами, дай бог десять узлов, но ведь сколько есть дешевых, нескоростных грузов: уголь, лес, соль, удобрения, руда!..

Капитан Вуджет был образованным моряком и не мог не понимать назревшую трагедию старых парусников. Уже два года как исчез с австралийских рейсов клипер «Фермопилы», вечный соперник «Катти Сарк». По слухам, он продан куда-то в Канаду, но и там вряд ли продержится. Парусники покупают сейчас на Средиземном море и Зондских островах — в странах, где труд дешев и численность команды на коротких рейсах не имеет большого значения.

Вуджет наклонился и осторожно потрогал рукой отполированное углубление в медной поперечине поручня. Здесь, у этого столбика, он привык стоять в трудные минуты жизни корабля и, упираясь коленом в стойку, встречать лицом к лицу ярость бушующего моря.

«Конечно, они позолотят пиллюлю, — вернулся он снова к мыслям о судовладельцах, — но надо смотреть правде в глаза. Песенка моей «Катти» спета. Боюсь, что они стесняются только славы корабля, но ее хватит еще года на три, не более! Ну, пятнадцать лет отпраздную, а дальше...»

Капитан оказался прав. Невыгодность знаменитого корабля надоела потомкам Джона Виллиса. И в 1895 году британский флаг сняли с «Катти Сарк», с этой гордости английского флота, как пятью годами раньше его сняли с «Фермопил». Оба гордых океанских лебедя, четверть века честно служившие своим хозяевам, были проданы и, в буквальном смысле слова, пошли по рукам. Никому из британцев, занятых только чистоганом, не пришло в голову, что такие совершенные творения мысли и опыта подобны произведениям искусства и принадлежат, в сущности, всему человечеству как памятники развития его культуры.

Судьба обоих кораблей сложилась по-разному.

В португальском военном флоте тогда были настоящие знатоки. Проследив за «Фермопилами», они приобрели в Канаде этот клипер, уже приспособленный было к перевозкам свежей рыбы. «Фермопилы» вошли в состав португальского военного флота в качестве учебного судна. С таким кораблем моряки могли чувствовать себя в безопасности у родных берегов и в Бискайе, всегда отличавшейся грозными бурями и справедливо прозванной «кладбищем кораблей». Владельцы «Катти Сарк» также продали ее португальцам — фирме Феррейра в Лисабоне. Если бы они решили отделаться от «Катти Сарк» на полгода раньше, то учебным судном стала бы «Катти», а не «Фермопилы». Вся история нашего клипера стала бы иной.

«Фермопилы» выдерживали шквалы Бискайского залива, бури Средиземного моря и неистовые налеты штормов близ Южной Америки еще двенадцать лет. В 1907 году, когда исполнилось сорок лет службы корабля, стала очевидной его дальнейшая непригодность. Связи корпуса расшатались еще за время работы в шерстяном флоте. Постоянная гонка с максимальной парусностью на крупном волнении состарила в конце концов замечательный корабль, и надо лишь удивляться его долгой жизни. Сказалась облегченная в сравнении с «Катти Сарк», частично сосновая, обшивка. Но моряки португальского флота остались верны себе. Они не продали состарившийся клипер на дрова, не превратили его в угольный плашкоут или речную баржу. Португальское адмиралтейство издало специальный приказ: парусник вывели в море и устроили ему морские похороны перед строем военных судов. Под звуки шопеновского траурного марша украшенный флагами клипер был торпедирован.

Очевидцы рассказывали потом, что день был ослепительно яркий, воды моря у бухты Лагуш сияли прозрачной синевой. «Фермопилы» погрузались кормой. Когда нос корабля под грохот орудийного салюта скрылся под водой, многих старых мореходов прошибла слеза. Хорошо, что на свете имеются люди вы-

сокой и мечтательной души, как эти португальские моряки!

Совсем не такие слезы навертывались на глаза капитана Ричарда Вуджета, когда он сдавал свой корабль представителям фирмы. Вести его в Лисабон он отказался и покинул клипер на родном берегу. Невыразимая горечь расставания с кораблем усугублялась тем, что лучший клипер мира был продан по дешевке в чужую страну. Матросы и офицеры оставили судно и в гробовом молчании ожидали на берегу своего капитана. Вуджет никак не мог покинуть мостик. Стыдясь набегающих слез, он обращал глаза к мачтам. Их уходившие высоко в пасмурное небо клотики столько раз просекали плотный напор бури, накалялись тропическим солнцем, жутко светились огнями святого Эльма в предгрозовых тучах... Как знакома каждая черточка строгого рисунка на ореховых панелях переднего дэксауза, тысячи раз встречавшего взгляд капитана за тысячи вахт!

Два клерка, непонимающие и удивленные, ожидали на палубе. Капитан потрогал отполированные спицы штурвала и вдруг крепко сжал поручни мостика, так что побелели пальцы загорелых рук. Это было как последнее рукопожатие перед разлукой навсегда. Сгорбившись, понутив голову, моряк сбежал на палубу, перешел на берег и не оглядывался до тех пор, пока щели узких улиц не скрыли от него мачт «Катти Сарк».

Вуджет не показывался из дому несколько дней, пока клипер не исчез из порта.

ПОД ПОРТУГАЛЬСКИМ ФЛАГОМ

После гибели «Фермопил» «Катти Сарк» оставалась совсем одинокой, единственной в мире, но и она фактически исчезла для него. Португальский флаг не прибавил ничего нового к прошлой славе клипера. А старая слава забылась, как забывается все в быстром течении жизни, несмотря на усилия людей, осо-

бенно власть имущих, удержаться подольше в памяти человечества.

Новые капитаны неплохо обращались с кораблем. Память прошлой любви и тугой кошель давно умершего Джона Виллиса продолжали играть свою роль — тяжелый железный набор и тиковая обшивка «Катти Сарк» сделали ее корпус несокрушимым. Годы шли, а клипер продолжал плавать без малейшей течи. Разразилась первая мировая война. «Катти Сарк», проданная и забытая своим отечеством, снова начала служить Англии, войдя в состав торгового флота союзников как одна из самых незаметных и незначительных единиц. Скромные перевозки английского угля на юг Франции, в Италию и Гибралтар стали уделом старого парусника.

В один из холодных дней поздней осени 1915 года клипер шел из Лисабона к западным берегам Англии. Дождь, моросивший из низких туч, подхватывался резким ветром. Серое, взъерошенное море сливалось с таким же серым горизонтом. Темное небо опускалось все ниже на побелевшую от вспененных гребешков волну. Барометр предвещал сильную бурю, но капитан клипера и его совладелец — один из молодых родственников известных в Лисабоне судовладельцев Феррейра — был отважным моряком. Раскачиваясь под глухо зарифленным фоком, верхними марселями и брамселями, «Катти Сарк», сохранившая прежнюю резвость юной ведьмы, и под новым, благочестивым именем шла тринадцатизуловым ходом. Съежились у вант вахтенные, посинел на мостике офицер; все мечтали о конце вахты и кружке горячего кофе. До зоны плавающих мин было еще далеко, и капитан Феррейра мирно спал в той самой каюте, в которой провел столько лет жизни капитан Вуджет.

Гулкие раскаты прогремели впереди слева, там, где смыкалась узкая щель между тучами и морем. Баквый матрос закричал, что видит отблески огня. Вахтенный помощник разбудил капитана. Тот, позевывая, вышел на палубу, но сумрачное море молчало. Капитан, постояв на мостике с полчаса, озябнув и

кляня помощника, направился в каюту, но был остановлен криком вахтенного:

— Судно слева по носу!

То, что предстало спустя некоторое время его глазам, мало походило на судно. Из моря торчала высокая башня, ржаво-красная, черно-белая. Она высилась над водой неподвижно, пугая своей необычностью. Это тонул кормой большой пароход, став среди моря почти вертикально. Множество обломков плавало вокруг, появляясь и снова исчезая в волнах, по которым все шире расплзалась радужная пленка масла.

Изменив курс, клипер подошел к гибнущему вликану. Передняя мачта парохода тонким крестом нависла на уровне верхних рей парусника. В проходах между спардеком и носовой палубой, на передней стене салона и ходовой рубки сгрудились люди, казавшиеся на белой краске скопищем черных мух. Некоторые в страхе цеплялись за лебедки, горловины люков, грузовые стрелы — за все выступы носовой палубы, стоявшей отвесно. Среди волн плавали четыре опрокинутые шлюпки, много белых досок, весел, донных решеток.

Холодный ветер выл над бурным морем, и волны тяжело и глухо шлепали о подножие страшной башни. У переднего выреза фальшборта появился моряк с рупором в руке: немецкая подводная лодка торпедировала пароход, кормовое орудие которого успело несколько раз выстрелить и, по-видимому, повредило перископ. Обозленная сопротивлением, субмарина всплыла и расстреляла все шлюпки, которые удалось спустить до того, как крен корабля стал так велик. Положение судна безнадежно, хотя погружение приостановилось, — должно быть, в носовой части образовалась воздушная подушка.

Капитан Феррейра стоял на мостике, задрав вверх голову, и чувствовал, что сотни глаз жадно следят за ним. Для всех погибавших он явился избавителем от страшной участи, и не было на свете корабля благословеннее его клипера.

— Сколько людей на корабле? — не теряя вре-

мени, крикнул капитан в рупор и с ужасом услышал, что осталось не меньше тысячи.

Распорядившись лечь в дрейф и спускать шлюпки, капитан Феррейра не переставал думать, о том, что взять всех немислимо. Небольшой клипер, не приспособленный к перевозке людей, мог разместить в трюмах и на палубе самое большее семьсот человек. Не оставалось времени выбросить в море груз руды, но он, по счастью, и не занимал много места. Дело не в весе, а в объеме живого груза. Вдобавок эту массу людей маленькие шлюпки клипера будут возить до ночи. А ветер все крепчает, и пароход может затонуть в любую минуту — как только сдаст главная передняя переборка.

Храбрый португалец, уверенный в своем корабле, решился на отчаянный маневр. Развернув реи по продольной оси клипера, управляясь двумя стакселями и кливером, Феррейра стал медленно осаживать корабль боком по ветру. Затаив дыхание обреченные люди на тонущем пароходе следили за клипером. Вот корма его коснулась борта парохода — там уже висели приготовленные кранцы и брезенты. В следующую секунду захлопали спущенные стаксели. Движение клипера замедлилось, и волны начали отводить нос парусника прочь от парохода, но канаты были уже заброшены, и парусник заболтался на волнах в опасной близости от тонувшего гиганта. Эта близость стала спасительной для погибавших. По четкой команде экипаж парохода, военные и добровольцы из мужчин-пассажиров образовали крепкую стену в проемах бортов, откуда начали передавать людей.

Женщин оказалось немного, гораздо больше было раненых: транспорт вез выздоравливающих с турецкого фронта. Каким головоломным ни казалось это предприятие — спускать почти беспомощных людей с высоты отвесно вставшего парохода на пляшущий в волнах внизу парусник, но выполняемое сотнями рук оно быстро подвигалось. Наконец ранеными оказались забиты все свободные места в трюмах, кубрике, каютах, рубке, палубных проходах и даже в кам-

бузе «Катти Сарк». Все раненые были переправлены до последнего человека. Остались здоровые.

— Капитан, сколько еще сможете принять? — раздался сверху чистый, сильный голос. Загорелый полковник с седыми усами, как старший чином, взял на себя команду эвакуацией парохода.

— Еще на палубу, — хрипло выдавил Феррейра, — человек двести...

Полковник окинул взглядом ожидавшую спасения толпу.

— В первую очередь идут молодые! — крикнул он не допуская возражения голосом.

Ни слова протеста не раздалось в ответ. Люди выстраивались в очередь. Короткие споры возникали только там, где молодые отказывались идти, пытаясь предоставить возможность спасения старшим. Но, подчиняясь приказу, цепляясь за канаты, молодежь перепрыгивала на ванты парусника и молча размещалась на палубе, стараясь занять как можно меньше места. Клипер заметно оседал ниже. Феррейра едва успевал следить за всем, но восхищение мужеством моряков и солдат росло в нем, внушая озорную смелость. В утробе гибнувшего парохода послышалось глухое урчанье. Громадный корпус вздрогнул и как будто стал погружаться в пучину.

— Отваливайте, капитан! Да сохранит вас бог за ваше мужество! — прогремел голос полковника. — «Ура» в честь капитана и его корабля!..

Борясь с подступающим к горлу рыданием, Феррейра отдал приказание. Тихо, словно призрак, клипер начал удаляться от парохода. Спасенные стояли у борта «Катти Сарк», не спуская глаз с героев-товарищей, отдавших свои жизни ради их спасения. Усилием воли Феррейра заставил себя распорядиться лечь на курс к берегам Англии. Неохотно, как бы борясь с собой, его матросы выполнили команду.

Торчавшая из моря башня скрылась за кильватерной струей парусника, и нельзя было решить — погрузился ли несчастный пароход или еще на плаву скрылся в туманной дали...

Волнение усиливалось, шторм надвигался быстро и неотвратно. Вдруг недалеко от клипера вынырнула из волн вертикальная серо-зеленая трубка — перископ подводной лодки. Никогда Феррейра не испытывал такого ужаса. Более семисот жизней зависели сейчас от его сметливости и отваги.

— Все наверх! — заорал не своим голосом капитан. — Пошел паруса ставить!..

Почувяв беду, команда опрометью вылетела из кубрика, где подвахтенные кое-как дремали у стенки, отдав гостям все остальное помещение. Подводная лодка отказалась от торпедной атаки. Или ее перископ был действительно поврежден, или же, увидев беззащитный парусник, она пожалела торпеду, решив расстрелять его из орудия. Из волн вынырнула рубка, затем продолговатый корпус.

Плотно сбившиеся на палубе клипера люди следили за субмариной. Видимо, это была большая лодка секретной постройки, может быть, один из тех подводных крейсеров, которыми хвасталась немецкая пропаганда, грозя союзникам истребительной войной. Второй раз смерть подступала вплотную — и нервы людей начали сдавать. Толпа загудела и заколыхалась.

— Молчать, стоять по местам!.. — взревел Феррейра по-английски и добавил спокойнее: — Если хотите спасти свои шкуры...

Краем глаза капитан следил за быстро темневшим на юго-западе небом.

— Реи обрасопить на левый галс! Руль — два шлага под ветер! — звучали резкие слова команды.

Клипер начал терять ход, и моряки из спасенных стали с недоумением оглядываться. Тем временем на подводной лодке открылись люки. Из переднего показалось длинное орудие — стопятидесятимиллиметровая дальнобойная пушка, из рубки высунулся ствол пулемета. Сейчас безжалостные снаряды начнут рвать в куски деревянное тело корабля, никогда не носившего никакого вооружения и созданного для борьбы со стихией, но не с человеком. Ливень пуль

врежется в плотную массу людей на ничем не прикрытой палубе!

Волны накатывались на подводную лодку. Феррейра со злорадством заметил, как артиллеристы у орудия скользили и падали, цепляясь за леера поднявшихся из люка стоек. Кусая губы, Феррейра не замечал, что громко говорит сам с собой.

— Еще минуту, минуту, минуту!.. — твердил он, весь дрожа от тревоги ожидания.

Клипер вздрогнул, качнулся; огромные полотнища курсовых парусов наполнились ветром. Расстояние между субмариной и парусником стало медленно увеличиваться. Зелено-желтая молния блеснула в темнеющем море. Над головой моряков заурчал снаряд, и высокий столб воды встал справа от клипера, с тупым грохотом обрушив вниз свою косматую голову.

— Капитан, они приказывают остановиться! — выкрикнул с палубы чей-то высокий, дрожащий голос.

— Молчать, смирно! — яростно рявкнул Феррейра. — У меня шлюпок на пятьдесят человек!.. Эй, ложись, на палубу!

Команда пришла к стати. Клипер набирал ход, и с субмарины слышался треск пулемета. Пули застучали по обшивке, впиваясь в борта. Опять вспышка, грохот близкого разрыва, водопад, рухнувший на палубу. Еще!..

Минуты «Катти Сарк» были сочтены. Но тут вдруг все ведьмы моря пришли на помощь своей любимице. Гул, свист, рев — и первый шквал бури обрушился на клипер. Он повалился на борт под скрип мачт и оглушительный треск разрываемой парусины.

— Руль прямо! Прямо руль!! — вопил капитан, стараясь удержаться на мостике, в то время как крен корабля и напор ветра силились перебросить его через перила.

Только «Катти Сарк» могла выпрямиться из такого крена, и она сделала это. Подхваченный бурей, клипер рывком прыгнул вперед. Вспышка, грохот... Мимо!

«Сейчас перестанут стрелять...» — подумал Феррейра. Подводной лодке приходилось туго на поверхности моря в такую бурю. Но прежде чем уйти в глубину, хорошо выученные убийцы старались собрать легкую жатву.

Клипер гордой беспомощной птицей летел по волнам, распустив все свои белые крылья, словно в предсмертном порыве. Два шестидюймовых снаряда вылетели вдогонку за ним один за другим. Взрыв оглушил капитана, палуба накренилась. Со слепящей вспышкой вал воды обрушился на клипер. Феррейра упал, смутно, как сквозь стену, слыша вопли людей и треск дерева. Но вода схлынула, и капитан увидел, что корабль цел. На палубе валялись люди, обломки рей, обрывки спутанных канатов. «Катти Сарк», кренясь, продолжала мчаться прямо в кипящий котел урагана. Феррейра хотел встать, но не смог и застонал от беспомощности и внезапной боли. Еще ясный разум капитана понимал, что необходимо сейчас же убрать паруса, изменить курс с бакштага на фордевинд. Ни о каком преследовании со стороны субмарины не могло быть и речи — бурный океан взял клипер под крепкую защиту.

Капитану казалось, что он громко командует, отдавая важные распоряжения. Но склонившиеся над ним люди не могли разобрать эти отрывистые, слабые звуки. А корабль тем временем продолжал нестись на крыльях бури. Прочные стены гнулись, а стальные растяжки — фордуны — начали звенеть невыносимо режущим ухо стоном.

Пока ошавевший от событий помощник начал распоряжаться, ряд последовательных страшных рывков потряс клипер. Капитан Феррейра, умирая, уже ничего не почувствовал. Славный моряк мог не беспокоиться: «Катти Сарк» выдержала испытание моря, а снаряды врага пощадили ее. Только, как в первую гонку с «Фермопилами» — сорок пять лет назад, клипер потерял руль и опять с временным приспособлением дошел до Англии, доставив в целости свой груз человеческих жизней.

„КАТТИ САРК“ — БАРКЕНТИНА

Гибель капитана Феррейры повернула судьбу «Катти». Еще раз проданный, еще дешевле, клипер попал в плохие руки.

Весной 1916 года в Бискайском заливе разразился шторм, сильный даже для этого котла бурь. «Катти Сарк», в третий раз переименованная, шла из Англии с обычным грузом угля. Испугавшись дикой ярости шторма, шкипер решил повернуть на фордевинд и удрать от урагана. Ленивая, собранная из случайных бродяг команда ненавидела работу со снастями, точно брасы, топенанты и шкоты были личными врагами каждого матроса. Перед грозной опасностью вместо слаженных и самоотверженных усилий матросы сыпали замысловатые ругательства, а иногда вместе с капитаном призывали Иисуса Христа и деву Марию. Поворот недопустимо замедлился, и ураган сильно накренил клипер. Экипаж еще больше растерялся и упустил время.

«Катти Сарк» поднялась бы из крена, но сместился груз угля, и клипер совсем повалился на борт. Оставалось срубить мачты — те самые мачты, которые не мог согнуть никакой напор ураганов в самых штормовых морях мира. Мачты полетели за борт, унося с собой весь такелаж. Корабль немного выпрямился.

Угрюмые, как после убийства, молясь и ругаясь, люди ожидали своей гибели. Но клипер и без мачт, повалившись на левый борт, вынес редкий по силе ураган и добрался до Лисабона с временной фок-мачтой.

Леса, годного, чтобы восстановить прежний рангоут «Катти Сарк», не нашлось, а если бы он и нашелся, то оказался бы слишком дорогим для новых владельцев. Огромная и сложная парусность корабля требовала многолюдной команды для управления и большого искусства от офицеров. Всего этого не было, и вот лучший клипер мира стал баркентиной. Иначе говоря, фок-мачту оставили с прямой парусностью, а грот- и бизань-мачты снабдили косыми,

как у шхуны, парусами. «Катти Сарк», превращенная в баркентину, переименованная в четвертый раз, запущенная и пестро раскрашенная, утратила свою поразительную резвость и плавала на случайных фрахтах между мелкими портами Средиземного моря, ценимая сменившимися владельцами только за корпус, который так и не давал течи.

Исполнилось пятьдесят три года службы корабля, когда разразилась ужасающая буря 1922 года. Тут-то не ремонтировавшаяся с давних времен палуба бывшего клипера поддалась, проржавевшие бимсы лопнули, и капитан с напуганной командой, готовые проститься с жизнью, едва добрались до Фальмута.

ПРОШЛОГО НЕ ВЕРНУТЬ

В сентябре 1922 года «Катти Сарк» вернулась в Фальмут, с тем чтобы навсегда остаться в Англии. Капитан Доумэн израсходовал все свои сбережения, чтобы выкупить и восстановить «Катти Сарк». Приобретение мачт и рей было последним усилием старого капитана. Но начатое им дело не остановилось. Был начат сбор средств на такелаж: каждый из ветеранов флота считал своим долгом что-нибудь достать для знаменитого корабля: хоть бухту троса, хоть несколько блоков. Кто не мог дать материалов или денег — помогал работой. Сменялись сгнившие брусья и доски обшивки, перестилалась палуба, постепенно вырастали громадные мачты.

Так простые люди Англии, сознававшие, что сохранение лучшего корабля страны, всем обязанной морю, является делом национальной чести, берегли «Катти Сарк». Аристократы, столь ревниво оберегающие традиции своей родины, когда эти традиции касаются их собственных привилегий, забыли о реликвии английского флота. Забыли о ней и те богачи, состояния которых были добыты трудами тысяч безвестных моряков и славных кораблей. Но простые моряки, не заслужившие чинов и орденов, понимали ценность народного труда и бережно от-

неслись к одному из лучших воплощений гения и рук английского народа...

Капитан Доумэн, наконец, дождался исполнения своей полувековой мечты. Открытое море приняло возрожденный клипер. Корабль семидесятилетнего возраста оставался почти прежним, созданным для бега взапуски с ветрами морей.

Но глухая тоска не покидала капитана Доумэна с того момента, когда берега скрылись за простором моря и океанская зыбь стала привычно качать «Катти Сарк».

На мостике, крепко вросши ногами в настил, стоял капитан — командир и владелец лучшего клипера его страны, да что там... всего мира. Что же нет настоящей радости исполнения заветной мечты? Скорее беспричинная грусть, какая-то жалость к самому себе одолевают его!

Доумэн почувствовал усталость и направился в капитанскую каюту. Он вытянулся на старом диване и закрыл глаза, прислушиваясь к гудению ветра и тупым ударам волн в борта. Семьдесят лет волны всех морей бьются в борта «Катти Сарк»; на корабле известной чередой прошли разные люди. Он, капитан Доумэн, тоже оставит здесь какую-то частицу себя и тоже уйдет в прошлое...

«Прошлое! Вот в чем разгадка этой печали», — продолжал думать Доумэн. Его мечта родилась давно и вся принадлежит прошлому — отважной молодости, закаленной зрелости парусного века и... его самого!

Но жить прошлым нельзя! Разве может он сейчас, одолеваемый старческими недугами, вести беспрерывно и неустанно борьбу с морем, гнаться с соперниками в трехмесячном рейсе? Да если бы и мог, то кому нужен теперь пробег его клипера в Австралию, куда ежедневно уходят десятки пароходов в десятки тысяч тонн грузоподъемности! Этот гордый кораблик теперь будет только смешон, выйдя на состязание с современностью. Ведьма «Катти Сарк» была создана для важных дел, но значение их давно умерло, и нелепы попытки возродить прошлое. Соревноваться

с пароходами на коммерческих рейсах бессмысленно. Но клипер еще не умер — он может учить! Он, Доумэн, может гордиться тем, что сохранил судно для этой цели — учить приходящую на смену молодежь тому пониманию моря, близости с ним, которое может дать только парусное плавание.

Капитан Доумэн присел и принялся раскуривать трубку. Боль в груди сделала курение редким удовольствием. Докурив, Доумэн вышел на мостик. Старый настил поскрипывал под его ногами, выдавая возраст корабля. Ветер, неизменный спутник моряка, обвевал отяжелевшую голову. В душе капитана стало легко, пусто и бездумно. Протерев заслезившиеся глаза, Доумэн приказал повернуть на обратный курс.

ОБЩЕСТВО СОХРАНЕНИЯ „КАТТИ САРК“

Даниил Алексеевич окончил чтение своей рукописи, вытер платком лицо и попросил чаю покрепче. Его гости и слушатели продолжали сидеть, будто ожидая еще чего-то.

— Я кончил! — пробурчал старый капитан, и сам взволнованный, сурово нахмурился.

После минутного молчания гости заговорили, перебывая друг друга:

— А дальше, что же дальше? Ведь вы довели рассказ до тридцать девятого года, а сейчас пятьдесят седьмой. Где теперь «Катти Сарк»? Ведь еще почти двадцать лет прошло!

— Я был в Лондоне в 1952 году и видел ее стоявшей на Темзе у Гринхита, рядом со старым «Уорчестером». Этот двухпалубный военный корабль был учебным судном морских кадетов и практикантов торгового флота, а подаренная вдовой Доумэна «Катти Сарк» — вспомогательным. Затем в качестве учебного судна куплен «Эксмут». А оба старых ветерана остались плавучими памятниками. Дерево на «Катти» выветрилось, краска облезла и облупилась — восемьдесят три года службы! Не было еще корабля в истории флота, который плавал бы — и как плавал! — почти столетие!

— Даниил Алексеевич! — чуть не с отчаянием вскричал молодой штурман. — Неужели нельзя убрать «Катти Сарк» от разрушения? Разве так трудно построить здание? Ведь это...

Старый капитан поднял руку, призывая к молчанию:

— Погодите немного!

Он порывлся в столе, извлек несколько английских газет и два номера журнала «Судостроительные и Морского флота Сообщения».

— Я собрал тут все последние сведения. В конце 1951 года в Клэрнс Хауз собралась группа людей, заинтересованных в судьбе клипера, на этот раз под председательством герцога Эдинбургского. Образовалось Общество сохранения «Катти Сарк». Сумма сборов за пять лет превысила триста тысяч фунтов. Клипер поставлен в специальный сухой док около восьмидесяти метров длины и шесть метров глубины, близ королевского Морского колледжа в Гринвиче. «Катти Сарк» теперь полностью реставрирована и открыта для осмотра всем желающим с лета 1957 года. Разыскана носовая фигура, но, к несчастью, уже не первоначальная, не та самая Нэн Короткая Рубашка. Теперь, наконец, англичане не рассчитывают больше на старых чудаков-капитанов, а взялись за дело по-серьезному, дружно.

Найдены подлинные доказательства первоначального устройства рангоута «Катти Сарк». Основные факты взяты из книги Лонгриджа «Последние из чайных клиперов». Некоторые дополнения даны Монгриффом Скоттом из Дисса в Норфольке, сыном одного из владельцев фирмы, строившей знаменитый клипер. Сохранилась картина маслом, написанная художником Туджей в 1872 году для капитана Джона Виллиса — владельца «Катти Сарк». На картине клипер показан под всеми парусами, что прямо таки бесценно для восстановления его оригинального вооружения.

Из трех тысяч листов металла Мюнца, которыми обшита подводная часть корабля, около шестисот потребовали замены. Вновь ставящимся листам придали

старинный вид специальной химической обработкой, на что потребовалось особое научное изыскание.

Проволочные канаты стоячего такелажа заменены стальными тросами, а для бегучего такелажа химический институт предложил териленовое волокно — пластмассу, которому придан цвет слабо просмоленной пеньки. Из этого волокна специально для «Катти Сарк» приготовлены канаты необычайной прочности и стойкости. Великолепные мачты клипера возвышаются почти на пятьдесят метров над стенами дока, а корпус, обновленный и перестроенный по прежним чертежам, стал музеем парусного флота и училищем для морских кадетов... Одно мне не нравится — стоянка у корабля открытая, а в английском климате это плохо. Стоило бы довести дело до конца и построить над кораблем стеклянный павильон — не так уж сложно это теперь, при современной технике. Тогда, и только тогда, клипер бы сохранился на вечные времена...

Старик помолчал, усмехнулся чему-то и медленно заговорил снова:

— Последнее мое впечатление о «Катти» было... как бы это сказать... странным. Может быть, я не сумею его выразить. В последнюю поездку мне пришлось сначала осмотреть новый лайнер «Гималайя», только что пришедший из Австралии, а потом уже ехать в Гринвич к «Катти Сарк». Представьте себе гигантский снежно-белый, с голубыми полосами корабль. Верхние надстройки с красиво изогнутыми, обтекаемыми очертаниями сверкали зеркальными стеклами. С высоты мостика «Гималайи» размером чуть не во всю палубу «Катти Сарк» знаменитый клипер показался бы скорлупкой с тоненькими мачтами.

В ходовой и штурманской рубках гиганта находилось множество приборов. Радар, авторулевой, свободные от магнитной девиации гироскопические компасы, курсограф, вычерчивающий ход корабля, эхолот для измерения глубины ультразвуком... всего не перечислишь! Великан шутя справлялся с «Ревущими сороковыми» и мчался по путям старых клиперов со скоростью двадцати пяти узлов.

Я любовался и восхищался красавцем лайнером — детищем нашего века, олицетворением колоссальной технической мощи и безусловного покорения морской стихии.

Но обветшалый, маленький клипер не показался мне жалким по сравнению с «Гималайей». Больше того, взгляд на «Катти Сарк» будил в душе какую-то бодрую гордость. Простые вещи — дерево корпуса, паруса, канаты такелажа, магнитная стрелка. Но когда за ними стояли искусство строителя, мужество и умение моряка, то... корабль-крошка шел сквозь бури ревущих широт нисколько не менее уверенно, чем его колоссальный электроход-потомок. А скорость в тридцать восемь километров в час, достигнутая парусниками сто лет назад, вовсе не убога перед пятьюдесятью километрами, выжимаемыми машинами во много десятков тысяч сил...

И вот на набережной Гринвича я закрывал глаза, силясь мысленно представить себе оба эти корабля в океане. И, как много лет назад Джон Виллис при виде клипера «Джемс Бэйнс», я почувствовал в лайнере «Гималайя» то же яростное вспарывание океана, теперь еще более подчеркнутое высотой корабля и защитой тысячесильных машин. При всей своей мощи это не было искусство. Вместо единого ритма, почти музыкального бега корабля, сочетавшегося с силой стихии в согласном и легком «танце на волнах», мощи океана противопоставлялась прямая сила. Власть над стихией достигалась путем огромной затраты сил и материалов и стоила человеку дорого...

Тогда я понял, что наша культура еще не сказала последнего слова в идее океанского корабля... и что это слово не будет сверхгигантом лайнером!

Мне думается, что понять законы стихий — это знание, а овладение этими силами, подчинение их — это искусство! И в нашем веке искусство породит корабль, независимый от ветра, но столь же согласный с законами моря, как была в свое время «Катти Сарк»... Вот почему знаменитый клипер — это не просто корабль с богатой историей, так сказать, реликвия. Нет, не только... Человеческая мысль, экономика,

техника развиваются, как бы это сказать, рейсами, что ли, этапами.

И в каждом из этапов есть свои высшие выражения, высшие достижения. Именно они остаются в истории, на них опираются мечтатели и смелые творцы нового. Эти высшие достижения, каким бы народом они ни были порождены, по существу, плод трудов и мысли всего человечества, воли людей к борьбе с природой, результат опыта самых разных народов. Умение видеть эти камни фундамента будущего в прошлом — вот в чем задача каждой страны, на долю которой выпало счастье владеть ими!..

— Вот почему я думаю, что англичане должны построить еще и крышу над сухим доком «Катти Сарк», — закончил свою речь практичный капитан.

Он с размаху опустилсЯ в кресло, с минуту ожесточенно грыз мундштук и воскликнул:

— А если нам, старикам, иногда становится грустно, то тут вам нечему удивляться!

— Отчего же грустно? — спросил кто-то.

— Я написал стихи и отвечу ими:

Но это сон... Волны веселой пены
Давным-давно не режут клипера.
И парусам давно несут на смену
Дым тысяч труб соленые ветра!..

Что поделать — в этом наша молодость!..

АФАНЕОР, ДОЧЬ АХАРХЕЛЛЕНА

Пламя убогого костра мерцало. Огромная равнина — рег* Амадрор, обдутая, казалось, до последней пылинки, все же доставляла ветру достаточно песку, чтобы подпортить скромный ужин. Маленький лагерь геологов прижался к склонам песчаных холмов на краю сухого русла — уэда. Тонко шелестели, напевая звонкую и унылую песню, пучки сухого дринна — жесткого злака Сахары. По склонам дюн

* Словарик берберских и арабских слов помещен в конце книги.

с заметным шуршанием скатывался песок, смешанный с кристалликами гипса. Шестеро людей растянулись вокруг костра в одинаковых позах, прикрыв лицо от ветра кольцом руки. Только один, закутанный в просторные складки темной одежды, лежал на животе в свободной позе, высоко подперев голову, и смотрел, не мигая, в темную даль над костром. Отблески слабого пламени плясали в его больших и темных глазах, едва различимых под покрывалом, надвинутым на лоб и закрывавшим рот. Узкая рука с длинными пальцами лениво перебирала застёжки седельной сумки, подложенной под голову.

— Тирессуэн! — окликнул его низкорослый, плотный человек в защитной рубаше — шортах. — Будет ветер ночью? Надо ли ставить палатки?

— Не надо, капитан! — ответил Тирессуэн, — ветер утихнет через час.

Капитан удовлетворенно хмыкнул и щелкнул портсигаром.

— Почему ты так уверен? — спросил юноша, лежащий рядом, поднимая угловатые брови и шуря от пыли бледно-голубые глаза.

— Дрин прощается с ветром, — отвечал, не поворачивая головы Тирессуэн, — он поет гуще тоном. Послушай сам!

Юноша приподнялся и громко обратился к капитану, перейдя с арабского языка на французский.

— Не могу поверить, что этот важный черт действительно прав! Очень он уверен и быстро находит на все ответ...

— Полегче, Мишель, туарег знает наш язык!

— Как бы не так! Он говорит с нами только по-арабски или на своем ужасающем тамашеке.

— Туарег без крайней необходимости не будет говорить на языке, которым плохо владеет. Гордость и застенчивость этих детей пустыни еще надо понять, — скороговоркой ответил капитан, искоса поглядывая на неподвижного, как темно-синяя статуя, туарега. — Наш проводник, он кончил начальную школу в Тидикельте и, без сомнения, знает французский. Новые веяния коснулись его — видишь, он ку-

рит сигареты и не таскается с вечными копьём и щитом. Но уж что касается Центральной Сахары, тут нам очень повезло. Для поисковой экспедиции такой проводник — клад! Знающий всю страну и много ходивший с экспедициями — следовательно, понимающий, где могут идти автомобили...

— Мне не верится, чтобы такую проклятую богом местность можно было помнить во всех ее подробностях, убийственно однообразных...

— Только на ваш взгляд, Мишель, но не для сахарского кочевника и даже не на мой. Здесь судьба каждого путника и каравана всегда зависит от точности следования по маршруту! Впрочем, устройте пробу, убедитесь.

— Каким образом?

— Ткните пальцем в первое попавшееся место карты и спросите о нем Тирессуэна.

— А! Интересно! Я сейчас! — Юноша пошел к машине, угрюмо черневшей силуэтом в стороне, и вернулся с кожаной сумкой.

Лежавшие у костра сели, поджав под себя скрещенные ноги.

— Тирессуэн, можно тебя спросить? — вкрадчиво начал по-арабски Мишель, прижимая указательный палец к смутному узору горизонталей, в то время как другой геолог подсвечивал карманным фонариком.

— Спроси, я отвечу, — не меняя позы, согласился туарег, — если смогу.

— Ты был в Анахаре?

— Был.

— Знаешь ли там гору Исседифен?

— Горы Исседифен там нет, — спокойно сказал Тирессуэн, — есть гора Исадифен против адраара Незубир в центре Анахара и есть гурд Исседифен южнее, в Хоггаре, на юге адраара Тенджидж...

Растерявшийся Мишель увидел широкие улыбки своих товарищей и вспыхнул от необъяснимой злобы.

— А дальше? — пробормотал он.

— Дальше на юг? — переспросил туарег, — там будет широкое тассили...

— Какое тассили?

— Тассили Тин-Эгголе.

— Ты что, и там был?

— Был, шесть лет назад. С профессором Ка-По-Рэ... — Тирессуэн замолчал и замер прислушиваясь. Французские путешественники последовали его примеру.

— Мотор, — первым нарушил молчание Мишель.

За черным обрезом низкого плато на севере разлилось туманное облачко света, стало ярче и превратилось в два пучка желтых лучей, ударивших в звездное небо. Машина поднималась по крутому северному склону плато. Еще несколько минут — и глухое урчание мотора превратилось в звонкий гром. Лучи фар пронеслись над головами ожидавших, метнулись вниз и слепящим пятном пробили темноту. Огромный белый грузовик, завывая передачами и тяжело переваливаясь, всполз на бугристые пески, окружавшие лагерь. Он замер в полусотне шагов от костра, дыша жаром натруженного двигателя, запахом горячего масла и резины. В широкой кабине зажегся тусклый свет. Оттуда, устало потягиваясь, вылезли трое людей. Самый высокий и тучный бодро зашагал к костру, и к нему устремился капитан.

— Кто это? — на ходу спросил его Мишель.

— Археолог, профессор Ванедж, кто еще, — вполголоса буркнул капитан.

— Кого ждали?

— Черт возьми, вас, конечно! Скажите Жаку, чтобы он развертывал рацию. Сообщить о встрече наших отрядов! Рад встретить вас, господин профессор!..

— А я еще больше! — громко и весело заявил археолог. — Крутясь в лабиринте тассили, я боялся вас не найти. Но вы оказались точно в намеченном на карте пункте...

— Мы с Тирессуэном.

— Это очень важно. Вы говорили с ним... предвзвешенно?

— Нет, ждал вашего прибытия. Успеем. Хотите ужинать? Но вода плохая...

— Благодарю, мы ели три часа назад. Могу вас

угостить холодной содовой или лимонадом. Сегодня из отеля мосье Блэза!

— О, вы посланец небес!

— Всего лишь Сахарского комитета исследований!

Долговязый радист Жак возился у станции, устройшись на широкой плите песчаника, наполовину погруженной в дно уэда. Разноязычный говор, треск, мгновенно обрывавшиеся музыкальные аккорды — вся сумятица эфира, пронизанного десятками тысяч передач, в суровом молчании пустыни, заглушенная рыхлыми обрывами сухого русла, казалась жалкой. До костра достигал лишь неясный шум. Профессор и капитан негромко разговаривали, прибывшие с археологом делились новостями. Туарег вытянул свое длинное тело поодаль от французов и, глубоко задумавшись, неторопливо курил, освободившись от лицевого покрывала и поднося ко рту сигарету плавными движениями обнаженной до плеча руки. Каменный браслет охватывал руку выше локтя — дань старине, прежде служившая защитой от сабельных ударов.

— Интересно, о чем он может думать? — спросил Мишель, глядя на проводника, когда новости и сплетни были исчерпаны.

— Что тебе за дело? — лениво ответил один из собеседников. — Мало ли о чем может думать туарег!

— Он молчит, пока едем, молчит на привалах. Но не спит и не дремлет — очевидно, о чем-то думает. Я наблюдаю за ним!

— Мишель, у вас странный интерес к Тирессуэну, — вмешался вдруг капитан. — И мне кажется, с изрядной долей неприязни. Смотрите, чтобы дело не кончилось каким-либо конфликтом. Мне не хотелось бы лишиться... вас!

— Ах, вот как! — вспыхнул Мишель, сдержался и, стараясь казаться спокойным, добавил: — Честное слово, мой капитан, я только любопытствую. Я впервые в Сахаре, и этот народ интересует меня. Прежде знаменитые разбойники, рабовладельцы, говорящие на неведомом никому языке, с тифинарской письменностью, которую хорошо знают у них только женщины. Женщины у них главенствуют в роде, свободны

и не закрыты, как у окружающих мусульман. Туареги живут в самом сердце Сахары и, вместо того чтобы превратиться в дикарей, усвоили манеры под стать нашей аристократии — смотрите, сколько важности в Тирессуэне! А помните: там, на юге, юлемиддены, так, кажется, зовут это племя. У них, как у всех здесь, отняли рабов, так они — ха! ха! — пасут коз сами, подгоняя их своими длинными мечами, смешно! А мне хочется знать, о чем все думает наш проводник! Об оставленной где-то в пустыне жене или о былом раздолье грабежей?

— Вы не представляете, молодой человек, — внезапно сказал высоким голосом археолог, — какой богатой фантазией обладают эти сыны пустыни. В их шатрах — кстати, у них не арабские шатры, а кожаные палатки, — вы услышите такой букет сказок, легенд, притч и пословиц, какого нет, пожалуй, у всех других кочевников мира, тоже немалых фантазеров. Вот хорошее дело, если хотите послужить науке и сами прославиться... Изучите язык туарегов-тамашек и займитесь сбором этого фольклора. Я писал в Академии наук, что надо немедленно браться за это дело — туареги, по-моему, быстро исчезнут, отдельные племена уже сейчас насчитывают по несколько десятков человек, например кель-ахнет, — их осталось двадцать три человека. И на каждого примерно по тысяче квадратных километров пустыни! Или вот Тирессуэн — он соседнего с ними племени тай-ток, их не более ста человек вместе с их имрами — вроде васалов, что ли...

— Будь я проклят, если когда-нибудь!.. — начал Мишель и осекся под осуждающим взглядом ученого.

Тирессуэн не прислушивался к болтовне беспокойных и истеричных европейцев.

Он думал об Афанеор и о том, как совершить для нее невозможное. Афанеор — луна, богиня со странной властью над бесконечными просторами пустыни. Знакомые с детства места становятся какими-то другими с ее появлением на небе — она приближается к земле и сливается с ней. Холодный свет луны ложится покровом тайны на любую местность. Даже

безрадостный Танезруфт кажется серебристым морем, а черный панцирь тенере становится призрачной сокровищницей — необозримой россыпью кусочков серебра. И Афанеор, девушка, его избранница, тоже обладает непонятной властью над ним, как луна над землей. В ее присутствии он изменяется, открывая в себе необузданные мечты, звучащие песнями, томящие жаждой прекрасного, не менее острой, чем жажда в пути сквозь песчаную бурю.

Не колдунья ли эта невысокая девушка? Она происходит из племени тиббу, родом из южного Феццана, но воспитана туарегами — злой старухой могущественного племени кель-аджеров. На юг от Феццана, не в душных оазисах, а среди низких разрушенных скал и в горах Тибести, живут «люди камней» — тиббу — потомки очень древнего народа гарамантов — не покорных никому волшебников и наездников, которых боялись и старательно истребляли древние римляне и арабы. Кель-аджеры тоже считают себя потомками гарамантов, но у них он не видел ни разу такого цвета кожи, как у Афанеор и ее соплеменниц, — светлой красно-коричневой с характерным металлическим отблеском.

Тирессуэн достал новую сигарету и покосился на своих французских спутников, следивших за действиями радиста, быстро стучавшего ключом позывные. Перед мысленным взором кочевника пустыни, цепко схватывающего малейшую подробность местности, пронеслась картина первой встречи с Афанеор.

В стороне от торных троп и дорог пустыни, в малоизвестной впадине стоят развалины древнего города. На каменистой, окруженной изрытыми ветром холмами равнине неожиданным лесом поднимаются остатки колоннад и обрушенные стены. На окраине поля развалин находится большой выложенный камнем квадрат, обрамленный белыми плитами. С северной стороны на плитах уцелели восемь колонн из белого камня — высоких, необыкновенно стройных и красивых. Некоторые колонны еще поднимают в бледное слепящее небо свои резные верхушки, подобные распускающимся вершинам молодых пальм.

Здесь, где съехались на ахаль — музыкальное собрание — окрестные туареги кель-аджер, случилось быть и ему — одинокому тайтоку.

В ярком лунном свете между светившимися белизной колоннами расположились темные закутанные фигуры мужчин — зрителей и гостей, потому что собранием руководили женщины и они же начинали первые выступления. Мать Тирессуэна советовала ему при всех удобных случаях посещать эти собрания.

— Эти песни, музыка и танцы объединяют и поднимают женщин, — говорила она, — а вас, мужчин, учат любви. Туарегская женщина не проста, и если ты хочешь долгого счастья, умей обращаться с ней, сделать совместную жизнь как сможешь легче и... интереснее. У нас, кочевников, много свободы, много времени на мечты, сказки и песни. И твоя подруга жизни должна быть товарищем в мечтах, а не только работницей или наложницей, как у других народов. Посещай же эти школы любви, где бы ты ни был!

Тирессуэн, как и всякий туарег, привык слушаться простой и доброй мудрости матери.

Женщины — благородные ихагаренки, бедно одетые имрадки и даже темнокожие рабыни в своих белых одеждах — составляли немногочисленный оркестр, играя на амзатах — однострунных скрипках, флейтах и отбивая ритм на маленьких барабанах. На середину квадрата вышла высокая девушка. Ее гибкая фигура в синем плаще казалась черным силуэтом на серебряно-белых камнях плит и колонн.

«Песни дрина!» — подумал Тирессуэн, примашиваясь поудобнее и стараясь не шуршать своим жестким плащом о шероховатый ствол колонны. В самом деле, как в зарослях дрина, звенящих под ветром в уздах, музыка казалась хором колокольчиков, то приближавшихся, то удалявшихся. Звенел высокий и чистый голос девушки; как стебель дрина, гнулась ее тонкая фигура в темных складках свободной одежды. Медленно тянули флейта и скрипки грустную монотонную мелодию. Изредка глухо ударял барабан. В ответ ему руки девушки вздымались плавными

взмахами крыльев большой птицы, начинающей свой полет и еще плененной тягой земли. С надменной важностью переступали ноги в цветных, украшенных бурами сандалиях.

Ласковая грустная песнь, медленные движения убакивали Тирессуэна. Он оперся затылком о колонну и впал в приятное оцепенение, следя за певичей из-под опущенных век. Четыре женщины сменили выступавшую. Они выстроились в ряд, то приближаясь к сидевшим у колонн зрителям, то птясь спинами к хаосу белых плит и камней, оставшихся от римского города. Женщины пели в унисон ритмическую былинку о небесных людях — звездах, слетающих ночью к бесстрашным воинам на их длинном и опасном пути через пустыню. Тирессуэн знал некоторые стихи с детства, и его сонливое состояние усилилось воспоминанием о матери, склонявшейся над его детской постелью в тихие вечерние часы, когда смолкает бляение коз, удаляются от палаток верблюды и замирает на закате вечный спутник кочевника — ветер. Чтобы не вызвать насмешек соседей, Тирессуэн нагнулся край покрывала пониже на глаза.

Должно быть, он проспал какое-то время и очнулся от наступившей тишины.

Произошла заминка — женщины кончили выступления, а мужчины еще не воодушевились на свои воинственные танцы. Там, в тени выступа обрушенной стены, где сидели женщины, послышалась возня. На залитую луной площадку была вытолкнута среднего роста девушка в одежде, не похожей ни на длинное темное одеяние благородной ихаггаренки, ни на светлое покрывало имрадки, оставляющее открытыми плечи, ни на тонкую дешевую хламиду рабыни-харатинки.

Грубое шерстяное одеяние, по-видимому темно-голубого цвета, подхваченное на бедрах узкой перевязью, спадало широкими складками до щиколоток. Выше перевязи одежда разделялась на две широкие полосы, закрывавшие грудь и спину и соединенные на плечах большими серебряными кольцами-застежками. Руки и бока девушки оставались открытыми, ма-

ленькие, белые от пыли ноги были босы. Густейшие черные волосы, схваченные по темени шелковой головной повязкой, низко спускались на широкий лоб. Узкие, широко разделенные, прочерченные прямыми линиями брови, длинные, тоже узковатые глаза, прямой красивый нос, в котором не было ничего от сухости черт туарегов. Небольшой рот, добрая округлость лица — да, девушка казалась чужеземкой. «Не арабка, не кабилка...» — заинтересованно думал Тирессуэн, разглядывая ее из-под покрывала. Девушка повернулась, отвечая кому-то позади себя, и подняла правую руку жестом шутливой мольбы, блеснув в лунном свете гладкой, как полированный металл, кожей, показавшейся Тирессуэну очень темной. Линии ее рук, очертания тела, сквозившие в разрезах одежды, были чеканны, как у французских бронзовых статуэток, виденных им в Таманрассете, и так красивы, что у Тирессуэна захватило дух. Он выпрямился. Дробно и неровно запели струны, казалось ведомые смятенной рукой. Голос девушки, сильный и глубокий, заставил вздрогнуть туарега, потянул, повлек за собой. Песня — полная противоположность только что слышанным! Скачущая, мятущаяся, почти неуловимая мелодия, звенящие болью и тоской вскрики, угрюмо зовущие страстные и низкие переливы, тревожные замирания... Гулкий и зловещий грохот неведомо откуда взявшегося большого барабана, тупые и отрывистые удары маленьких. От этого странно замирает сердце, нарастает дикое желание вскочить, рвануться куда-то!

А волшебство звучного голоса все сильнее томило и волновало Тирессуэна. Песня металась, как преследуемый беглец в поисках выхода. Торжество, призыв, дикая радость сменялись яростными и тревожными вскриками, стихавшими в мелодии тихой беспомощностью, и опять нарастало яростное сопротивление в резкой смене высоких и низких нот. В такт этой бурной, мятежной и страстной песне девушка, не сдвинувшись с места, отвечала быстрым спадам и переходам мелодии такими же движениями рук, раскачиваниями и изгибами тела.

«Что это? — думал Тирессуэн. — Куда мчится эта песня юной жизни? Что хочет она, кого зовет с собой? Или, как вырвавшаяся в пустыню арабская лошадь, она несется, не разбирая куда и зачем, наслаждаясь своей силой и быстротой скачки?..»

Ошеломленные незнакомой песней, мужчины не успели опомниться, как певица исчезла в тени. С началом мужского танца Тирессуэн не мог более оставаться в неведении. Он незаметно скользнул за обрушенную стену...

— Тирессуэн, тебя зовет начальник! — с этими словами туарег снова очутился в действительности.

Костер догорел. Капитан и профессор, сидевшие у замолкшего ящика радиостанции, казались суровыми и величественными в свете высокой поздней луны. Туарег уселся на предложенный складной стул и стал ждать. Что-то нужно французам! Они не звали бы его так торжественно сюда в сторону только для обсуждения завтрашнего пути.

— Тирессуэн, профессор Ванедж — знаменитый ученый не только в нашей стране, но и во всем мире... — капитан сделал паузу, собираясь с мыслями.

Профессор оказался нетерпеливым, как того и ожидал туарег от европейца — новичка в Сахаре.

— Слушайте, Тирессуэн, — вмешался он на отличном арабском языке, — вы можете оказать большую услугу Франции и всему миру... науке. Как-то вы обмолвились капитану, что знаете в глубине Танезруфта, в месте, где не бывал никто из европейцев, древние развалины города. Надо думать — это ключ к древней истории Сахары, всей Северной Африки. Мы проверяли эти сведения, никто не смог подтвердить или отвергнуть их. Но такой знаток Центральной Сахары и такой проводник, как вы, Тирессуэн, не мог ошибиться, и мы хотим, чтобы вы провели нас туда. — Профессор выпалил всю тираду одним духом, словно боясь, что Тирессуэн не будет слушать, и выжидающе умолк.

— Мои знания Танезруфта малы, — спокойно возразил туарег. — Я не был там и не видел города.

А по рассказам — есть остатки построек... Но где в Сахаре не говорят о развалинах?

— Но вы проведите нас к тому месту, о котором говорят! — настаивал археолог.

— Я не могу вести к месту, которого не знаю. Танезруфт — слишком далеко, без воды. Опасно.

— Тогда покажите на карте, где эти развалины, мы... — профессор осекся от резкого толчка капитана.

Наступило неловкое молчание.

— Теперь говорю я, — начал капитан на ахаггарском диалекте тамашека. — Пятую экспедицию мы делаем вместе, Тирессуэн. И до этого ты ходил с хоришими людьми, большими учеными моей страны. Ты проводил наши машины далеко на запад и на юг. У горы Таманат, близ гурда Дьявола, вы нашли залежи соды в стране Эль-Масс. Еще дальше от гурда Дьявола, в семистах километрах отсюда, ты прошел через себхру Мекерране и опасности весной, когда страшные бури песка сменяются наводнениями. Вы тогда пересекли ее по всей длине до уэда Ин-Рарис. Со мной ты работал в Тефедесте от Тин-Фидияджа до Амсимассена. Мы с тобой четырежды пересекали Аретхум, и в сердце Ахаггара — Атакоре мы ходили в Тахат и Таэссу и нашли ценную руду всего в одном переходе от Таманрасета. А помнишь тяжелый путь в Танезруфт в прошлом году? У нас сломалась машина в Тассили-тан-Адрар, но мы на верблюдах пошли в Тахальру и потом на юг до уэда Танеруэльт... Ох, и досталось нам тогда!

Улыбка осветила суровые глаза Тирессуэна в тени покрывала.

— В Танезруфте мы работали успешно лишь благодаря тебе, твоему опыту, уму и отваге. И ты не бывал еще в Танеруэльте. Скажу еще: ты взялся вести ученых в Тибести — крепость племени тиббу. И вы нашли эннери с красными землями и скелетами огромнейших слонов и этим открытием прославились на весь мир.

— И я тоже? — с оттенком наивности спросил туарег.

— И ты, конечно, — не сморгнув, солгал капитан. — О тебе написано в книгах.

— Я что-то не слыхал! — равнодушно сказал Тирессуэн. — Тогда мне обещали много: медаль, деньги, как это? — выкуп, нет, по-другому, — проводник запылулся по-детски беспомощно, и оба начальника увидели, что этот знаменитый водитель экспедиции еще очень молод. — Ничего не прислали, даже фотографий...

— Люди бывают разные и здесь и у нас, — нахмурился капитан. — Я говорю и вспоминаю это потому, что ты сможешь, если захочешь, вести экспедицию туда, где сам не был. Ты понимаешь местность, ты знаешь, как идут автомобили, а не только верблюды. Тебе за это платят много денег, больше, чем другим проводникам. И мы хорошо заплатили бы... очень хорошо!

— Мне зачем много денег? — беспечно ответил туарег. — У моей матери есть все, что нам нужно.

— Действительно, чем их соблазнишь? — негромко спросил по-английски археолог. — Автомобили или особняка с ключом земли им не надо... если бы он был оседлым, тогда...

— Тогда он не знал бы Сахару!.. Но, ты не прав, Тирессуэн, деньги всегда понадобятся. Знаю, у тебя нет жены, но будет... Может быть, ты хочешь поехать к нам, во Францию, Европу, посмотреть все чудеса нашего мира... увидеть Париж, театры, рестораны, миллионы красивых женщин, поехать на море!

Внезапно глаза туарега блеснули.

Капитан опять слабо толкнул профессора и, протягивая Тирессуэну сигареты, закончил:

— Подумай над этим, Тирессуэн, завтра скажешь свое решение. А сейчас надо пользоваться прохладой ночи, она — увы! — коротка!

Туарег закурил, слегка поклонился и в задумчивости пошел к холмику, где поодаль от лагеря он расстелил свою нехитрую постель.

Лукаво улыбаясь, капитан посмотрел ему вслед, а профессор радостно хлопнул начальника по плечу.

— Ну, кажется, вы проняли невозмутимого сахарца! Неужели им всем так хочется в Париж или Ниццу?

— Поверьте мне, никто из них не может устоять перед тягой города. Где здесь, в Сахаре, эти простые и симпатичные дикари смогут увидеть всю мощь соблазнов нашей цивилизации? Я изучил кочевников за десять лет скитаний по пустыне. Но действовать с ними надо осторожно — вы чуть не испортили дела. Они медленно живут и медленно соображают, а наша обычная спешка кажется им просто безумием. Вот почему я дал затравку и предложил подождать с решением. И нам, я думаю, тоже лучше отложить все остальное до завтра! Спокойной ночи...

Вопреки мнимой прозорливости капитана туарег не думал мечтать о Париже и прелестях европейской культуры. Растянувшись на тонком тюфяке, положенном на коврики, тканый из жесткого верблюжьего волоса, — защиту от «слюны злого духа» — скорпионов и фаланг, Тирессуэн закрыл глаза. Волнение не дало ему заснуть, и он опять закурил. Как это он не догадался раньше! Слова капитана о жене, мгновенно вызвавшие образ Афанеор, совпали с предложением поездки в Европу. Только тогда Тирессуэн сообразил, что мечта Афанеор может быть не так уж невозможна. Ему следует попытаться. Ценой похода в безжизненный Танезруфт — гигантскую мертвую равнину в центре Сахары — он может поставить выполнение желания Афанеор.

В Танезруфт, через который есть только два пути — автомобильный и караванный, пересекающие его с севера на юг почти рядом, и более ничего. Когда-то очень важная караванная дорога для вывозки соли из Тауденни в Судан ныне заброшена, как почти все важные караванные пути прошлого. Лишь тысячи скелетов погибших животных, а подчас и людей отмечают белыми пятнами эти занесенные песком старые дороги! Умерла слава азалаев — огромных сахарских караванов, снабжавших страну черных драгоценной солью и доставлявших хлеб и просо не

знавшим земледелия кочевникам. Умерла и доблесть туарегов, защищавших караваны от своих же собратьев и облагавших данью купцов, караванщиков и оседлых жителей оазисов, добывающих в поте лица сладкие прозрачные финики. Теперь огромные автомобили привезут все нужное откуда угодно, а на долю верблюдов осталась лишь доставка товаров от торговых складов и баз поближе к временным стоянкам кочевых племен. В Сахаре появилось больше пищи, уже не грозят смертью пятые голодные годы, хотя по-прежнему женщины собирают мелкие беловатые зерна дрина и по-прежнему в Атакоре собирается чуть не весь народ Ахаггара в период созревания тауита — низкорослых пучков травянистого растения с мелкими, как манная крупа, зернами. Собирают и терфас — род подземного гриба, вырастающего ранней весной, после дождей. Хлеб из пшеницы гораздо вкуснее, чем даже просяная каша, но за это надо платить! Где возьмешь денег, если французские власти всячески препятствуют караванным перевозкам, справедливо видя в них объединяющее людей Сахары дело. Мир туарегов, суровый, бедный и свободный, умирает под пятой наступающего нового мира, непривычного и неприятного... Так говорила ему и Афанеор!

Вторая встреча с Афанеор произошла в исконных кочевьях племени кель-аджеров — необъятном лабиринте обрывов, ущелий, останцов и плоскогорий Тассили-дез-Аджер. Окончив экспедицию в Аире, он поехал на север по уезду Тафассасет. От палаток к палаткам нес его высокий белый мехари, нагруженный всем нехитрым скарбом путешественника пустыни. Чем ближе, по уверениям местных туарегов, становилось кочевье старухи Лемта, тем большее нетерпение охватывало Тирессуэна. Его мехари по имени Агельхок — один из знаменитых в Хоггаре бегунов, часами несся, мерно покачиваясь по плотным как цемент глинам солончаков-себхр, осторожно ступал по раскаленным черным камням и щебню, покрывающим плоскогорья, нырял и скользил по склонам песчаных холмов в узких проходах — таяртах. Жесто-

кий пламень дней, режущие холодом ночные ветры, бесконечное одиночество странника, идущего напрямик не по принятым путям, — все это, привычное туарегу, совсем не замечалось Тирессуэном. Он сетовал лишь, что верблюды не обладал неустойчивостью автомобиля. Впрочем, какой автомобиль мог бы пройти здесь? Путь удлинился бы на тысячу километров, и в конечном итоге неизвестно, кто бы пришел к цели раньше.

Наконец он достиг впадины Тирхемир и указанных ему трех палаток у подножья горы Амарджан.

Какое вещее чувство предупредило Афанеор о его приезде? Он ехал так быстро, что устная почта пустыни не могла обогнать его. Но едва он завидел вдалеке черные точки палаток и верблюды стал подниматься на пологий каменистый склон, как девушка возникла перед ним из-за груды каменных глыб. В пламенном свете солнца ее блестящая кожа была теперь совсем светлой. Синие цветы камнеломки, воткнутые над ухом, оттеняли иссиня-черный цвет ее волос. Жемчужинки пота выступили над чертой бровей, когда Афанеор, учащенно дыша, подбежала ближе. Тирессуэн с удивлением заметил у нее в руках пучок мелких цветов горячего красно-оранжевого цвета. Мехари возвышался над девушкой, как боевая башня, и туарег сильно нагнулся с седла. С неизведанным удовольствием он принял редкие в Сахаре цветы из рук Афанеор — подносить их воинам было не в обычаях туарегов. Тирессуэн почувствовал, как запах цветов смешался с собственным запахом девушки — чистым и солнечным, жарким, как могучий полдень пустыни, заставляющий людей склонять головы и прятать глаза под навес покрывала.

Три недели оставался Тирессуэн гостем палаток Лемта. Все сильнее становилась его любовь к Афанеор, вспыхнувшая внезапно на музыкальном собрании у римских развалин. Женщины туарегов, владевшие языком и тайнами тифинарского письма лучших мужчин, свободные спутницы жизни, незакрытые, превосходные воспитательницы детей, были гораздо выше женщин арабов — все еще пленных узниц жен-

ского отделения шатра или половины дома, невежественных, придавленных тяжелой пятой военной религии.

Где плен и насилие, там становятся шатки устои морали. Только в свободе человек понимает необходимость строгих правил жизни. Сын Сахары женится на женщинах своего народа или дочерях родственных берберских племен — кабилов, но избегает женитьбы на чужеземках, инстинктивно чувствуя, что ему нужна возвращенная пустыней ее неприхотливая дочь. Афанеор была чужеземкой из страны Тиббу. Однако Тирессуэн видел, что она ни в чем не уступает женщинам туарегов. Она даже превосходила их, эта наследница волшебников — гарамантов — древних эфиопов эллинских мифов.

Откуда были ее познания, он не успел еще расспросить ее, больше рассказывая о своей жизни. Он родился в исконной земле тай-токов Ахенете. Потом, когда колодцы Ахенета иссякли и дыхание смерти пронеслось над страной, тай-токи ушли вместе со своими имрадами на юг — в Ахаггар и Адрар-Ифору. Но его родители, у которых он остался единственным сыном, переехали в Тидикельт, а маленького Тирессуэна выучили западной мудрости и языку в начальной школе. Едва подросши, Тирессуэн начал скитальческую жизнь вместе с отцом — проводником караванов, который научил его всей древней мудрости путей через пустыню. Отец так и погиб в пути, и Тирессуэн заступил на его место. Отец был из тех гордых тай-токов, которые не считали себя ни владельцами ихаггаренами, ни подневольными имрадами. Таких бедных, свободных, трудно живущих туарегов насчитывалось по несколько десятков в разных небольших племенах. Они добывали средства к существованию работой проводников или перегонщиков стад на новые далекие пастбища и становились самыми закаленными кочевниками Сахары, не уступавшими даже племени тиббу с их сказочной выносливостью в беге, езде и охоте.

— Но Тирессуэн не имя? — лукаво поглядела на него Афанеор.

— Не имя, название места, — признался он. — Это для французов.

— А настоящее имя? — настаивала девушка.

— Иферлиль.

— Мне нравится оно. Мое имя тоже мне нравится, и жаль, что это всего лишь прозвище... Его придумала старая Лемта, когда меня взяла.

— Она хотела назвать тебя древней богиней луны нашего народа?

— Вовсе нет. В честь Афанеор, дочери Ахархеллена.

— Ахархеллена, большого вождя кель-аджеров? Я слышал о нем!

— Да, он правил здесь пятьдесят лет назад. И у него была дочь Афанеор, прекрасная и мудрая девушка. Первая женщина туарегов, которая стала думать о прекращении исконной вражды кель-аджеров и кель-ахаггаров и вообще всех племен туарегского народа, белых и черных...

— Разве это было возможно?

— Французы сделали это силой и унижением нас. А если бы мы сами? Нет нигде народа подобного туарегам. Несмотря на войны, на древние обиды и кровь, разве не считают себя туареги потомками мудрой царицы Тин-Хинан, могила которой в уэде Абалесс и сейчас, полторы тысячи лет после ее смерти, священна для всех племен. Разве не считают себя и тай-токи и юлемиддены одним народом? Туареги — путники и воины, не привязанные к домам и вещам, глядят широко в мир — вот за что я люблю наш народ. Наша жизнь не сходится в одно место, где есть вода и растут пальмы или просо, где жили родители и предки.

— Ценой трудной жизни в пустыне, страдая от жары и холода, от жажды и малой еды, мы приобрели большую свободу, — ответил Тирессуэн, не понимая, куда ведет девушка.

— Да, ушли в сердце пустыни, чтобы сохранить свободу. Вокруг, будто волны моря, текли, сражались, покоряли один другого, избивали друг друга разные народы — на плодородных, удобных для жиз-

ни землях, на берегах моря и больших рек. Но чтобы жить в пустыне, надо было воспитать себя для этого — вот в чем было преимущество и сила туарегов...

— Было? — быстро спросил Тирессуэн.

— Да, его теперь нет. Автомобили и самолеты дают возможность проникнуть в глубину Сахары любому европейцу. Изнеженные французские женщины посещают теперь страшный Тефедест, когда-то недоступное непосвященным обиталище духов, и пьют ледяные напитки у черных скал с загадочными рисунками и письменами. Чужая жизнь, совсем не похожая на нашу, властно ломится в пустыню, и ей нет преграды.

— Может быть, наша сила в том, что мы рассыпаны по необъятной пустыне, не зная болезней, тесноты и мелкодушья, как в оазисах. «Отдадите ваши шатры, приблизьте ваши сердца» — хорошая старая поговорка, — рассмеялся Тирессуэн, — все равно владеем пустыней мы.

— Напрасные слова! Рассеявшись, мы потеряли силу! Нас становится все меньше, а жизнь делается труднее детям, чем отцам. Теперь европейцы заразили нас желанием легкой жизни. Но, добывая деньги, мы потеряли половину стад. Даже топлива не стало в пустыне — сожгли, готовя дорогу пищу, на кухонных кострах...

— Плохое будущее! — нахмурился Тирессуэн. — Я тоже его вижу в своих скитаниях. Но зачем затеяли мы этот разговор? Будто нет слов о другом?

— Я вспомнила об Афанеор, дочери Ахархеллена.

— Зачем? Умерший человек — высохший агельман.

— Нет! Пройдут дожди — и агельман наполнится, придет нужда — и человека вспомнят! Старая Лемта сказала мне... — девушка осеклась, чуть было не обмолвившись о тайном союзе женщин, который создавала Афанеор.

Женщины у туарегов — гораздо большая общественная сила, чем у других народов Сахары. С их помощью хотела умная дочь вождя возродить древнее единство туарегов времен царицы Тин-Хинан.

— Сказала тебе? — повторил Тирессуэн.

— Она рассказала мне об Эль-Иссей-Эфе, об Афанеор и о великой северной стране. И я решила, что всю жизнь буду искать человека, который может побывать там.

— И ты его нашла?

— Еще нет, — протянула Афанеор, отвернувшись от туарега.

Тому стало жарко под низкой палаткой.

— О какой стране говорила старуха? — нетерпеливо спросил Тирессуэн.

— Не она одна! Есть предание... Поедем на могилу Афанеор, к горе Атафайт-Афа. Хорошо? — Внезапно девушка обвила руками шею Тирессуэна и притянула к себе так сильно, что он уперся ладонью, чтобы не упасть.

Молодой туарег забыл про невзгоды и удачи. Все необъятное пространство пустыни исчезло в глубине темных глаз, широко раскрывшихся навстречу его взгляду...

Два верблюда мерили размашистой иноходью пустынное плато, начисто сожженное солнцем. Яркие желтые песчаники, плитами и уступами выступавшие из-под крупного гравия и щебня, покрылись коричневой блестящей коркой. Мехари осторожно обегали эти уступы, скользкие для их широких мозолистых ступней. Афанеор, закутанная до глаз в темно-синий плащ, казалась незнакомой и отчужденной. Молча всматриваясь в какие-то ей одной известные приметы, она ни разу не заставила мехари замедлить свой бег. Гора приближалась. Верблюды пошли по твердому дну крутого узда, лавируя между остроугольными обломками скал. Гора вознеслась над уздом отвесной стеной, расщепленной посередине, будто врубом гигантского топора. Вздрыбленные и отогнутые назад пласты плотного темного камня выступали на отвесной груди горы грубыми продолговатыми ребрами, срезанными и стертыми наверху многими тысячелетиями песчаных бурь. Моряк сравнил бы выпуклую стену горы с надутым парусом, но туарегу она казалась крепостью злых духов, властвовавших здесь

в незапамятные времена. Всадники на высоких верблюдах казались перед зловещей горой ничтожными букашками. Ветер ударял с разлету в накаленную беспощадным солнцем стену и упруго отскакивал назад, закручиваясь вихрем на дне узда и усыпанной обвалом каменных глыб подошве. Гора отбивалась от людей, приближавшихся, несмотря на вихри песка и раскаленное дыхание темной стены. Афанеор повернула мехари, поднялась со дна сухого русла и въехала на закругленный бугор. Отсюда пологий склон плавно спускался на северо-запад к просторному регу, границы которого тонули в зыбкой дымке горячего воздуха, струившегося по раскаленной щебнистой равнине. Холмик гладких одинаковой величины камней, обнесенный овалом из синевато-серых плиток кварцита, увенчивал бугор.

Столообразная глыба базальта, несколько палок и сучков, украшенных выгоревшими, истрепанными ветром лентами, означали могилу Афанеор, дочери Ахархеллена. Живая Афанеор встала в седле, чтобы миновать очень высокую, украшенную крестом луку, и прыгнула с верблюда, даже не заставляя его сгибать колени. Тирессуэн придавил поводья животных тяжелой глыбой и осторожно подошел к могиле. Безмолвная девушка достала из-за пазухи пучок разноцветных лент и стала обновлять убранство. Туарег принялся помогать ей и получил полную любви улыбку.

— Теперь садись и слушай, — Афанеор ловко поднесла зажженную на ветру спичку к его сигарете.

И Тирессуэн узнал старинную легенду о путешественнике Эль-Иссей-Эфе, приезжавшем в страну туарегов более семидесяти лет назад из очень далекой и холодной северной страны России. Он был врачом и художником, жил в Гадамесе и оттуда совершал поездки по пустыне, где и подружился с туарегами кель-аджер. По их приглашению он совершил тайную поездку в глубь Сахары, и впервые кочевники пустыни увидели европейца, не преследовавшего никаких иных целей, помимо знакомства с народом пустыни и с ее природой.

Русский врач пришел, полный уважения к туарегам, их обычаям и суровой жизни. Он отличался удивительной в чужеземце глубиной понимания и чуткостью. С ясной и высокой душой, он, слабый и непривычный, одолевал трудности дорог через пустыню и завоевал путь к сердцам кочевников. Эль-Иссей-Эф скоро уехал в свою страну. Осталась легенда о том, что далеко на севере живут люди, не похожие на других европейцев, но обладающие всей их мудростью, более добрые к чужим народам, которых они считают равными. Память о русском враче сохранилась в народе, и неудивительно, что когда в гости к могущественному Ахархеллену прибыл другой русский путешественник — писатель, по имени, кажется, Немирдан, то Афанеор позвала его на ахаль и сама пела ему. После музыкального собрания Афанеор долго говорила с чужеземцем и окончательно уверилась в правоте легенды об Эль-Иссей-Эфе. Далекая и недоступная кочевникам пустыни страна стала для Афанеор и ее друзей той страной мечты, какая есть у каждого, хоть сколько-нибудь знающего мир человека.

Дочь Ахархеллена и ее отец понимали, что прежняя жизнь кончается, что народ туарегов не сможет вечно скрываться в пустыне, избегая культуры Запада. Но помочь в овладении этой культурой могли бы лишь та страна и тот народ, намерения которого чисты и бескорыстны, иначе вместе с чужой культурой придет гибель туарегов как народа.

Афанеор мечтала сама увидеть Россию, но умерла, не выполнив намерения. Эта мечта продолжала увлекать тех женщин и девушек, которые знали легенду. Так же увлекла она и новую Афанеор.

— Известно, — закончила девушка, — что никто из туарегов или других народов Сахары еще не был в России. Но это нужно сделать! Я тоже поклялась в память дочери Ахархеллена просить своего будущего любимого побывать в этой стране. Мне посчастливилось — меня полюбил самый лучший путешественник Сахары, — в голосе девушки зазвучала гордость. Она подняла голову и сделала шаг к Тирес-

суэну. — Перед могилой Афанеор я прошу тебя — поезжай в страну русских, посмотри этот народ, расскажи нам, есть ли правда в легенде об Эль-Иссей-Эфе!

Необыкновенная сила убеждения была в словах девушки. Тирессуэн вздрогнул. Ему почудилось, что с ним говорит не его порывистая и задорная возлюбленная, а сама дочь Ахархеллена, вышедшая из могилы, чтобы заставить его исполнить ее желание. Туарег смущенно отступил и пробормотал:

— Никто из нас не был в этой стране. Даже если смогу я добраться туда, что я увижу и пойму в чужой жизни? Без знания языка, обычаев, природы я пройду там тенью, не в силах даже расспросить тех людей, ибо не знаю, что спрашивать?..

Афанеор опустила на землю перед Тирессуэном и обняла его ноги.

— Теперь не то, что было во времена дочери Ахархеллена. Люди летают быстро на большие расстояния, страны приблизились друг к другу. Приезжают из Франции люди, знающие не только арабский, но и наш язык. Может быть, и в России ты встретишь таких людей. Но главное, даже не владея языком и не зная обычаев, просто заглянуть в душу русских, почувствовать силу, знания, искусство этого народа! Я женщина, я не могу поехать, потому что бедна и невежественна, потому что это не в обычаях даже европейцев — они считают нас за темных затворниц ислама! — Слезы покатались по гладким щекам Афанеор, а глаза на поднятом вверх лице смотрели с такой мольбой, что сердце Тирессуэна жалось.

Он сделал еще попытку образумить девушку.

— Но ты сама даже не принадлежишь к нашему народу. Что заставляет тебя страдать с ним вместе, думать о нем и посылать меня в такой путь, какого не проделывал еще ни один из туарегов?

Девушка медленно поднялась и опустила глаза.

— Я сирота, вскормленная туарегами, живущая одной с вами жизнью, одними стремлениями... Только, может быть... — голос девушки вздрогнул, —

мои чувства просто сильнее ваших. Как и моя тяга к широкому миру без вражды и невежества, к ласке и красоте...

— Я вижу, — ласково сказал Тирессуэн, — но я вспомнил, что мне говорили французы. Страна русских стала другой, там правят свирепые люди, захватившие власть и угнетающие народ. Эта страна грозит сейчас всем, и европейские страны должны вооружаться до зубов, чтобы не попасть под тиранию русских...

— Почему же ты веришь в этом французам? А говоришь, что тебя и нас всех часто обманывали. Может быть, обманывают и с Россией?

— Может быть, — согласился Тирессуэн, искал других возражений и умолк.

— Ты, наверное, считаешь меня безумной, — воскликнула Афанеор. — Едем!

Девушка, сделав земной поклон могиле, поставила на колени своего мехари. Перед тем как взобраться на седло, девушка обернулась к Тирессуэну. Ее правая рука поправляла повод на шее верблюда, левая подбирала складки одежды. Спина прикоснулась к шелковистому белому боку мехари, голова откинулась назад. Туарег навсегда запомнил печальный и полный надежды взгляд Афанеор. Еще миг — и ее верблюд бешено рванулся с места. У Тирессуэна был превосходный мехари, но мехари девушки не уступал ему...

Тирессуэн вернулся сюда, в геологическую экспедицию капитана. И вот судьба сама идет ему навстречу! Недостойно воину прятать лицо и убегать от нее. Завтра он согласится вести ученого в Танезруфт!

Весь следующий день потратили капитан и профессор, чтобы уговорить туарега отказаться от его желания. Тирессуэн был непреклонен, требуя письменного условия. Капитан уверял, что в Алжире идет война, что власти не разрешат кочевнику Сахары ехать в страну смутьянов. Да и сами русские никого не впускают к себе без особенной надобности — какая же надобность Тирессуэна? Угрюмый

туарег спокойно говорил, что русские обязательно впустят его.

Истративший все красноречие, капитан зло плюнул и приказал радисту связаться с Таманрассетом, а туарег величественно удалился в тень под обрывом, не замечая насмешливых взглядов и оживления людей обеих экспедиций. Особенно ярился Мишель, предлагая арестовать Тирессуэна, доставить в Таманрассет и держать, пока не расскажет дорогу к развалинам.

Никто не знал, какой ответ пришел от больших начальников, только капитан заключил с проводником письменное соглашение, по которому Комитет сахарских исследований обязывался вознаградить туарега туристской поездкой в Советский Союз. Обе автомашины взяли курс на Таманрассет. Шоферы ехали по знакомой дороге, и машины уверенно ныряли в рытвины и сухие русла, вертелись между каменными глыбами, ускоряли ход на талаках — ровных площадках сцементированных солнцем глин.

Часами метались фары по бесконечному щебню и песку, вырывая из теплой тьмы скалистые, присыпанные песком холмы или заостренные скалы из отшлифованных ветром черных пород. В широких сухих руслах появились правильные ряды деревьев — тамариски и колючие акации — тальхи. На холмах торчали кустарники — машины углублялись в горную страну Ахаггар. Уныло завывали передачи на тяжелом подъеме по широкому уезду, стиснутому хаосом острых скал и осыпей растрескавшегося камня. В отдалении высились конические горы, как гигантские кучи угля. Черные хребты Хоггара становились все выше, все больше груд и полей каменных обломков, дорога извивалась, то спускаясь, то поднимаясь. Угольно-черные горы сливались с мраком ночи в единую бесконечность каменной бездны, поглотившей машины.

Внезапно с последнего перевала через очередной хребет сотни электрических огней вспыхнули впереди и внизу в огромной долине, окаймленной хребтами, отдельными пиками, плоскогорьями и острыми,

как иглы, вершинами, обрисовывавшимися в отдалении на зареве поднимавшейся луны.

Тирессуэн постучал по кабине, подавая сигнал остановки.

Капитан распахнул дверцу и заглянул в кузов с подножки.

— Ты хочешь сойти, Тирессуэн?

— Да! — ответил туарег.

— Поедем с нами в город. Тебе дадут комнату в отеле, охлажденную льдом, где в самое жаркое время дня будет прохладно, как ночью. Ты сможешь пить ледяные напитки, есть много мяса, потуарегски жаренного над углями в течение трех часов. Здесь готовят и отличный кус-кус со свежими овощами и крупной цельной пшеницей! Тебе не придется шагать в темноте несколько километров, пока найдешь палатку. Здешнее племя дагхали бедно, возможно, у них не окажется еды... Почему ты боишься города?

— Я не боюсь, капитан. Подумай сам: если я привыкну к охлажденной комнате, к обильной еде, как пойду я отсюда в зной и пламень Танезруфта? Я не смогу более делать длинные переходы, не выдержу знобящие зимние ночи. Мне не захочется больше возвращаться в пустыню, и тогда что я? Презренный бродяга, ничего не умеющий, живущий воровством или подачками в грязи городских стен. Воздержанность моего народа не суеверие и не прихоть — это его жизнь. Прощай!

— На рассвете третьего дня приходи в гостиницу! — крикнул капитан в темноту, в которой мгновенно исчез туарег...

Таманрассет — новый город в центре Сахары, на месте, где когда-то стоял маленький форт-бордж и часовня миссионера. Скопление красных и оранжевых построек выросло в кольцо бесплодных гор, посреди искусственно орошенной долины. Зелень ее полей всегда свежая, и поражает путника контрастом с морем черных скал Хоггара. Каждое строение, планированное военными архитекторами, вливается в общий ансамбль особенного модернизиро-

ванного стиля старинных городов Судана. Широкие улицы чисто выметены и, так же как просторные дворы, обрамлены высокими красными зубчатыми стенами. Свежая поросль небольших акаций, обложенных кольцевыми решетчатыми стенками из больших кирпичей, подрастает в каждом дворе, на каждой площади. Но еще более разительна щедрая тень высоких деревьев, выросших за несколько лет под жарким солнцем, кажущаяся совсем черной на залитых ослепительным солнцем площадях. Этот городок — удобное и тщательно содержащееся жилище французских офицеров, просторные виллы которых составляют большую часть городских строений.

Вернувшись возрожденными из плавательного бассейна, профессор и капитан наслаждались отдыхом, едой, новостями широкого мира в отличном отеле. Археолог, поливая кофе и покуривая, в несчетный раз возвращался к загадочному желанию проводника.

— Туарег и Советская Россия! Немыслимо! Откуда могло явиться у нашего Тирессуэна такое несуразное, а главное — настойчивое желание. Держу пари, что он не слышал про Советскую Россию и кто такие коммунисты, да и русского-то не видел даже на картинке. Чушь какая-то, ха-ха-ха!

— Напрасно смеетесь! — сердито возражал капитан. — Это слишком нелепо и потому серьезно. Кто-то его распропагандировал!

— Агенты Кремля в Сахаре! Капитан, вы образованный, умный человек! Как же вы можете верить в эти сказки для новобранцев и фашиствующих юнцов?

— Э, не с того конца, профессор. Идеи самоопределения народов разносятся по всей Африке не хуже чумы. Пришло время, и с этим ничего не поделаешь — знамение века. А умная политика Советов делает так, что все они смотрят туда... И вот вам самое убедительное доказательство — туарег! А я бы голову дал на отсечение, что туареги меньше всех знают о том, что делается в мире.

— И вчера потеряли бы ее! Но как же будет с поездкой Тирессуэна? Обмануть его мы не можем — потеряем всякий кредит на слово у туарегов...

— Не можем. Что-нибудь придумаем... неизвестно, какие там еще будут развалины. Да, по-моему, что: пусть едет, только ненадолго — ничего не сможет понять сахарский кочевник в столь чуждой стране. Скоро зима, пусть там промерзнет как следует... Войдите! — прервал он свою речь.

Щеголеватый адъютант вытянулся, шагнув за порог и козыряя, протянул пакет. Капитан извинился и вскрыл тщательно запечатанное короткое сообщение.

— Прошу передать — явлюсь в назначенное время!

Адъютант вышел.

— Что-нибудь важное? — обеспокоенно спросил археолог.

— Не знаю. Через час буду знать, а пока давайте пить кофе, и черт с ним, с Тирессуэном. Есть интересные новости в «Ла трибюн де насон».

Капитан вернулся через полтора часа другим, угрюмым и встревоженным человеком, и резко постучал в номер профессора.

— Так и знал, — упавшим голосом встретил его тот, — что-то случилось, и мы не едем!

— Вы отгадали! Мне придется направить свою экспедицию в другое место. Выезд сегодня ночью, и я вынужден покинуть вас. Поверьте, я огорчен не меньше и еще более встревожен. У меня совсем отказала радиостанция, и я не смею не выполнить приказа, но и ехать без радио тоже нельзя!

— Может быть, возьмете мою?

— Черт возьми, это спасенье для меня, профессор! Однако вам ехать в Танезруфт на одной машине, без радио рискованно. Не будь у вас такой хорошей машины и главное — Тирессуэна, я ни за что не воспользовался бы вашей любезностью. Но с таким проводником есть возможность рискнуть, если хотите...

— Конечно, хочу! А что это за внезапное назначение... простите за бестактность, я часто забываю, что вы военный геолог.

— Видите, теперь без Тирессуэна вовсе не обойтись, даже зная мы место развалин. Пусть едет хоть в Японию, хоть в Тибет, все равно! До свиданья, профессор, я должен идти. Примите еще раз мои искреннейшие сожаления и самую горячую благодарность. За радиостанцией подъедет Жак!

Капитан вышел, проклиная все на свете отборными словами сахарских сержантов. Полученное из Парижа распоряжение не только нарушало все его собственные планы — оно было противно душе любителя природы, всем сердцем привязавшегося к пустыне. Его небольшая экспедиция получила сверхсекретное, почетное в глазах записных вояк поручение — наметить и предварительно обследовать место для ядерных испытаний, запроектированных в Сахаре французским правительством.

В разговоре с генералом уже определилось это место — рег Амадрор — огромная мертвая равнина в семь тысяч квадратных километров, к северу от Атакора, там, где он обрывается крутым уступом на тысячу метров. Но капитан предложил более изолированное, хотя и менее доступное место — пустыню Тенере. Это абсолютно голая и безжизненная равнина, простирающаяся на двести пятьдесят километров между Ахаггаром и Аиром. Даже в Танезруфте в руслах уэдов изредка встречаются тальхи или пучки чахлой травы и редкие антилопы, но на тысячах квадратных километров Тенере вряд ли найдется заметная растительность или признаки животных.

Тенере дальше от населенных мест и дорог, чем Амадрор, и гораздо больше его по площади — вот чем руководствовался капитан, предлагая перенести испытания в эту местность. Однако сила взрывов современных термоядерных бомб так велика, возникающая радиоактивность так сильна и разнос ядовитых продуктов распада так широк, что испытания, безусловно, нанесут вред всей Сахаре.

Это казалось капитану преступлением, недостойным человека высокой культуры — европейца, в миссию которого он верил. И сам он, выполняющий хотя бы самый начальный этап отвратительного дела, чувствовал себя предателем. Да, он тоже предаст этот свободный мир, широко раскинувшийся в горячем пламени солнца и мягкой ласке поразительно ярких звездных ночей. Мир, который он, как и все обитатели пустыни, чувствовал похожим на небо, близким вечному сиянию космоса. Капитан лихорадочно обдумывал возможность отказаться или саботировать поручение. И как бесчисленное количество раз до этого, во все времена и во всех странах, услужливая мысль подсказала ему, что он не сможет задержать даже на день то, что совершается. Не он, так другой, третий, десятый, двадцатый — у военных начальников и у правительства было даже слишком много отважных и достаточно умных людей, готовых на все.

И еще задолго до зари машина геологической экспедиции покинула чистенькие улицы Таманрассета и направилась к юго-востоку, туда, где за горами Хоггара и оживленными растительностью долинами Аира распростерлась мертвая Тенере, скрытая крутящимися вихрями горячего воздуха и призрачными стенами миражей.

А еще через день большой белый автомобиль профессора, глухо ворча, одолевал длинный подъем на хребет к западу от Таманрассета. Тирессуэн беззаботно восседал на своем обычном во всякой экспедиции месте — у передней стенки кузова, над открытым окошком водителя, готовый в любой момент указывать направление.

Острые пики Хоггара медленно отступали назад, сменялись более светлыми, округлыми, будто гигантские валуны, горами. В ущельях прекратились каменные потоки с обрушенных крутых склонов. Твердое дно сухих русел стало рыхлым. Гулкое эхо сильного мотора загрохотало по всем направлениям, достигая отдаленных хребтов, чьи ощеренные скалы

и пильчатые спины резко обрисовывались позади, на загоревшемся востоке.

Машина раскачивалась, ныряла, содрогалась всем корпусом на сыпучих песках, отчаянно колотилась и дрожала на мелких рывтинах. Пассажиров мотало, бросало и раскачивало, но это был привычный народ, с телами, приобретшими ту автоматическую способность приспосабливаться к любым рывкам машины, какая еще развивается у моряков с многолетней привычкой к качке.

Широкими ступенями спускалась к Танезруфту горная страна. Алый огонь восхода вспыхнул над стеной гор, и от него устремились вниз гигантские косые покровы розовых сумерек. Слоями, один над другим, чередовались разные оттенки розового света, розовато-пепельные внизу, на дне ущелий и у подножий уступов, все более яркие и чистые вверх. По мере того как поднималось солнце и уходила вниз машина, розовый свет, заливший пустыню, бледнел и как бы сдувался жарким дыханием дня. Совершенно черные плато из лав перемежались с утесами розовых гранитов. Темные вулканические пики горели фиолетовым светом в лучах зари. Путешествие всегда облегчается, если местность разнообразна. Скалы Атакора с причудливыми фигурами выветривания, фантастическими обрывами и утесами дают волю фантазии не занятого в медлительном пути ума. Станные лица, маски, враждебные рожи глядят сверху с обрывистых стен, на поворотах ущелий внезапно вырастают чудовищные звери; заколдованные башни и осыпающиеся склоны кажутся развалинами неведомых городов. В знойном солнце черные камни раскаляются как чугунные котлы. Горячий воздух струится над ними синеватыми озерами-призраками, а его восходящие потоки заставляют предметы расплываться зыбкими, неверными очертаниями, в которых глаза, уставшие от слепящего света, могут увидеть невероятные вещи. И европейцы — те, которые приходят к кочевникам Сахары внимательными друзьями, не перестают удивляться беспредельной фантазии туарегов, чер-

пающих из природы своей страны — неиссякаемого источника вдохновения. Пески становились рыхлее, чаще попадались обширные конусы размывов глин, сцементированных жаром солнца. Понижались, отходя назад, горные кряжи; светло-желтые плащи песка всползали выше по их склонам. Казалось, что каменные шупальца горного массива, тянувшиеся вдогонку за путешественниками, бессильно погружаются в море рыхлых песков, мелкого щебня и пестрых глин со сверкающими выцветами горьких солей. Утопавшие в песке пустыни кряжи расходились все шире, пока не разделились на отдельные увалы и останцы, каменными островами поднимавшиеся на равнине. Пояса рассыпавшегося в щебень камня окружали эти острова как свидетельство жестокой борьбы твердой формы с бесформенной рыхлой массой.

Жара усиливалась, высокое солнце изливало поток света, сиявшего настолько, что он казался серым и ощутимо тяжелым как свинец. Свинцовой тяжестью он оседал на головы путешественников, сопротивлявшаяся ему кровь бурно стучала в виски, теснила череп нестерпимой болью. Глаза ощутимо вспухали в орбитах, яркие цветные пятна крутились за темными стеклами защитных очков. Водитель и профессор, овеваемые в кабине специальным вентилятором, были вынуждены с усилием прогонять этот цветовой бред перегретого мозга, чтобы следить за дорогой. Но страшная мощь солнца то застилала дали завесой горячего воздуха, то неправдоподобно приближала отдаленные холмы, гряды и песчаные дюны. Все мелкие рытвины, впадины и промоины казались однообразной серой поверхностью, стелившейся ровным ковром. Это затрудняло выбор пути. Машина моталась и завывала еще сильнее, а сила перегретого мотора падала с каждым часом пути, несмотря на радиатор двойной емкости и восьмилопастный вентилятор.

Вняв жалобам водителя, профессор обратился к Тирессуэну, как ни в чем не бывало покуривавшему на своем посту в кузове.

— Не пора ли остановиться и подождать спада жары?

Туарег покачал головой.

— Надо беречь машину, — воскликнул профессор, — почему мы не можем ехать вечером?

— Вечером сюда придет сильная буря, — отвечал Тирессуэн. — Вода в бочках будет высыхать... и придется стоять на месте. Нужно сейчас ехать дальше!

— Почему ты знаешь, что будет буря?

— Здесь всегда бури. Такое место. Горы Ахаггара сражаются здесь с Танезруфтом.

Профессор приказал водителю ехать дальше.

Танезруфт — страна гибели, жажды и миражей — расстелился необъятной равниной. Когда-то доступный караванам не во всякое время года и лишь по единственной дороге через колодцы Ин-Зиза и эрг Афараг, страшный Танезруфт оказался удобным путем для быстроходных автомобилей. Правда, автомобили в Судан ходили по той же старой караванной дороге, снабжаясь привозной водой на промежуточной станции Бидон-5. Одинокая машина археологической экспедиции везла в двух белых бочках солидный запас в триста литров воды и могла не заходить на станцию. В середине дня бензонасос грузовика стал отказываться подавать испаряющийся бензин. Пластмасса рулевого колеса стала обжигать руки водителя, и он обернул руль тряпкой. Пора было сделать остановку. Неглубокое сухое русло приютило путешественников, растянувшихся на песке под машиной. Это единственно возможная в Танезруфте тень, маленький прямоугольник, которого едва хватало на пять человек. Было жутко отойти на шаг от нее в неистовствующий пламень солнца. Будто все живое исчезло с лица земли, и пятеро путешественников остались последними людьми в море слепящего зноя на песке, сверху присыпанном мелким серым щебнем.

Пустыня огнем веяла в лица пришельцев, и от ее дыхания трескались губы, лопались кровеносные сосуды в глазах и в носу, становилось все труднее

разлеплять отяжелевшие веки. Во рту появилось отвратительное ощущение — точно язык, покрытый ранами, касался сухой бумаги или ткани. От смачивания водой боль проходила, но вскоре появлялась снова. Люди были испуганы Танезруфтом, но слишком отупели и измучились, чтобы роптать на судьбу, как неминуемо делают европейцы во всех трудных случаях своей жизни.

Незаметно бесконечный день перешел в вечер, и ярость опустившегося солнца, наконец, ослабела. Машина выбросила длинную тень, в которой укрылось бы полсотни людей, но теперь в ней не было нужды. Все кругом приобрело отчетливость очертаний, стали видны и пологие волнообразные всхолмления пустыни, днем размытые в сероватом тумане раскаленного воздуха. Вялые и ослабевшие люди расселись по своим местам, водитель, проклиная день и час своего рождения, запустил мотор, и белый грузовик принялся покачиваться и нырять по пологим буграм. Проплыли мимо узкие уэды с одной-двумя тальхами в половину человеческого роста или редкими пучками иссохших трав. Экспедиция углубилась в Танезруфт — вокруг не было ничего, кроме уплотненного бурями песка, иногда прикрытого полосами и клиньями темноватого гравия и дресвы. Насколько хватал орлиный взор туарега, и даже десятикратный бинокль профессора, стелилась равнина, вдали, у горизонта, тонувшая в пылевой дымке.

Внезапно люди встрепенулись. Очень четкие, совершенно прямые линии прорезали равнину Танезруфта на всем ее видимом протяжении, от северного края горизонта до южного. Ближе линии разбежались, разъехались, как пути на железнодорожной станции, и превратились в широкие следы могучих машин. Профессор остановил автомобиль. Путешественники невольно застыли перед величественным зрелищем. Что такое след автомашины на избитых дорогах между деревнями и заводами родной Франции? Совсем обычное дело, не привлекающее ничего внимания! А на асфальтовых или бетонных

шоссе след машины едва заметен и нужен разве лишь расследующему происшествие специалисту.

Но здесь, в глубине страшной пустыни, совсем другое! Вот главный след, глубоко раскатанный широкими шинами тяжелых автобусов и грузовиков, с четкими рисунками протектора. Он уносится вдаль, узорчатый, прямой и непреклонный. Две его колеи постепенно сближаются и, наконец, сливаются в одну узкую ленточку там, в мутнеющей ровной грани пустыни и неба. Рядом идут еще следы, более старые, частью уже сглаженные ветром, иногда перебрасывающиеся с одной стороны на другую, описывая красивые пологие кривые. Иногда неведомые водители предпочитали свой собственный путь — тогда, отделенный полосой негронутого песка от главной дороги, рядом тянулся неглубокий, но отпечатанный во всех деталях протектора след, также прямо несущийся через Танезруфт к невидимой цели. Вся мощь нашего времени, казалось, сосредоточилась в этих стремительных, слишком прямых линиях, знаках победы машины над пустыней, над самой недоступной и опасной частью Сахары, которая не смогла ни задержать, ни замедлить бег железных верблюдов двадцатого века.

Отважные водители жарили яичницу прямо на капотах своих машин, раскалившихся под солнцем Танезруфта, и упорно пробивались вперед, борясь с пугающими миражами. Если туареги видели в зное страшной пустыни Деблиса — демона Танезруфта с пустыми глазницами, одетого в черное покрывало, восседавшего на скелете верблюда и кружившего около обреченных путников, то шоферы рассказывали иное. У вехи 285, где на строительстве дороги погибло множество осужденных за бунт солдат Иностранного легиона, за автомобилями гнались их призраки. Тонкие извивающиеся фигуры, вертевшиеся вокруг машины, с какой бы скоростью она ни шла. Они звали хриплыми голосами, и единственная возможность спасения от них заключалась в жертве бурдюка с водой. Его надо было бросить им, и тогда они отставали, а машина уходила на полной скорости.

Многое чудилось изнемогающим от зноя людям — перегретый мозг вызывал в глазах самые чудовищные видения. И все же прямые линии машинных следов чертили пустыню гигантской линейкой!

Машина археологической экспедиции, постояв немного, пересекла поперек путь транссахарских автомобилей и пошла печатать свой здесь, на ровном участке, такой же прямой и отчетливый. Путешественники встретили дорогу между станцией Бидон-5 и вехой 540, далеко к северу от оазиса Тессалит — преддверия уже менее пустынных степей Судана и Нигерии. Одинокaя машина долго шла в розовой мгле заката, затем по узкой дорожке света фар в однообразном море ночной тьмы. Короткий ночлег, и снова путь с остановкой задолго до наступления жаркого времени дня, под высоким обрывом у начала большого эрга Аземнези. Отсюда дорога сделалась тяжелой — рыхлые пески покрыли всю площадь эрга волнистой чередой. Машина продвигалась в ней на подстилаемых «лестницах» из связанных цепью деревянных плашек, сделав за вечер лишь несколько километров.

На утренней заре грузовик, словно отдохнувший за ночь, быстро вылез на сыпучий подъем окраины эрга. Дальше на запад местность была усеяна конусовидными холмами песка, тупо срезанными на верхушках и покрытыми удивительной рябью — сеткой чашеобразных углублений. Тирессуэн повел машину в обход этих холмов, на подъем к каменистой гряде, внезапно возникшей среди песчаного пространства.

— Далеко ли развалины, Тирессуэн? — окликнул проводника профессор, с тревогой подсчитывавший в уме, сколько литров бензина ушло на борьбу с песчаным дном эрга Аземнези.

— Уже близко, там, — туарег показал на юго-запад, где на пологом скате гряды виднелось множество закругленных ветром черных глыб, издалека казавшихся толпой каких-то черепахообразных существ.

Ученый вздохнул с облегчением.

— Почему здесь такие странные холмы? — спросил он, указывая на конусы песка с их скульптурной поверхностью.

— Ветер, — лаконически сказал туарег, описывая рукой несколько кругов, и все поняли, что он говорит о крутящихся вихрях, вздымающих столбы песка на высоту в полкилометра и сокрушающих все, что не камень или не вросшее в землю двадцатиметровыми корнями растение пустыни.

Снова медленно ползущие, уподобляясь машине, часы. Опять свинцово-серая мгла тяжелого зноя, звонкий стук пальцев перегретого двигателя, едкий дым горящего масла. Но вот машина поднялась по твердому скату, лавируя между изъеденными ветром валунами. Круглые глыбы, пирамидальные навесы, острые выступы сменялись стенами, башнями, воротами... Острая, тревожная догадка заставила профессора встрепенуться. Невежественные и фантазирующие сыны пустыни иногда принимают эти причудливые скалы за развалины. Неужели и его экспедиция сделается жертвой подобной ошибки? Ох, ублюдок дьявола, так и есть!

Туарег властным жестом остановил машину в тот момент, когда водитель собирался заявить профессору о необходимости остановиться и переждать жару.

Вне себя от ярости, с помраченными жарой и тяжелой дорогой чувствами археолог выскочил из кабины.

— Куда мы приехали? Где развалины? — завопил он.

Ясные серые глаза Тирессуэна блеснули гневом под навесом головного покрывала. Неторопливо подняв левую руку с широким кожаным браслетом, за который был заткнут кинжал с крестообразной рукоятью, туарег показал вниз.

Машина остановилась на краю склона плато, заваленного сплошной каменной россыпью. Черными контрфорсами спускались вниз сглаженные ветром обрывы, прорезанные глубокими и короткими оврагами, придававшими всей скалистой стене фестончатый

контур, будто выполненный руками человека в затейливом архитектурном замысле. Под обрывом стелился небольшой серир — равнина, покрытая обломками отглаженных ветром кремнистых сланцев с углублением древнего озера, от которого осталось круглое пятно островерхих дюн.

А на равнине, отчетливые даже в дымке горячего воздуха, виднелись обрушенные стены, сложенные из глыб красного камня, какие-то пересекающиеся выступы, проходы ворот и улиц. Вот и несомненные башни — только кретин может их спутать с нерукотворными созданиями ветра! Площадь развалин была невелика, но постройки очень массивны и обладали чертами большой древности, распознаваемой опытным взглядом археолога.

Французы закричали. Секунду назад готовые смотреть на Тирессуэна, как на идиота и преступника, они наперебой хвалили проводника.

— Зачем же стоять здесь? — воскликнул профессор. — Осталось несколько километров. Развалины совсем близко! — И археолог перевел свой вопрос на арабский для Тирессуэна.

Проводник объяснил, что дальше дорога очень плоха. Будет лучше пойти к развалинам пешком и осмотреть их.

— Нам не смотреть надо, изучать их, — возразил археолог. — Надо пробыть там дня три, сколько хватит воды.

— Лучше посмотреть, потом приезжать снова. Привозить запас воды, пищи...

— Сначала надо выяснить, стоит ли. Бессмыслица — ходить отсюда по жаре, будто мы на курорте... — Профессор спохватился, что туарег не понимает его и смотрит с вежливым, чуть снисходительным любопытством. — Надо подъехать. И сейчас же. Незачем терять время на остановку, а окончательно расположиться на месте исследования! — настаивал археолог.

Туарег послушно полез на свое место у кабины. Машина долго заводилась и, наконец, тронулась. Проводник, умело выбирая путь, повел ее направо,

где плато плавно понижалось, и фестоны крутых ущелий превращались в широкие углубления промоин.

Визжа тормозами, машина спустилась по плитам песчаника в углубление, крупный щебень заскрежетал под массивными шинами. Грузовик пересек промоину. Форсируя мотор, водитель кинулся на штурм подъема. Гром мотора, вой низшей передачи и обычное раскатистое эхо. Вдруг стрелка масляного насоса упала налево, к нулю, слабый хруст послышался в недрах двигателя, и побелевший шофер выключил зажигание. Машина покатилась вниз, замерла, схваченная тормозами, и стала оседать, скользя на крупном песке, катавшемся как дробь под неподвижными колесами. Все метнулись к бортам, в опасении, что грузовик опрокинется. Но машина медленно сползла к промоине и задержалась, упершись в выступ каменной плиты.

— Что, что случилось? — выдавил из себя археолог. Ответственность начальника, до сих пор существовавшая лишь в плане исследования, вдруг стала огромной перед лицом опасности. — Попробуйте... — начал он.

Водитель мотнул головой и, запустив мотор, сразу же выключил его. В гнетущем молчании все сгрудились около машины, в то время как шофер полез под капот. Тирессуэн уселся на камнях и переводил взгляд с одного лица на другое, стараясь понять случившееся.

Скоро выявилась вся серьезность повреждения. Маленькая шестеренка масляного насоса разлетелась на куски, повредив вторую. Ошибка ли, небрежность изготовления или плохое качество материала, там, во Франции, угрожавшая лишь волочением на буксире или несколькими часами ожидания, здесь, в Сахаре, для одинокой машины стала смертным приговором. Только профессор и радист знали, что они отдали радиостанцию капитану, понадеявшись на прочность своей машины и обилие запасных частей. А среди всех этих частей не было нуж-

ной, ибо поломка масляного насоса — редкий случай для современного автомобиля.

Пока сотрудники экспедиции осознавали положение — с проклятьями, молчаливой тоской или в трусливом смятении, профессор и туарег, согнувшись над картой, старались как можно точнее установить место аварии. Самое близкое и самое надежное — линия транссахарской дороги, которую они пересекли. Это сто двадцать километров на восток. Если идти прямо в Бидон-5 — сто сорок пять километров. Зато там можно достать шестеренки или вызвать срочную помощь. Европейец в Танезруфте вряд ли пройдет и шестьдесят километров! Это значит, если за эту попытку не возьмется туарег, то все они погибли.

Европейцы резко изменились. Шумные и нетерпеливые, заносчивые и мелочные, они стали медлительны и суровы. Полные тревоги, они зорко следили за Тирессуэном.

Так мелкие хищники сидят вокруг льва в ожидании, какое решение примет могучий зверь. Так следят обвиняемые за судьей, вышедшим огласить приговор.

Туарег курил, бросая мимолетные взгляды на карту и снова уходя в неподвижное созерцание чего-то, проходящего перед внутренним взором. Все участники экспедиции знали, что Тирессуэн призвал на помощь всю свою колоссальную память и опыт, все рассказы товарищей и старинные предания, чтобы решить, куда идти. Сто сорок пять километров — это было слишком много и для тиббу, не только для туарега, но Тирессуэн считал себя равным этим замечательным властелинам пустыни. Властелинам, завоевавшим ее без технической мудрости европейцев — единственно с помощью своего выносливого тела и стойкой души!

День клонился к вечеру. Тирессуэн словно очнулся. Он откинул назад головное покрывало, тяжело вздохнул и застенчиво улыбнулся. И европейцы увидели, как еще молод и добр этот суровый

кочевник, становившийся таким грозным с закутан-
ным лицом в своих темно-синих одеждах.

— Пойду на Бидон-5! — объявил туарег.

К нему бросились, пожимали руки, заискивающие хлопали по плечу, предлагали любые консервы, вино и сигареты.

Туареги не едят ни рыбы, ни яиц, ни птицы, и Тирессуэн опасался консервов. Он согласился взять флягу с водой, немного шоколада и соленых галет, а также набил пазуху сигаретами.

— Возьмите мой компас, Тирессуэн, — предложил шофер, но кочевник отказался и от карты и от компаса.

Звезды и солнце — вот безошибочные путеводные маяки туарега, а небо пустыни почти никогда не бывает закрытым.

— Мы так благодарны тебе, Тирессуэн! — воскликнул растроганный профессор, — мы, если спасемся, никогда не забудем, что ты делаешь для нас...

— Я еще ничего не сделал, — туарег снова стал суровым, — и не для вас — ведь я спасаю и самого себя. Если я буду ожидать счастливого случая, то погибну наравне со всеми. Воды — на пять дней... Что случится за это время?

— Да, да, конечно, — поспешно согласился археолог.

Сомнение метнулось в его следивших за Тирессуэном глазах, губы дрогнули. На лице стоявшего рядом шофера отразился еще более откровенный испуг. Тирессуэн понял. Как все мелкие люди, считающие себя проницательными, они думали прочесть в Тирессуэне собственные мысли и скрытые чувства. Они боялись, что туарег, спасая собственную шкуру, сбежит куда попало.

Подозрение спутников рассердило Тирессуэна, но он поборол себя, сказав:

— Теперь надо спать — до наступления ночи! — Отойдя за каменный выступ, он принялся расстилать плащ на маленьком пятнышке тени. Не успел он сделать этого, как услужливые руки раскинули брезент, положили мягкий тюфяк. Спутники ходили

тихо, разговаривали шепотом. Туарег лежал и думал, почему европейцы могут действительно хорошо относиться к жителям пустыни, лишь когда приходит беда и необходимость в помощи. Европейец становится по-настоящему человечным в тисках жестокой нужды — это туарегу казалось низостью. Тирессуэн проснулся, как назначил себе — в вечерних сумерках. После молитвы, напившись вволю и немного поев, он повернулся к востоку: — Барак аллах фик! (Бог да хранит вас!), — сказал туарег и неторопливо зашагал, напутствуемый ободряющими криками оставшихся.

Профессор долго смотрел туда, где растворилась в прозрачной темноте высокая фигура проводника. Снедаемый опасениями, он в сотый раз клялся щедро наградить туарега, если тот вернется... Но ведь если он не вернется, некому и не за что будет награждать. Их найдут, конечно, но какое это будет иметь значение для всей его небольшой экспедиции. И снова археолог проклинал себя, что поддался на просьбу капитана. Никакая опытность не может противостоять случайности, и это он, как ученый, должен был бы знать! К дьяволу эти терзания — радиостанции-то нет!

Молодой ассистент профессора неслышно приблизился.

— Ваши распоряжения на завтра, шеф? — ассистент был англофилом.

— Подъем до зари. Пойдем на развалины — надо же осмотреть это трижды проклятое место! Огюст, шофер, останется с машиной и приготовит обед. Отправимся мы трое — вы, я и Пьер.

Развалины отстояли дальше, чем показалось профессору. Они были к тому же захватывающе интересными, и, когда археолог спохватился, что пора возвращаться к машине, солнце поднялось уже высоко. Обратный путь показался профессору настоящей пыткой. Борясь с желанием выпить весь остаток воды во фляжке, грузно шагая по хрустящему грубому песку и перекатывавшемуся под ногами черному щебню, археолог чувствовал, что его тело

ссыхается в палящей печи. Мысли мутились, назойливо возвращаясь то к ледяной шипучей воде отеля в Таманассете, то к сказочному разнообразию напитков на любой из улиц Парижа, то просто к холодным ручьям и рекам, которыми он так пренебрегал в Европе, не подозревая, какую живительную силу таят в себе эти потоки обыкновенной воды...

— Воды! — профессор громко произнес последнее слово, слегка всхлипнув от мысленного зрелища холодного и чистого горного потока, так невыносимо чудесно журчавшего по камням!

— Сюда, шеф! — окликнул его молодой помощник, указывая на небольшой песчаный холм с обрывистым восточным склоном. Растянувшись на земле за этим склоном, можно было укрыть в спасительной тени голову и плечи.

Ассистент посмотрел через плечо на горный уступ, где засел автомобиль, взвесил на руке фляжку и со вздохом положил ее обратно под бок.

— Кажется, мы никогда не дойдем, — промямлил студент-радист Пьер, перехватив взгляд ассистента, — время тянется так же медленно, как тащишься сам. И с каждым шагом теряешь силы. Знал бы, взял на плечи ведерный термос...

— И тащился бы с его тяжестью еще медленнее! — возразил ассистент.

— Зато пил бы! Пил! Представляешь, сейчас литра два холодной воды...

— Довольно! — оборвал его сердитый окрик профессора. Археолог лежал ничком, и его голос шел будто из-под земли. — Я запрещаю разговоры о воде, о лимонадах, о Париже с его кафе и пивными, где на каждом шагу можно пить сколько угодно. Хватит болтать о реках, о купанье!

Молодые люди переглянулись. Никто из них и не думал говорить ничего подобного. Ассистент покрутил пальцем у своего виска.

— Где-то сейчас Тирессуэн? — вдруг спросил студент. — Что он делает? Нам идти осталось километров шесть, а сколько ему?

Профессор повернулся на бок. Он отчетливо представил себе высокую синюю фигуру, безмерно одинокую среди палящего океана Танезруфта, такую слабую перед чудовищной силой пустыни.

— Пойдемте, друзья, — твердо произнес он, вставая.

— А что там, профессор? — вдруг спросил студент, показывая на запад.

— Очень далеко до помощи! Огромные эрги и себхры, древняя караванная дорога в Тимбукту и знаменитые соляные копи Тауденни, в которых обитает кучка людей.

— Соляные копи в центре Сахары! Кто же копает там?

— Раньше рабы, а теперь и свободные люди, соглашающиеся прожить там от одного каравана до другого.

— А если караван опаздывал?

— Все погибали, что и случалось не один раз. Погибали и караваны в пути из Тимбукту в Тауденни. Например, в 1805 году караван из тысячи восьмисот верблюдов и двух тысяч людей погиб от жажды до последнего человека. Никто не спасся! Небольшая ошибка проводников или пересохшие от бурь колодцы и — все...

— Золотая соль доставляется в страну черных!

— Вы правы, соль прежде ценилась на вес серебра. Чернокожие люди защищены от ультрафиолетового излучения солнца, зато получают больше нагрева от инфракрасного и сильнее потеют, чем белые. Потребность в соли у них выше. Многие путешественники описывают страшный соляной голод, который мучил чернокожих земледельцев и в лесах и в саваннах...

Ассистент, жадно прислушивавшийся к разговору, остановился.

— О, я понял важную штуку, шеф! Вот почему наш Тирессуэн и все туареги закутаны в свои темно-синие покрывала. Они белокожие, и им надо защищаться от вредного ультрафиолета сахарского солнца!

— Совершенно верно! И добавлю, знаете ли вы, что есть так называемые белые туареги? Это чернокожие, которые носят белые покрывала, проникаемые для ультрафиолета, который им не страшен, но отражающие инфракрасные тепловые лучи, которые слишком нагревают темную кожу. Прежде эти чернокожие были рабами. Им запрещалось законом носить синее, и они ходили в белом — то, что им и было нужно. Пусть-ка поразмыслят над этим господа медики — они мало думают о таких вещах...

Последние сотни метров по крупному булыжнику у подножья обрыва были настоящей мукой. Вода была выпита, и жажда терзала горло, заволакивала красным туманом глаза. Хватая ртом раскаленный воздух, три исследователя вскарабкались на обрыв, одолевая его на четвереньках, и повалились в тень машины, пока Огюст торопливо наливал большие суповые чашки. Жажда не голод, и напившийся человек быстро оживает. Остается лишь клонящая в сон усталость. Охотники за древностями задремали в тени тента, который Огюст растянул у борта грузовика. Это была уже реальная защита от солнца Сахары, и европейцы скоро ободрились. По обе стороны промоины, в которой засела машина, выпячивались закругленные склоны утесов белого песка. Камень покрылся темно-коричневой, почти черной корой, блестевшей на солнце как броня. Остывание скал в холодные ночи избороздило склоны широкими трещинами, по которым черная корка отслоилась исполинской шелухой. Ослепительно сверкали белые камни там, где отваливался черный покров. От резкого контраста блестящей, как черное зеркало, коры и слепящих белых пятен рябило в глазах. Бескрасочный серый свет над пустыней тоже не давал отдыха зрению. Только глетчерные очки спасали европейцев. Они лучше стали понимать, что обычай туарегов-мужчин чернить краской веки возник вовсе не как требование моды или своеобразной эстетики.

Каждая ночь оживляла путешественников после дневного оупения. Если день казался океаном зноя

и слепящего света, то необъятная звездная ночь Сахары становилась бездной бесконечного неба, уносившего человека в такие глубины и дали в чистой прозрачной темноте, что невзгоды, опасности и даже сама смерть начинали странным образом измельчаться, уподобляясь исчезнувшей во мраке грозной пустыне.

В Европе кончалась осень. Здесь это время выражалось лишь в наступлении холодных ночей, казавшихся ледяными после адского дневного жара.

Было невыразимо отраднo лежать на спине, закутавшись в шерстяное одеяло, и отдаваться гипнотизирующей власти бездонного неба, погружая свой взор в звездные рои Млечного Пути.

Украдкой подступали мысли о Тирессуэне. Туа-рег не понес с собой одеяла, и если он не сгорел в огненной печи дня, то неминуемо должен был замерзнуть ночью. А с ним и возможность легкого спасения для тех, кто остался у бочек с водой, под спасающим от убийственных копий солнца тентом, кто укрывался теплыми одеялами в знобящие ночи.

Только на третий день стоянки исследователи отважились на вторую экскурсию к развалинам. Двадцать километров пути туда и обратно были бы не страшны для ночного похода. Но изучать развалины ночью, как на грех безлунною, было невозможно. Волей-неволей археологи задерживались до знойного времени дня, и поход становился для них мучением. Решено было отправиться на развалины к вечеру, успеть там немного поработать, переночевать и воспользоваться всем временем от утренней зари до девяти часов, когда следовало быть у машины.

Никогда исследователи не решились бы повторить ночевки. На свет костра из развалин выползли тысячи скорпионов и ядовитых пауков — фаланг. Все это скопище ринулось к расположившимся на ночь людям. Костерок из жалких стеблей, принесенных с собою щепочек и бумаги быстро догорел, и люди остались во тьме в неравной борьбе с ползучей и ядовитой гадостью. Единственным спа-

сением было поспешное бегство в серир, как можно дальше от развалин. Всю ночь в шорохах ветра людям чудились ползущие скорпионы. Опять не хватило питья, хотя Пьер и ассистент сдержали обещание и тащили в заплочных мешках большие термосы. В третьем походе, снова днем, профессор получил легкий тепловой удар, пренебрегши солевыми таблетками. Его молодые помощники ушли в четвертый поход на развалины, а ученый, ослабевший телом и духом, лежал под тентом. Молчаливый Огюст хмуро поил его бульоном из концентратов. Несколько раз археолог заставлял его измерять воду в последней бочке, с ужасом убеждаясь, что они израсходовали ее слишком много в походах сквозь палящий зной Танезруфта.

Профессор обратил взгляд на восток. Черная россыпь обточенных ветром пирамидальных камешков полого поднималась к серому, угрюмому, без единого облачка небу, сокращая видимость восточного горизонта до нескольких километров. Туарег должен был появиться неожиданно через несколько минут или дней или не появиться совсем. Профессор вспомнил свои опасения, что Тирессуэн может бросить их на произвол судьбы, но все, что он знал об этих детях пустыни, противоречило такому предположению. Но Тирессуэн мог погибнуть, как, безусловно, погиб бы любой из них, отправившийся в подобный поход. Если туарег погиб, то все равно идти придется, идти всем! Это будет скоро. Если проводник не вернется через два дня, то надо бросать все, нагружаться водой и шагать по следу своей машины. Археолог представил себе этот безнадежный путь и внутренне содрогнулся.

Свинцовое небо душило его, угасавший после полудня ветер шумел по камням назойливо и безотрадно. Край тента размеренно хлопал по застывшей машине. Застывшей безнадежно, как эти источенные ветром и почернелые от солнца скалы, как весь этот сожженный и мертвый мир, поймавший в западню его экспедицию.

Пятый день! Никто уже не ходил к развалинам,

экономя воду. Люди валялись, курили, без охоты играли в карты. Профессор заметил, что во всех разговорах старательно избегалась одна тема — предположения о Тирессуэне. Видимо, слишком серьезен был этот вопрос для каждого из путешественников, чтобы обсуждать его в праздной болтовне. Лагерь, автомашина — все предметы кругом создавали привычную походную обстановку, ничем не напоминавшую о беде. Но пустыня вокруг, мертвая, угрюмо шуршавшая ветром, стояла настороженно враждебной, словно готовясь к решительной атаке на горсточку привязанных к машине людей. Будто они перенеслись на другую планету — настолько не похоже здесь было все на мир, с детства привычный европейцу. Пустыня воспринималась как некая нереальность, изменчиво проплывая мимо в быстрых автомобильных маршрутах. Но теперь, окружая маленький бивак уже несколько дней, она стояла неизменной как вечная угроза всему живому, бесконечно удаленная от многообразного существования людей, от их трудов, развлечений, радостей и горя. Никак нельзя было поверить, что на востоке, всего в полутораста километрах от лагеря, бегут через пустыню быстрые машины. Любая из них перенесла бы всех путешественников туда, где их жизни не будут более качаться на зыбких весах неверной судьбы. Там пролетают аэропланы... Стоит любому из них немного отклониться от обычного пути, тогда их заметят с воздуха и помощь придет через несколько часов!

Шестой день — последний день возможного ожидания. Готовясь к гибельному походу, молодежь не выдержала. Люди напились вина, пытались успокоить напряженные нервы и легче свыкнуться с неизбежным.

Начавшийся день был особенно жарким, точно пустыня, предчувствуя наступающий период прохладных ночей, изливала днем весь запас своей огненной ярости. Профессор, еще не вполне оправившийся от теплового удара, лежал в полузабытьи. Медленно, точно увязая в жаркой смоле, ворочались

мысли в болевшей голове. Лежавшие вокруг спутники противно храпели, сопели, тяжело вздыхали, беспокойно дергаясь во сне, измученные зноем и тяготевшим над ними сознанием обреченности. Мрачный Огюст изредка стонал, а Пьер жалобно всхлипывал, выдавая в пьяном сне свои чувства.

Профессор приподнял чугунную голову и механически огляделся по установившейся за пять дней привычке, ничего более не ожидая от изученного до отвращения ландшафта. Вдруг археолог дернулся, провел рукой по лицу, прогоняя сон. Поодаль от машины, на заваленном черными камнями плоском дне промоины росла небольшая тальха. За ней виднелось нечто высокое, белое... Неужели? Да, это мехари! Громадный верблюд приближался к лагерю, неся закутанную в обычное темное одеяние фигуру. Переметные сумки из узорной кожи свисали с убранного серебром седла с лукой в форме креста. К левому боку верблюда была приторочена винтовка дулом вниз.

Комок, подступивший к горлу профессора, помещал ему закрывать. Археолог вскочил на ноги. Мехари подошел вплотную. Никогда не думал археолог, что туарег на верблюде окажется таким гигантом. Величественная фигура рыцаря пустыни наклонилась с высоты мехари. Он, Тирессуэн!

Ужасный крик раздался над ухом археолога, заставив его пошатнуться: это увидел туарега проснувшийся ассистент. Его товарищи, не успев подняться, завопили, точно орда людоедов. Все побежали навстречу туарегу, который опустил верблюда и медленно, видимо от большой усталости, слез с седла. На молчаливый вопрос путешественников Тирессуэн порылся за пазухой и протянул на раскрытой ладони две маленькие шестерни, завернутые в промасленную бумагу. Огюст схватил их, всхлипнул, потряс руку туарега и бросился к машине, так ничего и не сказав. За ним поспешил его всегдашний помощник Пьер. Минуту спустя они уже открыли капот и полезли под машину.

Тирессуэн устало потянулся, уселся под тентом

и закурил обычную сигарету. Будто и не было серьезного несчастья, не было шести тяжелых дней, полных тревоги и опасности. Туарег, по обыкновению, ожидал, пока его спросят.

— Бидон-5? — профессор показал на восток.

— Да.

— Как дошел, тяжело было?

— Да. Много солнца. Торопился!

— Устал?

— Да.

— А верблюд откуда?

— Ездили со станции на машине в кочевье знакомого. Взял доехать.

Археолог прекратил расспросы и предложил Тирессуэну отдохнуть. Через час Огюст и Пьер переминались на месте от нетерпения скорей завести машину, но профессор яростным жестом запретил их попытку. Только когда солнце склонялось к горизонту, проводник проснулся. В тот же миг заревел мотор, будто тоже очнувшийся от долгого сна. Все путешественники, не исключая профессора, принялись поспешно свертывать лагерь, а Тирессуэн долго пил теплый чай, заедая финиками, которые он отламывал от комка, извлеченного из седельной сумки, и совал, по обыкновению, под лицевое покрывало, чтобы не показывать рта. Французы подошли приласкать спасшее их животное — и отшатнулись: от мехари исходил отвратительный запах. Тирессуэн заметил недоумение спутников.

— Если верблюд долго идет по жаре и не пьет — он пахнет очень плохо! Я должен был ехать днем, зная, сколько у вас воды.

Профессор, так же как, наверное, и другие члены экспедиции, испытывал желание крепко обнять Тирессуэна, высказать ему горячую благодарность за выручку, за тяжелый, для европейца невыполнимый поход. Но туарег сидел с прежним спокойным достоинством, будто ничего не случилось. Археолог чувствовал перед ним смущение, заставлявшее его сдерживаться.

— А как же верблюд, Тирессуэн? — подошел к проводнику шофер.

— Да, совсем забыл, как же мехари? — спохватился профессор.

— Напείτε верблюда, дайте мне запас воды и отправляйтесь, — ответил туарег.

Медленно, обходя каждую выбоинку, грузовик поднялся на плато и повернул на восток по собственным следам. Огюст ехал с предельной осторожностью, твердо решив ничем не рисковать, пока они не выберутся из этой западни и не наполнят водяные бочки. Сверху они еще раз увидели белого верблюда и едва заметную фигуру туарега, улегшегося в тени скалы в ожидании ночи. Тирессуэн явно находился на пределе усталости, и его европейские спутники опять ощутили угрызения совести за поспешность. Но после всего пережитого казалось невозможным остаться здесь лишний час. А туарег... что ж, для него пустыня — родной дом. Их женщины ездят в гости к подругам за двести-триста километров, а мужчинам ничего не стоит провести несколько суток в пути, чтобы услышать новости. Все это так, но если бы это произошло в другом месте, а не в Танезруфте, тогда бы они уехали со спокойной совестью.

Но машина перевалила за гребень плато, проклятое место скрылось из виду, и оставшийся позади проводник перестал смущать европейцев. В конце концов до Бидона-5, где они должны его дожидаться, не так уж далеко для быстрого мехари!

* * *

— Я прошу вас срочно связать меня с министерством, генерал!

— Полно, профессор, стоит ли вам так волноваться из-за какого-то туарега с его бешеными претензиями!

— Поймите, что я и вся моя экспедиция, мы обязаны этому вовсе не какому-то, а замечательному человеку жизнью!

— Он только выполнял свои обязательства!

— Я тоже только выполняю свои. Это для меня вопрос чести. У вас, военных, есть свой кодекс чести, у нас, ученых, свой. Позор, что проводник третью неделю ждет разрешения пустякового вопроса. Болтается где-то около Таманрассета. Хорошо еще, что туареги терпеливы, он не надоедает мне. Наш брат француз...

Генерал поморщился.

— Вопрос вовсе не пустяковый, профессор. Поймите, что у нас непопулярная война в Алжире, чуть ли не с родственниками Тирессуэна...

— Положим, арабы и туареги — мне ли вам говорить...

— Есть еще одно обстоятельство, неизвестное вам. Под честное слово, профессор! Ни одному человеку, ни при каких обстоятельствах!

Заинтересованный ученый согласно наклонил голову.

— В Центральной Сахаре проектируются испытания нашей, французской водородной бомбы! Понимаете всю сложность обстановки, которая получится, как только секрет станет известным? И он неминуемо станет известен! А мы отправим туарега в Советскую Россию!

— Испытание... здесь... в Сахаре! — археолог был ошеломлен и потерял все возобновленное после возвращения из Танезруфта достоинство. — Вы будете проводить испытания!

— Да где же еще нам найти столь подходящие условия, черт возьми! Ну вот, вы теперь сами убедились! Еще бокал, профессор?

Археолог молчаливо выпил придвинутый ему аперитив, закурил и решительно выпрямился в кресле.

— Я все же буду настаивать, мой генерал!

— Что ж, я предупредил вас, мой профессор! — кисло усмехнулся генерал, — я позвонил начальнику южных территорий генерал-губернаторства, директору Службы Сахарских Дел и Военнослужащих, но...

— Очень сложный титул, — усмехнулся профессор, — и он отказал, конечно?

— Да!

— Что ж, одна надежда на Париж!

* * *

Профессор вернулся в свой комфортабельный номер с чувством досады, большим, чем того стоило упрямство генерала. На полированном столе лежали куски древней керамики из развалин в Танезруфте. Археолог задумчиво поднял тяжелый кусок изделия двадцатипятивековой давности, чтобы в сотый раз полюбоваться находкой, предвкушая сенсационное сообщение в печати. Но странное дело, победные результаты экспедиции, чуть было не оказавшейся роковой, как будто потускнели. Прежней светлой радости исследователя, открывшего для мира новое, не было у археолога. Ему показалось, что поездка туарега в Россию чем-то важнее для него, чем древности, извлеченные из забвения в глубине пустыни. Заинтересованный собственными ощущениями, ученый вытянулся в кресле и зажег сигарету. Может быть, дело в том, что подсознательная благодарность Тирессуэну еще очень сильна после пережитых испытаний? Нет, не в этом дело! И не в том, что совесть человека науки, поставившего целью жизни раскрытие и отстаивание истины, была более неуступчивой, чем у политика и военного. Генерал пытался сыграть на его патриотизме. Он сын Франции, не меньше любящий ее, чем этот властный генерал! Но не к лицу ему, человеку, мыслящему и к тому же историку культуры, дешевая демагогия военной потребности, высокие слова о миссии европейца, несущего культуру дикарям-туземцам. Вторая четверть двадцатого века наглядно показала человечеству, что все это навоз для почвы, на которой пышно зреет фашизм. И тут еще эта бомба — готовится великое отравление Сахары! В этом случае судьба сахарских кочевников, и без того тра-

гическая, станет попросту ужасной!.. К дьяволу эти мысли! Если он может помочь, то Тирессуэну, но не туарегам вообще! И тиббу, и западным берберам, и арабам севера! Он только археолог, не политик, не финансист, не военный... Ага, пожалуй, вот в чем дело — у него тоже была с детства лелеемая мечта, сказочная страна детских книг, потом романов и кинофильмов, потом и строгого научного интереса — Северная Африка. Родом из департамента Нор, он неудержимо стремился к заветной стране, казавшейся ему, что уж скрывать от самого себя, гораздо прекраснее, чем он нашел ее, впервые попав сюда тридцатипятилетним человеком... Может быть, потому, что он был не молод, получил уже от жизни изрядную долю усталости и скептицизма? Но туарег молод и тоже стремится в страну своей мечты. Чепуха, что он подвергся пропаганде каких-то таинственных коммунистов в центре Сахары! Как ни мало еще он знает туарегов, бессмыслица очевидна. Может быть, у Тирессуэна есть возлюбленная, такая же необузданная фантазерка, как и он сам? Она говорит ему о загадочных странах севера, о самой таинственной для Сахары, далекой и холодной России... просит поехать туда... Она готова на разлуку, на опасность, на долгое ожидание... Все может быть, и он поможет Тирессуэну не только из-за данного обещания, но в благодарность за спасение, но прежде всего как человек, знающий, что такое мечта!

Судьба покровительствовала археологу (или, может быть, Тирессуэну). Министерские знакомства сделали свое дело. Профессор вручил туарегу билет на трансафриканский самолет Аулеф — Марсель и квитанционную книжку Международного союза сахарского туризма.

В зимнее время туристские группы в Россию ездили редко. Туарега должны были присоединить к торговой делегации, отправлявшейся в Ленинград на четыре дня для участия в пушном аукционе. «Хватит с него!» — так звучало решение власть имущих.

Мехари, сильно раскачиваясь, продолжал свой неутомимый бег, как будто Афанеор только что начала свой пятисоткилометровый путь. Это был лучший беговой верблюд старухи Лемта, по прозвищу Талак — глина, — отмечавшему светло-желтый цвет его короткой шерсти.

Незримая почта сахарских кочевников передала Афанеор зов Тирессуэна. Девушке предстояло разыскать его на окраине эрга Афараг. Она не знала, что заставило Тирессуэна не вернуться к ней после приезда из России.

Каменистое пустынное плоскогорье — тассили — было сплошь покрыто воронками, вырытыми хозяином пустыни — господином ветром. Дальше тассили, понижаясь, переходило в аукер — лабиринт обрывов, промоин, останцов и отдельных крутых как стены гребней. Это означало близость большой впадины — эрга. Афанеор никогда не бывала здесь, но выбирала дорогу, ориентируясь безошибочно, с тем почти бессознательным чувством, которое кажется европейцу чудом. На самом же деле кочевник Сахары, с детских лет странствуя по пустыне, научается выбирать наилучший путь при одном взгляде на местность. Этот путь выберут также и другие кочевники — вот почему туарег легко находит след другого туарега, не говоря уже о проходе целой семьи со стадами и вереницей груженных верблюдов. Несколько самых общих указаний о местопребывании Тирессуэна было достаточно для девушки, выросшей в кочевье.

Красными воротами, пробитыми в сияние солнца, потянулось впереди глубокое ущелье. Массивные каменные столбы, высеченные древними волшебниками, шли чередой по обе стороны ущелья и загораживали весь мир своим гигантским частоколом. Косые выступы почерневших твердых плит перерезали каждый столб примерно на середине его высоты. Девушке казалось, что это стоят арабские воины, одетые в красные бурнусы с патронными перевязями через плечо... Заколдованные воины замерли в молча-

нии — сюда, на дно ущелья, не доходил неизменно свистевший по пустыне ветер. На каждом повороте вставали новые воины, и в этом их обязательном появлении было что-то угрожающее, невольное действовавшее на Афанеор. Она возвращалась к мыслям о том, что же случилось с Тирессуэном, раз он не смог примчаться к ней на своем Агельхоке. Что-то случилось! Тирессуэну надо удалиться от людей и дорог... Может быть, он провинился перед властями? Может быть, не следовало ему ездить в Россию, а ей — просить его? Скорей бы! Чем ближе к указанному ей месту, тем длиннее кажется путь и тише бег верблюда.

В дне ущелья выступали плиты камня. При таком крутом спаде ущелье не может быть длинным... Это тинрерт — боковой «приток» уэда. Скоро красные стены сделались серыми, понизились, разошлись в стороны, и Афанеор выехала в ираззер — главное «русло» уэда Тин-Халлен.

Уэд расстелился полосой плотного песка не меньше двух километров ширины, быстро расширявшейся к северо-западу, к впадине эрга Афараг. Весенние дожди пропитали песок водой — свежая трава, низкая и редкая, покрывала все просторное русло уэда. Издалека ее тонкие стебли придавали дну уэда вид пушистой шкуры, испещренной пятнышками синих, оранжевых и розоватых цветов. Ветер свободно разгуливал здесь, налетая могучим валом с запада. Нежная трава не могла просуществовать и недели под наливающимся злой силой весенним солнцем. Это эфемерное пастбище — ашеб — должно было исчезнуть раньше, чем к нему подошли бы стада. Солнце сильно склонилось к западу и теперь слепило глаза верблюду, по-прежнему бежавшему неторопливой широкой иноходью. Мехари сердился, вскидывал гордую голову с презрительно сложенными губами и, пронзительно вскрикивая, старался дать понять своей всаднице, что надо переменить направление. Но девушка, опустив покрывало на левый глаз, слегка дернула за поводную веревку, и желтошерстный бегун покорился. Ветер дул все сильнее, прижимая мягкую

траву к почве. Казалось, что гигантская рука гладит зеленую шерстку узда Тин-Халлен... Низкие, сильно разошедшиеся берега вдруг совсем потерялись — начался эрг Афараг. Несколько размашистых шагов верблюда — и, будто заколдованная, исчезла зеленючая трава.

Занесенная песком, изрытая бурями поверхность эрга казалась на всем огромном пространстве совершенно мертвой. Ветер озлобленно рвал, обнажая кое-где иссохшие корни или переметывая трухлявые остатки стеблей — призраки когда-то зеленевших здесь растений. Ни кустика тамариска, ни пучка дрина, ни тальхи... ничего живого. Свирепая засуха умертвила эрг. Афанеор сообразила, что Афараг сейчас надежное убежище для человека, не желающего лишних встреч. Солнце садилось в красной пылевой дымке западного горизонта, длинные тени ползли по необитаемой равнине, чередуясь с вспышками красного света на острых гребешках песчаных дюн, еще невысоких тут, неподалеку от устья узда.

Девушка устала и приуныла. Пугающим владычеством смерти веяло от громадного выжженного эрга, чувство одиночества стало гнетущим. Даже презрительный Талак замедлил свой бег, часто озираясь и сбиваясь на рывки. Ветер бросал в лицо горсти песчаной пыли, трепал одежду, бил по щеке краем покрывала. Тягостное предчувствие давило Афанеор. Чтобы отогнать невеселые думы, девушка отвернула лицо от ветра, стараясь перебить веселой песней его унылый свист. Афанеор не могла ехать ночью по незнакомому месту и разыскивать приметы, а ночлег тут одинок и уж очень печален... Что это с ней? Или пятисоткилометровый путь слишком утомил ее? Где-то здесь должна быть высокая, отдельно стоящая дюна — гурд... Надо ехать на нее и затем правее... О, аллах велик, то Тирессуэн!

Белый Агельхок был замечен на бледно-серой поверхности эрга только глазам кочевника. Девушка погнала своего верблюда. Талак, заметив собрата, пошел во весь опор, раскачиваясь так сильно, что моментами казалось, будто мехари свалится на бок.

Ветер донес зов Тирессуэна. Радостно прозвучал звонкий отклик Афанеор. Не помня себя, девушка прыгнула на землю не опуская верблюда. Башней вознесся над ней подлетевший Агельхок. Ноги белого мехари зарылись в песок, и Тирессуэн соскочил с седла. Афанеор была поднята сильными руками и прижата к патронным сумкам на груди туарега.

Эхен — кожаный шатер из шкур диких баранов, со столбом в центре, по обыкновению, был обмазан изнутри и снаружи светлой глиной. Надежно укрытый на окраине эрга, шатер Тирессуэна был велик, и девушка сразу поняла, что ее любимый пользовался помощью друзей. Друзья Тирессуэна — кто они? Какие они? Афанеор только сейчас спохватилась, что она не знает никого из близких ее жениха. С кем живет ее Иферлиль — с матерью, родственниками? Девушка знала, что отец Тирессуэна умер, утонув во внезапном наводнении, какие случаются в Сахаре после ливней...

Коротки были их свидания между поездками Тирессуэна. Она не успела ничего расспросить, слушая рассказы любимого и отвечая на его вопросы. И сейчас он вернулся из России... ему угрожает какая-то опасность! В конце концов не все ли равно, какие есть у него родственники и где он живет. Ее Тирессуэну покорна вся пустыня, а для нее нужен только он сам...

Холодная ночь высыпала ворохом леденящие далекие звезды. Тусклый огонек маленького костра едва мог согреть скудную пищу. Темнота ночи побеждала жалкий красноватый свет, необъятная пустыня стала невидимой. Двое молодых людей сидели во мраке перед лицом великого нового мира, открывавшегося им в словах и памяти Тирессуэна, в ответном воображении Афанеор. Туарег сбросил свое покрывало. В широкой синей рубаше без рукавов, туго стянутой у пояса, знаменитый проводник казался совсем юным. Горячее возбуждение от воспоминаний об увиденном покрыло темным румянцем его бронзовые щеки, заставило засветиться, как у мальчика, его суровые серые глаза.

Туарег говорил о том, как он поехал через Тидикельт и Ин-Салу в Аулеф, где находился большой аэродром. Огромный самолет, перелетевший море, доставил его в Марсель. Потом его везли в большом автобусе, связанном с целым десятком таких же. Вся связка неслась с чудовищной скоростью и поразительным грохотом. Он был привезен в небольшую гостиницу на окраине города, превосходившего своими размерами всякое воображение, около поля с целым эрг величиной, на котором день и ночь ревели такие громадные самолеты, что в них поместился бы десяток самых больших сахарских грузовиков. Не в пример другим туарегам, считающим, что всякое закрытое помещение — местопребывание злых духов, Тирессуэн не боялся комнаты. Хотя жизнь в гостинице угнетала его, он ожидал там в уединении и молчании три дня. Потом его посадили в один из огромных самолетов, и он снова летел, глядя вниз, но ничего не увидел, кроме бесконечного рега из белых облаков, в прорывах которых иногда блистала большая вода. Дважды садился самолет в каких-то неизвестных странах, но Тирессуэна не отпускали далеко от самолета. После короткого отдыха снова ревели моторы, и самолет опять поднимался за облака. Путь был совсем недолг — меньше дневного перехода. Самолет опустился в туман и сел на гладкое как таллак место, покрытое снегом. Стало очень холодно. Приветливо улыбавшиеся девушки, подобно служившим в самолете, только говорившие по-французски медленнее и понятнее, отвели его с пятерыми спутниками в холодный, как палатка, автобус и повезли в громаднейший город. Долго ехали они по улицам, покрытым снегом. Их привезли к большому серому дому на площади, украшенной статуей всадника на коне, а поодаль — неописуемо великолепным зданием из полированного серого камня с золотым куполом и высокими колоннами из цельных кусков красного гранита. Тирессуэн привык к домам и более не задыхался под потолками в клетке из каменных стен. Все же он не стал спать на мягкой кровати, вделанной в углубление стены, а улегся посреди комнаты на ков-

ре, где было прохладнее и больше воздуха. На следующий день его повезли через весь город к еще большому зданию тоже серого цвета, с широкими лестницами, наполненному шкурами невиданных зверей. Покупать эти шкуры съехались купцы разных стран, в том числе и те, которые доставили его сюда. Тирессуэн молча сидел в зале такой величины, что туда вместился бы дом губернатора в Таманрассете, наблюдая, как на необъятные столы вываливались связки шкур и седовласый человек что-то кричал, стучал молотком, а купцы писали и тоже кричали. Разве за этим приехал Тирессуэн? Что увидит он здесь, в доме шкур? Туарег медленно встал, оглянулся и, видя, что на него никто не обращает внимания, вышел. На лестнице к нему подскочил какой-то человек, показывая на стоявший поодаль черный автомобиль. Туарег отмахнулся от него и пошел пешком, осторожно и недоверчиво разглядывая встречающих. Тирессуэн старался запомнить дорогу между хмурыми громадами бесконечных каменных домов, таких высоких, что даже большие кипарисы в ущельях Тассили дез Аджер едва достали бы до крыш.

Прохожие встречали его изумленными взглядами — сразу видно было, что они никогда не видели туарегов. Но взгляды их были приветливы, молодые мужчины и женщины весело улыбались, мальчишки некоторое время бежали за ним, как это делают все мальчишки городов Сахары, Нигерии и Франции.

Его поразила одежда женщин — голову и шею они кутали в меха, оставляя обнаженными стройные, покрытые загаром ноги, не боявшиеся резкого сухого ветром.

Тирессуэн дошел до огромной реки. Исполинские мосты горбились над ней, позади высилось необычайно красивое желто-белое здание с золотой иглой, вонзившейся в низкое хмурое небо. Не обращая внимания на ветер, туарег пошел через мост и повернул по набережной. Река покрылась толстым льдом, местами изломанным и торчавшим остроугольными прозрачными глыбами, похожими на кристаллы горного хрусталя, которые находят в скалах Тефедеста. Ниже

второго моста река была свободна во всю ширину и быстро несла свою чистую воду цвета стали, покрытую рябью под ветром. Туарег облокотился на загородку из глыб красного камня, закурил и начал раздумывать. Громадный город был прекрасен особенной, хмурой красотой. Люди, в нем жившие, казались приветливыми и не сердитыми, но крепче всякого забора отделяло от них Тирессуэна незнание языка и обычаев. Кочевник Сахары, тысячи раз пускавшийся в одиночку в самые далекие поездки по мертвым пространствам пустыни, почувствовал себя здесь забытым, чуждым всему и никому не нужным. Даже мехари не было с ним, чтобы разделить его бесконечное одиночество...

Вот она перед ним, легендарная страна русских, мечта его Афанеор. Но что же он расскажет, вернувшись в Сахару? Бесполезен его сказочный путь по воздуху, бесполезны усилия, приложенные, чтобы попасть сюда.

Французы хитры — они сначала не хотели пускать его, потом разрешили поехать на четыре дня с купцами, засевшими в доме шкур. Они знали, что он ничего не поймет, не узнает, не поговорит ни с одним человеком. Афанеор просто сказала: «Поезжай, посмотри и расскажи, что увидел!» А что он увидел?

Тирессуэн осмотрелся. Город, стынувший на морозном ветру, был запорошен чистым белым снегом — праздничным цветом Сахары. Там, на юге, белое трудно сохранять таким безупречно чистым — это стоит дорого: белоснежные дворцы и дома, автомобили, ковры и циновки. Самые лучшие мехари тоже чисто белые... А здесь белый снег щедро сыплется с неба и не тает, придавая всему нарядный и богатый вид! Небо — низкое, будто потолок в большом доме, — сплошная пелена серых туч. Поразительно, но небо здесь более темное, чем земля в ее праздничном наряде!

Нежный сумеречный свет, рассеянный, будто жемчужный, трогательно мягкий, ласкающий, а не убивающий человека, настраивающий его на тихое, груст-

ное размышление. Ночь наступает здесь рано, тянется долго, но она гораздо светлее, чем ночи Сахары, хотя тяжелые облака лишают ее звезд и луны.

Эта страна — полная противоположность пламенной пустыне, сгорающей в неистовом буйстве солнца, сухой и каменистой, ночью тонущей в черной тьме бесконечного пространства под шатром серебристых звезд или сплошь залитой ярким светом луны, накладывающей на все кругом печать волшебства и несбыточных грез...

Тирессуэн закурил снова и повернул к гостинице близ храма с золотым куполом. Туарег закоченел: несмотря на всю его закаленность, одежда была слишком легкой для такой холодной страны. Кончился день — четверть всего срока его пребывания в России. Едва он появился в нижнем зале, как к нему подошла маленькая девушка, служившая переводчицей для приезжавших французов. Широко расставленными глазами и мелкими кудряшками светлых волос она напоминала туарегу молодую овечку. Кочевник, с молоком матери всосавший любовь к домашним животным, никогда не евший их мяса, может быть, потому относился к переводчице с симпатией. Волнуясь, девушка стала говорить Тирессуэну. Она заметила полную отрешенность туарега от торговых дел и поняла, что он приехал просто посмотреть ее страну. Однако он очень плохо знает французский язык, и, чтобы помочь ему в знакомстве со страной, нужен человек, знающий арабский. Языка туарегов, прибавила девушка, она думает, никто здесь не знает. Но ее друг изучает арабский язык, был в Египте и сможет быть полезным Тирессуэну. В тот же вечер явился молодой веселый человек с рыжими волосами и лицом, усеянным, несмотря на зиму, веснушками. Французские спутники туарега отнеслись к новому знакомству неодобрительно. После ухода студента они до ночи объясняли ему козни коммунистов и их умение обманывать и опутывать неопытных людей. Но в конце концов навязанный им туарег только мешал. Они были довольны, что его смогут занять осмотром Ленинграда и они избе-

вятся на оставшиеся три дня от сурового чужака, который не пил вина, ничего не смыслил в еде и почти все время молчал. На следующее утро студент явился за Тирессуэном. Судьба помогла ему, одинокому и невежественному страннику, хоть немного узнать страну, в которую он попал по просьбе Афа-неор...

Туарег замолчал и задумчиво стал подгребать несгоревшие стебли на середину костра. Ветер упал — подошел самый поздний, предрассветный час безлунной ночи, когда ложится лошадь и встает верблюд. Звезды померкли, будто стихший ветер перестал раздувать их огоньки, и на небе едва обозначилась уходящая за горизонт волнистая поверхность эрга. Афа-неор воспользовалась задумчивостью Тирессуэна и задала ему вопрос, который сейчас интересовал ее больше всего.

— Это очень важно, — нахмурился Тирессуэн, — и я должен был бы пояснить тебе ранее, но увлекся рассказом. Большая беда надвигается на нас, худшая, чем голод, засуха или война!

— Что же может быть хуже всего этого?

— Помнишь, у могилы дочери Ахархеллена наши думы? Как мы, туареги, сделались владыками пустыни? Ценой отрешения от благ оседлой жизни, закаленным во множестве поколений, привычным к лишениям, скудной пище, жаре и холоду, нам удалось победить пустыню и сделать ее местом своей жизни, недоступным гораздо более многочисленным и могущественным народам. Сравни нас с жителями оазисов — те измождены нездоровым воздухом, поголовно больны лихорадкой, запуганы. В тесноте они начинают и кончают свою жизнь. То же я видел на берегах Нигера, и правы наши отцы, говорившие: «Бойся страны без скал, где растут большие деревья, — там ты умрешь, а с тобой твой верблюд». Теперь подходит расплата: отказавшись от оседлой жизни, мы отбросили и возможность получить большое знание и остались такими же простыми воинами и скотоводами, какими были предки наших предков...

— Но ты ведь учился во французской школе, усвоил их мудрость! — не сдержалась девушка.

Тирессуэн рассмеялся и ласково убрал со щеки Афанеор непослушный завиток ее иссиня-черных волос.

— Меня только выучили говорить на их языке, и то плохо. Может быть, я неспособный? Французы не верят нам, они следят за нами, всегда судят о нас с подозрением... По-своему они правы! Но все знания о мире и жизни были в их руках, ибо только через них мы узнавали дорогу к мудрости мира. Теперь я понял, какая большая беда, если дорога к знанию находится во власти военных начальников, преисполненных лжи и трусости! Мы можем знать лишь то, что разрешат нам! И мы живем на острове невежества среди громадного мира, в котором, как в пустыне после дождей, бурно растет могущество знания.

— Только в этом беда? — ласково усомнилась Афанеор. — Уйдем с тобой через Ливийскую пустыню к арабам — там, говорят, новые государства, освободившиеся из-под власти европейцев. Там ты получишь знания и... научишь меня. И мы вернемся, чтобы показать этот путь всем. Кто удержит верблюда в песках или туарега в пустыне?

— Беда в другом! Придуманно небывалое оружие — бомба, которую сами европейцы называют адской. Взрыв ее может уничтожить в мгновение ока самый большой город, такой, как Париж или город Ленина, в котором я был в России. Мало того. После взрыва на сотни и даже тысячи километров разносится ужасная отравка. Она проникает в кости человека, заставляет его умирать в мучениях, лишает силы. Она делает мужчин и женщин бесплодными, а нерожденных детей — уродами. Никто не может спастись от яда — он в земле и воздухе, в огне и воде, в пище, даже в молоке матери!

Афанеор в испуге отшатнулась.

— Это так ужасно, что кажется сказкой о злобных джиннах!

— Горе, но это правда! Джинны действительно

создали эту страшную штуку. Весь мир в большой опасности, а теперь эта опасность подошла и к нам. Чтобы сделать эти бомбы еще страшнее и ядовитее, они устраивают пробы. Для этого выбирают пустынные, не нужные им места, отдавая их в жертву отраве, и вот французы выбрали Сахару!

— Но ведь не будут делать пробу там, где есть люди?

— Нет, конечно. Я думаю, что они возьмут самую мертвую местность пустыни.

— Танезруфт?

— Нет, там проходит большая автомобильная дорога в страну черных. Они, наверно, выберут пустыню Тенере или рег Амадрор — я не знаю, только думаю так!

— Но там и в самом деле никого нет!

— Но яд разнесется оттуда по всей Сахаре!

Афанеор опустила голову и молчала. Тирессуэн закурил, устремив взор в розовую мглу, заливавшую эрг с востока. Девушка, помолчав, сказала:

— И ты, узнав об этом, рассказал другим? И за это военные стали преследовать тебя?

Туарег кивнул, зорко взглянув на Афанеор.

— И ты чувствуешь, что обязан это делать... я то же сделала бы на твоём месте и... буду делать с тобой или одна!

Тирессуэн порывисто поднялся.

— Ты хочешь мне помочь? Ты будешь со мной? Это так хорошо, что даже трудно сказать. Французы — они думают, что наши женщины такие же пленницы мужчины, какими они представляют себе арабков! Поэтому ты не будешь у них на подозрении, а то, что знают женщины, будут знать все!

— Да, я постараюсь — и дети узнают от матерей, мужчины — от возлюбленных, внуки — от бабушек!

— Но ты будешь в большой опасности. Если узнают, то не пощадят тебя!

— А ты что хочешь делать? — упрямо нахмурилась девушка. — Расскажешь все... а потом? У французов — броневики, самолеты, они сотрут с лица зем-

ли горстку туарегов... Неужели возможно сопротивление?

— Сопротивляться безнадежно — пустыня вся открыта с воздуха, и мы на ней как на ладони для самолетов. Но весь народ уничтожить не дадут — это я тоже узнал! Теперь другое время, и каждая страна уже не может делать все, что хочет, в своих владениях. Есть собрание союза стран, есть твоя заветная Россия — она уже выступала на защиту арабов. А мы не дадим привезти ядовитую бомбу ни в Тенере, ни в Амадрор! В пустыне есть тайные источники, не отмеченные на французских картах, есть и хорошие убежища. Если аллах судил нашему народу умереть, то он умрет с оружием в руках, а не подохнет от страшной отравы, как облезлый пес жителя оазиса!

Девушка прильнула к Тирессуэну, обвивая его шею своими смуглыми тонкими руками.

— Ты дашь мне, — ее горячее чистое дыхание ласково коснулось лица туарега, — это... — девушка показала на винтовку, прислоненную к опорному столбику шатра, — я умею стрелять!

— Потом! Сейчас нужнее твое слово и твои песни.

— Я поняла! Но как ты узнал о низком деле, задуманном французами? В России? «Поселитесь под крышей в городе, и низость войдет в ваши сердца!» — верна старая поговорка.

— Нет! Была верна для прадедов в маленьком нашем мире! Я узнал обо всем не в России — во Франции. И там есть люди, много людей с чистыми сердцами. Они защищают нас, они пишут, кричат, рисуют — делают все, чтобы не дать отравить Сахару. И еще множество людей во всех странах...

— Тогда почему же не запретят совсем эти адские бомбы?

— Есть страны, где народ под гнетом власти, тем более сильной, чем выше стало могущество оружия. Когда-нибудь, если смертельная опасность наступит им на горло, народы поднимутся, презирая смерть, и никакое оружие не спасет зарвавшиеся власти. Найдут самую глубокую на земле пещеру и закопают там навсегда ужасное порождение злых джинов.

— А сейчас?

— Прости их, они не воины! Еще очень плохо — людям так много лгали, что они не верят друг другу более, не верят никому, хотя бы тем, кто пришел открыть им глаза и спасти их. Это самая большая беда для народов Европы.

— О да! Лучше сто раз ошибиться, поверив в благородную сказку, чем отвергать все, стараясь быть умнее сердца! Но что же увидело твое сердце в России? Теперь я знаю о тебе, иду с тобой, но ты мне не сказал еще всего о путешествии...

— Очень поздно. Завтра мы поедем к ихаггаре-нам твоего племени. Путь длинен, и ты узнаешь все, что я видел!

Верблюды выбрались из узда и пошли по длинной гряде над морем высоких дюн. Острые, изогнутые верхушки песчаных холмов были окрашены солнцем, как тысячи кривых сабель из сверкающего золота, разбросанные по равнине. Горячий ветер немного умерял зной солнечных лучей, лившихся на землю потоками огня. Мехари не любят бежать вплотную. Тирессуэну приходилось напрягать голос, продолжая свои рассказы. Под свист ветра пустыни он говорил о молодом друге из русского города, который не задавал ему назойливых вопросов, какими досаждали ему французские газетчики. Он охранял Тирессуэна от излишнего любопытства, вызываемого его необычным нарядом, и старался лишь показать ему побольше.

Туарег запомнил посещение громадного завода, где люди в промасленных костюмах ловко повелевали непонятными машинами. Металлическая пыль въелась в их лица и руки, отчего все они казались более черными, чем другие люди русского народа. Там, где плавили сталь, работа показалась туарегу достойной духов ада — джиннов. Но там были не джины, а приветливые люди, которые встречали Тирессуэна так просто и открыто, что туарегу казалось, будто он давно знает их.

Тирессуэн запомнил также гигантский дворец, на-

полненный картинами. Туарег долго шел по бесконечным высоким залам, увешанным картинами от пола до потолка. Картины походили одна на другую, изображая темными, тусклыми красками людей громадных размеров, почему-то голых, некрасивых, с дряблыми и рыхлыми телами. Эти люди то убивали друг друга, то униженно валялись в ногах у свирепых владык, то объедались невероятным количеством пищи. Нередко на картинах, размерами больше эхена, была изображена только пища — отвратительные груды зарезанных животных, мерзких рыб и больших пауков, фрукты и хлебы...

Недоумевающий Тирессуэн попросился уйти отсюда скорее, но юноша, весело смеясь, повел его дальше. Они проходили по красивым, как в раю, мраморным белым лестницам, между высокими колоннами из розового или строго-серого полированного камня. Он видел комнаты, сплошь отделанные темным деревом или пластинками прекрасного голубовато-зеленого камня, оправленного в золото (бронзу, как сказал его спутник-студент). Белые статуи нагих женщин чудесной красоты стояли и лежали в галереях и казались вылепленными из затвердевшего неяркого света, лившегося от серого неба через громадные, наглухо закрытые стеклами окна...

Окончательно примирил Тирессуэна с дворцом северного города зал в самой глубине сказочного здания. Отделанные серебряной краской белые полированные стены казались жемчужными. Высоко вверх уходили круглые арки, с которых свисали сверкающие люстры из тысяч граненых кусочков хрусталя, переливавшихся всеми цветами радуги. Блестел гладкий пол из кругов серого и белого мрамора. В нишах справа и слева по резным из мрамора раковинам, вделанным в стены, прозрачными каплями спадала вода. Во всех стенах были вставлены большие зеркала не с обычным резким мертвым блеском, а бледного, чуть сероватого отлива, который дает лишь настоящее серебро. Высокие окна выходили на широкую реку. Простор льда и снега и свет неба за окном соединялись в одно с серебряно-белым хрустально-зер-

кально-мраморным залом. Это было такое неопишимо чудесное зрелище, что туарег долго стоял в молчании, и его проводник забеспокоился. Тирессуэн почувствовал, что через этот зал он впервые вошел в душу северной страны. Туарег понял неведомых строителей и их великую любовь к этому прозрачному миру бессолнечного жемчужного света, холода и чистоты, такой высокой, что она казалась неземной...

Афанеор вскрикнула от восхищения, и Тирессуэн вернулся к действительности. Далеко вперед уходила золотисто-бурая пустыня, и двумя слепящими пятнами горели поодаль маленькие озера.

— А наши мераяа, — воскликнула девушка, — отдают тот же могучий свет, какой низвергает солнце нашей страны! И в нем понятная нам красота и сила...

— У нас свет слишком беспокойный. Он не дает думать, сосредоточиться, чувствовать, так же как дышать — глубоко и долго. Здесь человек размышляет, поет, собирает мудрость и счастье по ночам, там, на севере, это делают днем, и времени на труд и мысли у них больше...

— И потому они достигли большей мудрости и искусства, чем мы! — добавила Афанеор.

Тирессуэн остановил мехари.

— Здесь надо повернуть на восток, туда, — он показал на отдаленный горный уступ — один из северных отрогов Тефедеста, окутанный в дымку горячего воздуха, невероятно искажавшую его очертания.

— Там проходит автомобильная дорога, — продолжал туарег, — и мы пересечем ее ночью. Сейчас найдем убежище на время полудневной жары. Поедем направо и спустимся в аукер...

Афанеор лежала на жестком верблюжьем одеяле и слушала Тирессуэна под аккомпанемент стонов, вздохов и треска, похожего на хлопанье бича. Это звучали камни, лопавшиеся от солнечного нагрева, — хор жалоб мертвой материи на неумолимое разрушение.

Тирессуэн продолжал говорить о России. Мошь памяти человека побеждала природу и переносила

Афанеор за тысячи километров, в страну, где впервые побывал человек Сахары.

В день посещения серебряного зала — третий, предпоследний день его пребывания — к проводнику Тирессуэна присоединились еще трое молодых людей. Они повели туарега вечером на ахаль — музыкальное собрание в особом храме, который был так же огромен, как и все, что встречалось Тирессуэну в городе Ленина. Тысячи людей участвовали в собрании, но только как зрители. На ахальях в России поют и танцуют тщательно обученные и особенно одаренные люди, которые живут на деньги, полученные за право присутствия на собрании.

За Тирессуэна заплатили его провожатые и усадили его в белом ящике, отделенном от всего зала обитой красным бархатом загородкой. Провожатые объяснили туарегу, что здесь собрался вовсе не весь город, а меньше тысячной части его взрослых жителей. Количество людей вселяло в Тирессуэна удивление, смешанное со страхом. Если бы собрать всех взрослых людей племени кель-ахаггаров, то они поместились бы в этом белом зале, отделанном резной позолотой и красным бархатом...

Спутник Тирессуэна стал объяснять представление — сказку о девушках, превращенных в лебедей злым волшебником и освобожденных любовью юноши к царице лебедей. Туарег понял из объяснений, что лебеди — это большие белые птицы, похожие на гусей, только более величественные и красивые. Тирессуэну приходилось слышать и видеть диких гусей, пролетавших над западной частью Сахары.

Потух свет. Оркестр из сотни людей с какими-то сильно и красиво звучащими инструментами начал пленившую туарега музыку. Звонким призывом грянули серебряные трубы. Тревожные и тоскливые потянулись в бесконечную даль зовы, будто в самом деле прощальные крики летящих гусей. Они слабели и становились все более звенящими, теперь напоминая Тирессуэну те таинственные, зачаровывающие звуки, означавшие для некоторых людей их смертный час — пение песков перед сильной песчаной бурей. Слышал

их и Тирессуэн — звонкие вопли серебряных труб, несущие оцепенение и сознание обреченности. Здесь же могучие трубы подхватывали и несли как на крыльях, томили ожиданием чего-то прекрасного и тревожного. Скрипки хором поддерживали их стремление и превращали его в вихрь бурных чувств — исканий и непокая...

Туареги — музыкальный народ, и Тирессуэн, впервые узнав, что на свете есть такая музыка, забыл о самом себе.

Ожидавший несколько насмешливо европейского ахалая, думая, что европейцам несвойственно увлечение сказочными фантазиями, распространенными среди кочевников Сахары, туарег был захвачен врасплох и побежден русской музыкой.

Все было необыкновенно в поразительном представлении — и яркие сцены придворных балов и замечательные декорации, делающие сказку действительностью. Но туарег весь превращался в слух и внимание и не мог отвести глаз от девушек-лебедей и их царцы. Раньше Тирессуэн видел в Бу-Сааде знаменитых танцовщиц племени улед-наиль с гор Любви — девушек, о которых по всей Африке говорят, что у них глаза, как огненные мухи, ноги газелей, а животы подвижнее и быстрее, чем язык хамелеона. Танец живота выражал неутомимость и гибкость, поразительную подвижность всех мышц тела, яростные, почти гневные порывы чувств и также удивлял поразительным искусством. Но туарег не мог представить, чтобы искусство танца могло быть доведено до такого совершенства. Стройные девические тела в тысячах отточенных движений выражали все оттенки чувств, владеющих человеком. Не надо было даже слышать музыки, чтобы понять происходящее. Тирессуэн видел, что красота человеческого тела может быть такой же чистой и светоносной, как беломраморные создания искусства, виденные им во дворце-музее. Нет, неверно, во сто раз более прекрасной, потому что здесь — сама жизнь в неисчерпаемом богатстве движения ее гибких форм!

Музыка и танец сливались воедино... Протяжное

и грустное пение скрипки улетало ввысь, как луч одинокой звезды, и белая девушка-лебедь тоже стремилась унести за ним в томлении пробуждающейся любви и тоске, что не сможет осуществиться запрещенная ей страсть...

И звенящая музыка, и прозрачный свет над ночным озером, и белые девушки-птицы сливались в такую же гармонию хрустально-серебряной белизны, как необыкновенный зал во дворце странных картин, как сам заснеженный северный город на широкой заледенелой реке.

Другая музыка, такая же певучая, но более глухая и низкая, остерегающая проскальзывавшими недобрыми нотами резкого диссонанса, сопровождала танец черного лебедя. Обтянутое черным бархатом точеное тело девушки изгибалось в призыве темных чувств, прорвавшихся в насмешливо-торжествующей музыке удавшегося обмана... Размеренно стонала и билась в отчаянии мелодия утраченной надежды и обреченности, легкие взлеты скрипок отражали певучие жалобы девушек-лебедей, склонявшихся перед судьбой в голубом лунном свете...

И возрождение былой любви в том же звездном стремлении поющих скрипок, закончившееся победой над глухими диссонансами обмана и насилия...

Тириессуэн был потрясен невиданным музыкальным собранием. Кристально-чистую музыку сопровождал столь же совершенный, как граненый самоцвет, танец. Ритмически сменявшиеся позы царицы лебедей чудились туарегу буквами таинственного тифинара, вешавшими ему особенную, полную неожиданностей судьбу. Ему трудно было поверить, что девушки-лебеди — простые смертные, а не волшебницы или гурии, ниспосланные с неба в северную страну. Провожатые уверяли туарега, что единственным отличием танцовщиц от всех других людей было лишь долгое — с пятилетнего возраста — обучение искусству танца.

Тириессуэн попросил показать ему одну из этих девушек, а если бы это было возможно, то он мечтал бы поглядеть на саму царицу лебедей. Провожатые посоветовались и обещали, что попросят ее об этом зав-

тра, но не теперь, после трудного представления. Тирессуэн напомнил, что завтра — конец его пребывания в России. Но молодые люди не обманули его. Туарега пригласили на поездку в парк на острова, и сама царица лебедей согласилась принять в ней участие. Тирессуэн изумился, увидев невысокую светловолосую девушку, такую простую и скромную, что с первого взгляда он не мог найти в ней ничего общего со вчерашней волшебницей танца и красоты. Серое толстое пальто, перехваченное в талии широким поясом, задорная детская шапочка на густых светлых стриженных волосах, большие, чуть грустные серые глаза... Только необычайные изящество и легкость движений, какая-то не покидавшая девушку внутренняя сосредоточенность могли подсказать наблюдательному взору, что перед ним — выдающаяся артистка. Душевный огонь, сделавший девушку царицей лебедей, как бы просвечивал изнутри, выдавая долгие годы физической и духовной тренировки, воздержания в пище и удовольствиях — то, что было близким и понятным туарегу.

Автомобиль шел вдоль неоглядной снежной равнины, как сказали потом — замерзшего моря, под раскидистыми соснами с красно-лиловой корой. Потом они шли пешком по протоптанным в снегу тропинкам и попали в рощу огромных серебристо-белых деревьев. Всюду, куда только хватает взгляд, стояли белоснежные, украшенные черными штрихами стволы. Тонкие черные веточки наверху были без листьев. Они опали в долгое и суровое холодное время года...

Внезапно покров тяжелых туч распахнулся, открыв небо очень яркой голубизны. Солнце зажгло миллионами сверкающих искорок крупный, нетронутый ветрами снег.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула царица лебедей, и Тирессуэн обернулся, поняв восклицание чужого мелодичного языка. Девушка показывала вверх.

Заледенелые белые деревья начали оттаивать. Высоко, в ясном голубом небе их ветви переплелись серебряной, унизанной жемчугом пряжей. На гибких веточках повисли капли воды — в солнце они горели

алмазами над другими темными и колючими деревьями, покрытыми пухлыми тюрбанами снега.

Вдруг сверкающая, шатром раскинутая в бездонной голубизне жемчужно-серебряно-алмазная сеть угасла. Низко опустилось закрывшееся облаками небо, более темное, чем земля. Зелень колючих конических деревьев сделалась совсем черной. Призрачными полосами убегали вдаль голые кустарники. Крупные блестящие хлопья падали медленно, крутясь в безветренном воздухе, полные немислимого в Сахаре покоя.

Но ярче созданного морозом алмазного шатра за-светились серые, ясные девичьи глаза, поднятые к Тирессуэну. Снежинки блестящим венцом легли на выбившиеся из-под шапки волосы, таяли на кончиках длинных ресниц, на алом изгибе губ.

Свежий особенный запах тающего снега шел от раздумывавшегося лица, а напоенные морозным воздухом волосы издавали теплый аромат жизни. И туарег, любясь этой чужой и бесконечно далекой девушкой, ощутил контраст холодной зимней красоты, сотканной бесплотным светом, и человеческой живой прелести. Теперь Тирессуэн понял все до конца. Бессолнечная и холодная страна, засыпанная снегом, скованная морозом, порождает таких же живых, горячих людей, полных стремления к прекрасному и способных создавать его, украшая жизнь, как и пламенная сухая земля юга. Права была дочь Ахархеллена, устремляя свои мечты вслед за Эль-Иссей-Эфом к России. Трудно было жить русским в такой суровой земле, но они не ушли никуда от своей доли, как то сделали и предки туарегов. Они закалили тело и душу в морозной белизне севера, как туареги — в пламенной черноте гор и равнин Сахары! Вот почему душа русского человека смотрит глубже в природу и чувствует богаче, чем душа европейца, вот почему Эль-Иссей-Эф так хорошо понимал кочевников пустыни, а те — его!

Четыре дня в России пролетели мгновенно, но он все же успел почувствовать, понять страну сердцем,

а не разумом, как то и советовала ему Афанеор. Он вернулся вестником правоты дочери Ахархеллена!

Тирессуэн умолк и закурил, вновь переживая все, врезавшееся в его острую память. Афанеор молчала, лежа у ног Тирессуэна, пока тот не погладил ее расстрепавшиеся волосы. Девушка подняла к нему свои огненные глаза и смущенно спросила:

— Они очень красивы?

— Кто?

— Девушки-лебеди и она... их царица?

Туарег рассмеялся.

— Очень красивы. И в жизни и в музыкальном со-
брании. Красивы так, что трудно поверить. Но мою черную, насквозь сожженную солнцем Афанеор я не отдам за всех них. Ты сама мое солнце, и такое же пламенное, какое оно здесь, на нашей с тобой земле. Ты моя избранница, а значит, лучше всех женщин на земле, хотя их очень много и все они разные. Но я люблю тебя и жизнь буду делить только с тобой!

Ночь была безлунной и безветренной, как там, на далеком севере. Но воздух пустыни был прозрачен, как темный свет, и вечно безоблачное небо приближало звезды к земле, отчего земля как будто сливалась с бесконечным пространством. Когда-то очень давно древние египтяне поклонялись всеобъемлющему пространству, называя его Пашт, и всепоглощающему времени — Шебек. Оба божества олицетворялись пустыней. Современные обитатели Сахары не знали об этом, но, как и древние египтяне, чувствовали свою связь с бесконечностью пространства и времени, уносясь взором и мыслью в ночную пустыню...

Белый и желтый мехари отдувались после долгого бега, медленно поднимаясь на широкий уступ отрога Тефедеста.

— Сегодня ночь холодного огня! — воскликнула Афанеор, проводя рукой по шее своего верблюда и вызывая этим множество голубых искр.

Электрические ночи нередки весной в горах Сахары. Чем выше поднимались всадники на гору, тем

сильнее сыпались искры с шерсти животных и с их собственной одежды. Тирессуэн остановил мехари, сбросил головное покрывало и прислушался. Издалека, с дороги, которую они только что пересекли, нарастал мерный грохот. Разлилось, приближаясь, сияние автомобильных фар. Девушка хотела спешиться и положить верблюда, но туарег остановил ее.

— Они ослеплены собственным светом!

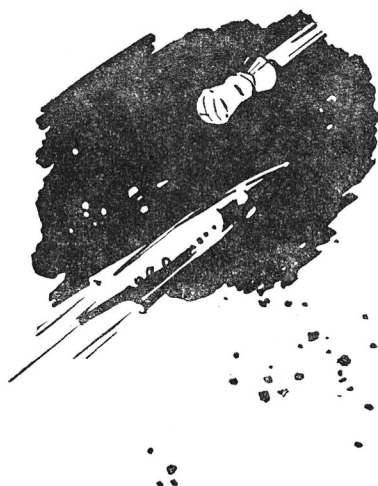
Внизу, из-за поворота, вынырнула первая машина. Длинная, на шести высоких колесах, с низким корпусом из броневых плит, она отличалась от своих мирных собратьев, как отличается крокодил от рабочего быка. Что-то рептильно-злое и тупое было в ее плоской передней части с горящими, широко расставленными фарами и боковым прожектором. Броневая машина металась по извилистой дороге, хлеща фарами по сторонам, будто выслеживая кого-то. Следом один за другим появлялись такие же крокодилообразные броневики, так же металась из стороны в сторону и уносились к югу в клубах золотившейся в свете их фар пыли. Глухо, назойливо и упрямо ревели моторы, громко шуршали по щебню широкие шины, угрожающе торчали вперед дула пулеметов и скорострельных пушек. Сила Запада, непреклонная и безжалостная, тянулась стальной вереницей по пустыне. Афанеор тревожно посмотрела на Тирессуэна и замерла. Голубое холодное пламя обтекало туарега с головы до ног, струилось по верблуду, горело высокими огнями на ушах и носовой палочке мехари. Бронзовое лицо туарега в рамке голубого свечения казалось отлитым из чугуна и приобрело нечеловеческую четкость и твердость. Тирессуэн почувствовал взгляд девушки и положил на ее отставленный локоть свою сильную руку. Афанеор взглянула и поняла, что сама облита таким же голубым огнем.

«Не боишься?» — без слов, взглядом спросил ее туарег.

«Нет!» — так же ответила Афанеор.

Два всадника на высоких, как башни, верблюдах стояли между черных скалах, над проползавшей внизу вереницей броневиков.

COR SERPENTIS (СЕРДЦЕ ЗМЕИ)

Сквозь туман забытья, обволакивающий сознание, прорвалась музыка. «Не спи! Равнодушие — победа Энтропии черной!...» Слова известной арии пробудили привычные ассоциации памяти и повели, потащили за собой ее бесконечную цепь.

Жизнь возвращалась. Громадный корабль еще содрогался, но автоматические механизмы неуклонно продолжали свое дело. Вихри энергии вокруг каждого из трех защитных колпаков остановили невидимое вращение. Несколько секунд колпаки, похожие на большие улы из матового зеленого металла, остава-

лись в прежнем положении, затем внезапно и одновременно отскочили вверх и исчезли в ячейх потолка, среди сложного сплетения труб, поперечин и проводов.

Два человека остались недвижимы в глубоких креслах, окруженных кольцами — основаниями исчезнувших колпаков. Третий осторожно поднял отяжелевшую голову и вдруг легко встряхнул темными волосами. Он поднялся из глубины мягчайшей изоляции, сел и наклонился вперед, чтобы прочитать показания приборов. Они во множестве усеивали наклонную светлую доску большого пульта, протянувшегося поперек всего помещения в полуметре от кресел.

— Вышли из пульсации! — раздался уверенный голос. — Вы опять очнулись раньше всех, Кари? Идеальное здоровье для звездолетчика!

Кари Рам, электронный механик и астронавигатор звездолета «Теллур», мгновенно повернулся, встретив еще затуманенный взгляд командира.

Мут Анг, с усилием двигаясь, облегченно вздохнул и встал перед пультом.

— Двадцать четыре парсека *... Мы прошли звезду. Новые приборы всегда неточны... вернее, мы плохо владеем ими... Можно выключить музыку. Тэй проснулся!

Кари Рам услышал в наступившей тишине лишь неровное дыхание очнувшегося товарища.

Центральный пост управления звездолета напоминал довольно большой круглый зал, надежно скрытый в глубине гигантского корабля. Выше пультов приборов и герметических дверей помещение обегал синеватый экран, образуя полное кольцо. Впереди, по центральной оси корабля, в экране был вырез, в котором находился прозрачный, как хрусталь, диск локатора диаметром почти в два человеческих роста. Огромный диск как бы сливался с космическим пространством и, отблескивая в огоньках приборов, походил на черный алмаз.

* Парсек — единица измерения звездных расстояний = 3,26 светового года.

Мут Анг сделал неуловимое движение, и тотчас все три человека, находившиеся в посту управления, почти одинаковыми жестами прикрыли глаза. Колоссальное оранжевое солнце загорелось с левой стороны на экране. Его свет, ослабленный мощными фильтрами, был едва переносим.

Мут Анг покачал головой.

— Еще немного, и мы пронеслись бы через корону звезды. Больше не буду прокладывать точного курса. Гораздо безопаснее пройти стороной.

— Тем и страшны новые пульсационные звездолеты, — ответил из глубины кресла Тэй Эрон, помощник командира и главный астрофизик. — Мы делаем расчет, а затем корабль мчится вслепую, как выстрел в темноту. И мы тоже мертвы и слепы внутри защитных вихревых полей. Мне не нравится этот способ полета в космос, хотя он и быстрее всего, что могло придумать человечество.

— Двадцать четыре парсека! — воскликнул Мут Анг. — А для нас прошел как будто миг...

— Миг сна, подобного смерти, — хмуро возразил Тэй Эрон, — а вообще на Земле...

— Лучше не думать, — выпрямился Кари Рам, — что на Земле прошло больше семидесяти восьми лет. Многие из друзей и близких мертвы, многое изменилось... Что же будет, когда...

— Это неизбежно в далеком пути с любой системой звездолета, — спокойно сказал командир. — На «Теллуре» время для нас идет особенно быстро. И хотя мы забираемся дальше всех в космос, вернемся почти теми же...

Тэй Эрон приблизился к расчетной машине.

— Все безупречно, — сказал он несколько минут спустя. — Это Кор Серпентис, или, как его называли древние арабские астрономы, Унук аль Хай — Сердце Змеи.

— А где же ее близкий сосед? — спросил Кари Рам.

— Скрыт от нас главной звездой. Видите, спектр К-ноль. С нашей стороны — затмение, — ответил Тэй.

— Раздвиньте щиты всех приемников! — распорядился командир.

Их окружила бездонная чернота космоса. Она казалась более глубокой, потому что слева и сзади горело оранжево-золотым огнем Сердце Змеи, затмившее все звезды и Млечный Путь.

Только внизу, споря с ней, сияла пламенем белая звезда.

— Эпсилон Змеи совсем близко, — громко сказал Кари Рам.

Молодой астронавигатор хотел заслужить одобрение командира. Но Мут Анг молча смотрел направо, где выделялась чистым белым светом далекая и яркая звезда.

— Туда ушел мой прежний звездолет «Солнце», — медленно проговорил командир, почувствовав за своей спиной выжидательное молчание, — на новые планеты...

— Так это Альфекка в Северной Короне?

— Да, Рам, или, если хотите европейское название, Гемма... Но пора за дело!

— Будить остальных? — с готовностью спросил Тэй Эрон.

— Зачем? Мы сделаем одну-две пульсации, если убедимся, что впереди пусто, — ответил Мут Анг. — Включайте оптические и радиотелескопы, проверьте настройку памятных машин. Тэй, включите ядерные моторы! Пока будем двигаться на них. Дайте ускорение!

— До шести седьмых световой?

И в ответ на молчаливый кивок командира Тэй Эрон быстро проделал необходимые манипуляции. Звездолет даже не вздрогнул, хотя ослепительное радужное пламя полыхнуло во весь обзор экранов и совсем скрыло слабые звезды ниже сверкающего Млечного Пути. Среди тех звезд было и земное Солнце.

— У нас несколько часов, пока приборы завершат наблюдения и окончат четырехкратную проверку программы, — сказал Мут Анг. — Надо поесть, потом каждый из нас может уединиться и отдохнуть немного. Я сменю Кари.

Звездолетчики вышли из центрального поста. Кари Рам пересел во вращающееся кресло посредине пульта. Астронавигатор закрыл кормовые экраны, и пламя ракетных моторов исчезло.

Огненное Кор Серпентис продолжало мерцать дерзкими отблесками на бесстрастной полировке приборов. Диск переднего локатора оставался черным, бездонным колодезцем, но это не смущало, а радовало астронавигатора. Расчеты, занявшие шесть лет труда могучих умов и исследовательских машин Земли, оказались безошибочными.

Сюда, в широкий коридор пространства, свободного от звездных скоплений и темных облаков, был направлен «Теллур» — первый пульсационный звездолет Земли. Этот тип звездолетов, передвигавшихся в нуль-пространстве, должен был достигнуть гораздо больших глубин Галактики, чем прежние ядерно-ракетные, анамезонные звездолеты, летавшие со скоростью пять шестых и шесть седьмых скорости света. Пульсационные корабли действовали по принципу сжатия времени и были в тысячи раз быстрее. Но их опасной стороной было то, что звездолет в момент пульсации не мог быть управляем. Люди также могли перенести пульсацию лишь в бессознательном состоянии, скрытые внутри мощного магнитного поля. «Теллур» передвигался как бы рывками, всякий раз тщательно изучая, свободен ли путь для следующей пульсации.

Мимо Змеи, в почти свободном от звезд пространстве высоких широт Галактики, «Теллур» должен был пройти в созвездие Геркулеса к углеродной звезде.

«Теллура» послали в невероятно далекий рейс, чтобы его экипаж изучил загадочные процессы превращения материи непосредственно на углеродной звезде, очень важные для земной энергетики. Подозревалось, что звезда была связана с темным облаком в форме вращающегося электромагнитного диска, обращенного ребром к Земле. Ученые ожидали, что они увидят повторение истории образования нашей планетной системы сравнительно недалеко от Солнца.

«Недалеко» — это сто десять парсеков, или триста пятьдесят лет пути светового луча...

Кари Рам проверил приборы-охранители. Они показывали, что все связи автоматов корабля в исправности. Молодой астролетчик предался размышлениям.

Далеко-далеко, на расстоянии семидесяти восемью световых лет, осталась Земля — прекрасная, устроенная человечеством для светлой жизни и вдохновенного творческого труда. В этом обществе без классов каждый человек хорошо знал всю планету. Не только ее заводы, рудники, плантации и морские промыслы, учебные и исследовательские центры, музеи и заповедники, но и милые сердцу уголки отдыха, одиночества или уединения с любимым человеком.

И от этого чудесного мира человек, предъявляя к себе высокие требования, углублялся все дальше в космические ледяные бездны в погоне за новыми знаниями, за разгадкой тайн природы, не покорявшейся без жестокого сопротивления. Все дальше шел человек от Луны, залитой убийственным рентгеновским и ультрафиолетовым излучением Солнца, от жаркой и безжизненной Венеры с ее океанами нефти, липкой смоляной почвой и вечным туманом, от холодного, засыпанного песками Марса с чуть теплящейся подземной жизнью. Едва началось изучение Юпитера, как новые корабли достигли ближайших звезд. Земные звездолеты посетили Альфу и Проксиму Центавра, звезду Барнарда, Сириус, Эту Эридана и даже Тау Кита. Конечно, не сами звезды, а их планеты или ближайшие окрестности, если это были двойные звезды, как Сириус, лишенные планетных систем.

Но межзвездные корабли Земли еще не побывали на планетах, где жизнь уже достигла своей высшей формы, где обитали мыслящие существа — люди.

Из далеких бездн космоса ультракороткие радиоволны несли вести населенных миров; иногда они приходили на Землю через тысячи лет после того, как были отправлены. Человечество только училось читать эти передачи и стало представлять, какой океан знаний, техники и искусства совершает свой круговорот между населенными мирами нашей Галактики. Ми-

рами, еще недостижимыми. Что уж говорить про другие звездные острова — галактики, разделенные миллионами световых лет расстояния!.. Но от этого становилось только больше стремление достичь планет, населенных людьми, пусть не похожими на земных, но тоже построившими мудрое, правильно развивающееся общество, где каждый имеет свою долю счастья, наибольшего при их уровне власти над природой. Впрочем, было известно, что есть совершенно похожие на нас люди, и этих, вероятно, больше. Законы развития планетных систем и жизни на них однородны не только в нашей Галактике, но и во всей известной нам части космоса.

Пульсационный звездолет — последнее изобретение гения Земли — дает возможность прийти на призывы далеких миров. Если полет «Теллура» окажется удачным, тогда... Только, как все в жизни, новое изобретение имеет две стороны.

— И вот другая сторона... — Задумавшись, Кари Рам не заметил, что произнес последние слова вслух.

Вдруг позади раздался приятный и сильный голос Мут Анга.

Другая сторона любви —
что глубоко и широко, как море,
то отзовется душим коридором,
и этого не избежать — оно в крови!

Кари Рам вздрогнул.

— Я не знал, что вы тоже увлекаетесь старинной музыкой, — улыбнулся командир звездолета. — Этому романсу не меньше пяти веков!

— Я вовсе ничего не знаю! — воскликнул астронавигатор. — Я думал о нашем звездолете. О том, когда мы вернемся...

Командир стал серьезным.

— Мы проделали только первую пульсацию, а вы думаете о возвращении?

— О нет! Зачем бы я старался попасть в число избранных для полета? Мне показалось... ведь мы вернемся на Землю, когда там пройдет семьсот лет и, несмотря на удвоившееся долголетие человека, даже правнуки наших сестер и братьев уже будут мертвы...

— Разве вы этого не знали?

— Знал, конечно, — упрямо продолжал Рам. — Но мне пришло в голову другое.

— Я понял. Кажущаяся бесполезность нашего полета?

— Да! Еще до изобретения и постройки «Теллура» ушли обычные ракетные звездолеты на Фомальгаут, Капеллу и Арктур. Фомальгаутская экспедиция ожидается через два года — уже прошло пятьдесят. Но с Аркура и Капеллы корабли придут еще через сорок-пятьдесят лет: до этих звезд ведь двенадцать и четырнадцать парсеков. А сейчас уже строят пульсационные корабли, которые могут оказаться на Арктуре в одну пульсацию. За то время, пока мы совершим свой полет, люди окончательно победят время, или пространство, если хотите. Тогда наши земные корабли окажутся гораздо дальше нас, а мы вернемся с грузом устарелых и бесполезных сведений...

— Мы ушли с Земли, как уходят из жизни умершие, — медленно сказал Мут Анг, — и вернемся отсталыми в развитии, с пережитками прошлого.

— Об этом я и думал!

— Вы правы и глубоко не правы. Развитие знаний, накопление опыта, исследование бездонного космоса должны быть непрерывны. Иначе нарушатся законы развития, которое всегда неравномерно и противоречиво. Представьте, что древние естествоиспытатели, кажушиеся нам наивными, стали бы ожидать, ну, скажем, изобретения современных квантовых микроскопов! Или земледельцы и строители давнего прошлого, обильно полившие нашу планету своим потом, стали бы ждать автоматических машин и... так и не вышли бы из сырых землянок, питаясь крохами, уделяемыми природой!

Кари Рам звонко рассмеялся. Мут Анг продолжал без улыбки:

— Мы так же призваны выполнить свой долг, как и каждый член общества. За то, что мы первые прикоснемся к невиданным еще глубинам космоса, мы умерли на семьсот лет. Те, кто остался на Земле, чтобы пользоваться всей радостью земной жизни,

никогда не испытывают великих чувств человека, заглянувшего в тайны развития вселенной. И так все. Но возвращение... Вы напрасно опасаетесь будущего. В каждом этапе своей истории человечество в чем-то возвращалось назад, несмотря на общее восхождение по закону спирального развития. Каждое столетие имело свои неповторимые особенности и вместе с тем общие всем черты... Кто может сказать, может быть, та крупица знания, что мы доставим на нашу планету, послужит новому взлету науки, улучшению жизни человечества. Да и мы сами вернемся из глубины прошлого, но принесем новым людям наши жизни и сердца, отданные будущему. Разве мы придем чужими? Разве может оказаться чужим тот, кто служит в полную меру сил? Ведь человек — это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств, а в этом мы, испытавшие всю трудность долгого пути через космос, не окажемся хуже тех, будущих... — Мут Анг помолчал и совсем другим, насмешливым тоном закончил: — Не знаю, как вам, а мне так интересно заглянуть в будущее, что ради этого одного...

— Можно временно умереть для Земли! — воскликнул астронавигатор.

Командир «Теллура» кивнул головой.

— Идите мойтесь, ешьте, следующая пульсация уже скоро! Тэй, вы зачем вернулись?

Помощник командира пожал плечами.

— Хочется скорее узнать путь, проложенный приборами. Я готов сменить вас.

И без дальнейших слов астрофизик нажал кнопку в середине пульта. Вогнутая полированная крышка беззвучно отодвинулась, и из глубины прибора поднялась скрученная спиралью лента серебристого металла. Ее пронизывал тонкий черный стержень, означавший курс корабля. Как драгоценные камни, горели на спирали крохотные огоньки — звезды разных спектральных классов, мимо которых шел путь «Теллура». Стрелки бесчисленных циферблатов начали хоровод почти осмысленных движений. Это расчетные машины уравнивали прямую линию следующей пульсации так, чтобы проложить ее в возможно наибольшем

удалении от звезд, темных облаков и туманностей светящегося газа, которые могли скрывать еще неведомые небесные тела.

Увлеченный работой, Тэй Эрон не заметил, как прошло несколько молчаливых часов. Громадный звездолет продолжал свой бег в черную пустоту пространства. Товарищи астрофизика тихо сидели в глубине полукруглого дивана, поблизости от массивной тройной двери, изолировавшей пост управления от других помещений корабля.

Веселый звон маленьких колокольчиков сигнализировал окончание вычислений. Командир звездолета медленно подошел к пультам.

— Удачно! Вторая пульсация может быть почти втрое длиннее первой...

— Нет, тут тридцатипроцентная неопределенность! — Тэй показал на конечный отрезок черного стержня, едва заметно вибрировавшего в такт колебаниям связанных с ним стрелок.

— Да, полная определенность — пятьдесят семь парсеков. Отбросим пять на возможность скрытых ошибок — пятьдесят два. Готовьте пульсацию.

Снова проверялись все бесчисленные механизмы и связи корабля. Мут Анг соединился с каютами, где находились погруженные в сон остальные пять членов экипажа «Теллура».

Автоматы физиологического наблюдения отметили, что организмы спящих в нормальном состоянии. Тогда командир включил защитное поле вокруг жилых помещений корабля. На матовых панелях левой стены побежали красные струи — потоки газа в спрятанных позади них трубках.

— Пора? — слегка хмурясь, спросил командира Тэй Эрон.

Тот кивнул. Трое дежурных молча опустились в глубокие кресла, закрепляя себя в них воздушными подушками. Когда был застегнут последний крючок, каждый достал из ящичка в левом подлокотнике прибор для впрыскивания, готовый к употреблению.

— Итак, еще на полтора года земной жизни! —

сказал Кари Рам, приложив аппарат к обнаженной руке.

Мут Анг зорко посмотрел на него. Глаза юноши светились легкой насмешкой, свойственной здоровому и вполне уравновешенному человеку. Командир подождал, пока его товарищи откинулись в креслах и закрыли глаза, впадая в бессознательное состояние. Тогда он включил рычажки на маленькой коробке у своего колена. Бесшумно и неотвратно, как сама судьба, спустились с потолка массивные колпаки. За минуту до этого Мут Анг включил механических роботов, управлявших пульсацией и защитным полем. Под колпаком в слабом свете голубоватого ночника командир прочитал показания контрольных приборов и только после этого усыпил себя...

* * *

Звездолет вышел из четвертой пульсации. Теперь загадочное светило — цель полета — выросло на экранах правой, «северной» стороны до размеров Солнца, видимого с Меркурия.

Колоссальная звезда из редкого класса «темных» углеродных звезд подвергалась детальному изучению. «Теллур» шел на субсветовой скорости в расстоянии меньше четырех парсеков от гигантской тусклой звезды КНТ8008, едва видимой с Земли даже в мощные телескопы. Подобные звезды — их поперечник равнялся ста пятидесяти — ста семидесяти диаметрам нашего Солнца — отличались обилием углерода в своих атмосферах. При температуре в две-три тысячи градусов атомы углерода соединялись в особые молекулы-цепочки, из трех атомов каждая. Атмосфера звезды с такими молекулами задерживала излучение фиолетовой части спектра, и свет гиганта был очень слабым сравнительно с его размерами.

Но центры углеродных гигантов, разогретые до ста миллионов градусов, были могучими генераторами нейтронов и превращали легкие элементы в тяжелые и даже заурановые, вплоть до калифорния и россия, как был назван самый тяжелый из элементов с атом-

ным весом 401, созданный уже четыре столетия назад. Ученые считали, что фабриками тяжелых элементов вселенной были углеродные звезды. Они рассеивали эти элементы в пространстве после периодических взрывов. Обогащение общего химического состава нашей Галактики идет именно за счет действия темных углеродных гигантов.

Пульсационный звездолет дал, наконец, человечеству возможность изучить углеродную звезду с близкого расстояния, понять существо происходивших в ней процессов превращения материи. К их разъяснению физики Земли еще не подобрали всех ключей.

Экипаж звездолета проснулся, и каждый занялся теми исследованиями, ради которых он умер для Земли на семьсот лет. Движение корабля казалось теперь очень медленным, но более скорый бег и не был нужен.

«Теллур» шел, слегка отклоняясь к югу от углеродной звезды, чтобы держать экран локатора вне ее излучения. И его черное зеркало недели, месяцы и годы оставалось по-прежнему беспросветно темным. «Теллур», или, как он значился в реестре космолота Земли, «ИФ-1 (Зет-685)», первый звездолет обращенного поля, или шестьсот восемьдесят пятый по общему списку космических кораблей, не был так велик, как субсветовые звездолеты дальнего действия. От их постройки отказались лишь недавно — с изобретением пульсационных кораблей.

Те колоссальные корабли несли экипаж до двухсот человек, и смена поколений давала возможность проникать довольно глубоко в межзвездное пространство.

С каждым возвращением дальнего звездолета на Земле появлялось несколько десятков выходцев из другого времени — представителей далекого прошлого. И хотя уровень развития этих пережитков прошлого был очень высок, все же новые времена оказывались для них чуждыми, и часто глубокая меланхолия или отрешенность становилась уделом космических скитальцев.

Теперь пульсационные звездолеты забросят людей

еще дальше. Пройдет немного времени, по мерке астролетчиков, и в человеческом обществе появятся тысячелетние Мафусаилы. Те, кому выпадет на долю отправиться на другие галактики, вернутся на родную планету миллионы лет спустя. Таковой оказалась оборотная сторона дальних космических рейсов, коварная препона, поставленная природой своему неугомонному сыну. На новых звездолетах экипажи насчитывали всего восемь человек. Этим путешественникам в безмерные дали космоса и одновременно в будущее было запрещено, в отмену прежних поощрительных постановлений, иметь детей во время путешествия.

И хотя «Теллур» был меньше своих предшественников, все же он представлял собою огромный корабль, где просторно разместился его малочисленный экипаж.

Пробуждение после продолжительного сна вызвало, как всегда, подъем жизненной энергии. Экипаж звездолета — преимущественно молодые люди — проводил свободное время в гимнастическом зале.

Они придумывали труднейшие упражнения, фантастические танцы или, надев отталкивающие пояса и кольца на руки и на ноги, совершали головокружные трюки в антигравитационном углу зала. Астролетчики любили плавать в большом бассейне с ионизированной светящейся водой, сохранявшей прекрасную голубизну колыбели народов Земли — Средиземного моря.

Кари Рам сбросил рабочий костюм и устремился к бассейну, но его остановил веселый голос:

— Кари, помогите! Без вас не получается этот поворот.

Высокая девушка-химик Тайна Дан, в короткой тунике из зеленой в тон ее глазам сверкающей ткани, была самой веселой и молодой участницей экспедиции. Она не раз возмущала спокойного Кари своей порывистой резкостью, но танцы он любил не меньше Тайны — прирожденной плясуньи. Он с улыбкой подошел к ней.

Слева, с высоты помоста над бассейном, его приветствовала Афра Деви — биолог звездолета. Она

старательно укладывала массу своих черных волос перед упражнением на трапедии. К Афре приблизился, осторожно ступая по пружинящей пластмассе, Тэй Эрон, протягивая за спиной девушки мужулистую, сильную руку. Раскачиваясь в такт движениям доски, Афра откинулась назад, на эту надежную опору. На секунду оба замерли, смуглые, сильные и уверенные, с гладкой кожей, которую дает человеку лишь здоровая жизнь на воздухе и солнце. Едва уловимым движением молодая женщина выгнулась еще сильнее, сделала полный оборот вокруг руки помощника командира, и оба полетели над залом, сплетаясь точно в танце.

— Он все забыл! — пропела Тайна Дан, прикрывая глаза механика кончиками горячих пальцев.

— Разве не красиво? — ответил тот вопросом и притянул к себе девушку в первом движении танца, войдя в полосу звукового фона.

Кари и Тайна были лучшими танцорами корабля. Только они умели отдавать себя полностью мелодии и ритму, выключая все другие думы и чувства. И Кари унесся в мир танца, не ощущая ничего, кроме наслаждения согласованными легкими движениями. Рука девушки, лежавшая у него на плече, была сильна и нежна. Зеленые глаза потемнели.

— Вы и ваше имя — одно, — шепнул Кари. — Я запомнил, что Тайна на древнем языке — это неведомое, неразгаданное.

— Вы радуете меня, — без улыбки ответила девушка, — мне всегда казалось, что тайны остались только в космосе, а на нашей Земле их нет более. Нет их у людей — все мы простые, ясны и чисты!

— И вы жалеете об этом?

— Иногда. Мне хотелось бы встретить такого человека, как в давнем прошлом. Вынужденного скрывать свои мечты, свои чувства от окружающей злобы, закалять их, выращивать неколебимыми, полными невероятной силы.

— О, я понимаю! Но я думал не о людях и жалел лишь о неразгаданных тайнах... Как в древних романах: повсюду таинственные развалины, неведомые

глубины, непокоренные высоты, а еще раньше — заколдованные, проклятые и обладающие загадочными силами рощи, источники, заповедные тропы, дома.

— Да, Кари! Хорошо бы и здесь, в звездолете, найти тайные уголки, запрещенные проходы.

— И они вели бы в неведомые комнаты, где скрывалось...

— Что скрывалось?

— Не знаю, — помолчав, признался механик и остановился.

Но Тайна вошла в игру и, нахмурившись, потянула его за рукав. Кари последовал за девушкой, и они вышли из спортивного зала в тускло освещенный боковой проход. Указатели вибрации равномерно и неярко мигали, будто стены корабля боролись с надвигавшимся сном. Девушка сделала несколько быстрых, бесшумных шагов и замерла. Тень скуки мелькнула на ее лице так быстро, что Кари не мог бы поручиться, что он действительно заметил у нее этот признак душевной слабости. Незнакомое чувство больно резнуло его. Механик снова взял руку Тайны.

— Пойдемте в библиотеку. Мне два часа до смены.

Она послушно направилась к центру корабля.

Библиотека, или зал общих занятий, находилась непосредственно за центральным постом управления, как на всех звездолетах. Кари и Тайна открыли герметическую дверь третьего поперечного коридора и вышли к двустворчатому эллипсу люка центрального прохода. Едва только Кари наступил на бронзовую пластинку и тяжелые створки беззвучно разошлись, как молодые люди услышали могучий вибрирующий звук. Тайна радостно сжала пальцы Кари.

— Мут Анг!

Оба скользнули в библиотеку. Рассеянный свет, казалось, вился дымкой под матовым потолком. Два человека ютились в глубоких креслах между колонками фильмотек, скрытые в тених углублений. Тайна увидела врача Свет Симма и квадратную фигуру Яс Тина — инженера пульсационных устройств, грезившего о чем-то, закрыв глаза. Слева, под гладкими

раковинками акустических устройств, склонился над серебристым футляром ЭМСР сам командир «Теллура».

ЭМСР — электромагнитный скрипкорояль — давно уже заменил жестко звучащий темперированный рояль, сохранив его многоголосую сложность и придав ему богатство скрипичных оттенков. Усилители звука этого инструмента могли придавать ему в нужные моменты потрясающую силу.

Мут Анг не заметил вошедших. Он немного подался вперед, подняв лицо к ромбическим панелям потолка. Как и в старинном рояле, пальцы музыканта определяли все оттенки звучания, хотя производили звук не при помощи молоточка и струны, а тончайшими электронными импульсами почти мозговой тонкости.

Гармонично сплетенные темы единства Земли и космоса стали раздваиваться, отдаляться. Противоречия спокойной печали и жестокого дальнего грома накипаали, усиливались, прерываясь звенящими нотами, словно криками отчаяния. И вдруг мерное, мелодическое развертывание темы замерло. Удар столкновения был сокрушителен, и все рассыпалось лавиной диссонансов, скользнув, как в темное озеро, в нестройные жалобы невозвратной утраты.

Неожиданно под пальцами Мут Анга родились, ясные и чистые звуки прозрачной радости, она слилась с тихой печалью аккомпанемента.

В библиотеку беззвучно скользнула Афра Деви в белом халате. Свет Сим, врач корабля, стал делать командиру какие-то знаки. Мут Анг поднялся, и тишина согнала власть звуков, как быстрая ночь тропиков — вечернюю зарю.

Врач и командир вышли, провожаемые встревоженными взглядами слушателей. Со вторым астронавигатором на дежурстве случилась очень редкая беда — приступ гнойного аппендицита. Вероятно, он не выполнил абсолютно точно программы врачебной подготовки к космическому путешествию. И теперь Свет Сим запросил разрешение командира на срочную операцию.

Мут Анг выразил сомнение. Современная медицина, овладевшая методами импульсного нервного регулирования человеческого организма, как в электронных устройствах, могла устранять многие заболевания.

Но врач звездолета настоял на своем. Он доказал, что у больного останется залеченный очаг, который может дать новую вспышку при огромных физиологических перегрузках, переносимых звездолетчиками.

Астронавигатор лег на широкое ложе, опутанный проводами импульсных датчиков. Тридцать шесть приборов следили за состоянием организма. В затемненной комнате размеренно замигал и слабо зазвенел гипнотизирующий прибор. Свет Сим окинул взглядом аппараты и кивнул Афре Деви — помощнику врача. Каждый член экипажа «Теллура» совмещал несколько профессий.

Афра придвинула прозрачный куб. В синеватой жидкости лежал членистый металлический аппарат, похожий на крупную сколопендру. Афра извлекла из жидкости аппарат и из другого сосуда вытащила коническую втулку с присоединенными к ней тонкими проводами, или шлангами. Легкий щелчок зажима — и металлическая сколопендра зашевелилась, издавая едва слышное жужжание.

Свет Сим кивнул, и аппарат исчез в раскрытом рту астронавигатора, продолжавшего спокойно дышать. Засветился полупрозрачный экран, косо поставленный над животом больного. Мут Анг придвинулся ближе. В зеленоватом сиянии серые контуры внутренних органов были совершенно отчетливы, и по ним медленно двигался членистый прибор. Легкая вспышка мелькнула, когда прибор дал импульс запирающей мышце — сфинктеру желудка, проник в двенадцатиперстную кишку и стал ползти по сложным извилинам тонких кишок. Еще немного — и тупой конец сколопендры уперся в основание червеобразного отростка.

Здесь, в области нагноения, боли были сильнее, и от давления прибора произвольные движения кишок так усилились, что пришлось прибегнуть к успокоительным лекарствам. Еще несколько минут — и ана-

литическая машина выяснила причину заболевания: случайное засорение отростка, установила характер нагноения и рекомендовала нужную смесь антибиотиков и обеззараживающих лекарств. Членистый аппарат выпустил длинные гибкие усики, глубоко погружившиеся в аппендикс. Гной был отсосан, попавшие в аппендикс песчинки удалены. Последовало энергичное промывание биологическими растворами, быстро заживившими слизистую оболочку отростка и слепой кишки. Больной мирно спал, пока внутри него продолжал действовать замечательный прибор, управляемый автоматами. Операция кончилась, и врачу оставалось лишь извлечь прибор.

Командир «Теллура» успокоился. Как ни велико было могущество медицины, все же нередко непредусмотренные особенности организма (ибо заранее определить их среди миллиардов индивидуальностей было немыслимо) давали неожиданные осложнения, не страшные в огромных лечебных институтах планеты, но опасные в небольшой экспедиции.

Ничего не случилось. Мут Анг вернулся к скрипко-роюлю, в обезлюдевшую библиотеку. Командиру не захотелось играть, и он погрузился в размышления.

Не раз уже командир звездолета возвращался к мыслям о счастье, о будущем.

Четвертое путешествие в космос... Но еще никогда он не думал совершить такой далекий прыжок через пространство и время. Семьсот лет! При той стремительности жизни, нарастании новых достижений, открытий, при тех горизонтах знания, какие уже достигнуты на Земле! Трудно сравнивать, но семьсот лет значили мало в эпохи древних цивилизаций, когда развитие общества, не подстегнутое знаниями и необходимостью, шло лишь к дальнейшему распространению человека, заселению еще пустых пространств планеты. Тогда время было безмерным и все изменения человечества текли медленно, как некогда ледники на островах Арктики и Антарктики.

Столетия как бы проваливались в пустоту бездействия. Что такое одна человеческая жизнь, что такое сто, тысяча лет?

Почти с ужасом Мут Анг подумал: каково было бы людям древнего мира, если бы они могли знать наперед медлительность тогдашних общественных процессов, понять, что угнетение, несправедливость и неустроенность планеты будут тянуться еще так много лет? Вернуться через семьсот лет в древнем Египте означало бы попасть в то же рабовладельческое общество с еще худшим угнетением; в тысячелетнем Китае — к тем же войнам и династиям императоров или в Европе — от начала религиозной ночи средневековья попасть в разгар костров инквизиции, разгула свирепого мракобесия.

Но теперь попытка заглянуть в будущее сквозь насыщенные изменениями, улучшениями и познанием семь столетий вызывает головокружение от жадного интереса к потрясающим событиям.

И если подлинное счастье — движение, изменение, перемены, то кто же может быть счастливее его и его товарищей? И все же не так просто! Человеческая натура двойственна, как окружающий и создавший ее мир. Наряду со стремлением к вечным переменам нам всегда жаль прошлого, вернее того хорошего в нем, что отфильтровывается памятью и что прежде выросло в представления о минувших золотых веках.

Тогда невольно искали хорошее в прошлом, мечтали о его повторении, и только сильные души могли предвидеть, почувствовать поступь неизбежного грядущего улучшения и устройства человеческой жизни. С тех пор в душе человека глубоко лежит сожаление о минувшем, печаль о невозвратно ушедшем, чувство грусти, охватывающее нас перед руинами и памятниками прошлой истории человечества. Это сожаление о прошедшем особенно усиливалось у людей зрелых, пожилых, накапливало печаль у вдумчивого и чуткого человека.

Мут Анг поднялся из-за инструмента и потянулся сильным телом.

Да, все это так ярко и интересно описано в исторических повестях. Что же может пугать молодежь звездолета в момент, когда она совершает прыжок в будущее? Одиночество, отсутствие близ-

ких? Пресловутое одиночество человека, попавшего в будущее, столько раз обсуждалось и описывалось в старых романах. Одиночество всегда мыслилось как отсутствие близких, родных, а эти близкие составляли ничтожную кучку людей, связанных часто лишь формальными родственными узами. Но теперь, когда близок любой из людей, когда нет никаких границ или условностей, мешающих общению людей в любых уголках планеты?!

Мы, люди «Теллура», потеряли всех своих близких на Земле. Но там, в наступающем грядущем, нас ждут не менее близкие, родные люди, которые будут знать и чувствовать еще больше, еще ярче, чем покинутые нами навсегда наши современники, — вот о чем и какими словами должен говорить командир с молодыми людьми своего экипажа.

В центральном посту управления Тэй Эрон установил излюбленный им режим вечера. Неярко горели только самые необходимые лампы, и большое круглое помещение казалось уютнее в сумеречном свете. Помощник командира мурлыкал простую песенку, занимаясь неустанной проверкой вычислений. Путь звездолета подходил к концу — сегодня надо было повернуть корабль в направлении созвездия Змееносца, чтобы пройти мимо исследованной углеродной звезды. Приближаться к ней стало опасно. Лучевое давление начинает возрастать настолько, что при субсветовой скорости корабля может нанести страшный, непоправимый удар.

Почувствовав чье-то присутствие за спиной, Тэй Эрон обернулся.

Мут Анг наклонился над плечом помощника, читая суммированные показания приборов в квадратных окошечках нижнего ряда. Тэй Эрон вопросительно посмотрел на своего командира, и тот кивнул головой. Повинуясь едва заметному движению пальцев помощника, по всему кораблю зазвучали сигналы внимания и стандартные металлические слова:

— Слушайте все!

Мут Анг придвинул к себе микрофон, зная, что

во всех отделениях звездолета люди замерли, невольно обратив лица к замаскированным отверстиям звучателей: человек еще не отвык смотреть по направлению звука, когда хотел быть особенно внимательным.

— Слушайте все! — повторил Мут Анг. — Корабль начинает торможение через пятнадцать минут. Всем, кроме дежурных, лежать в своих каютах. Первая фаза торможения окончится в восемнадцать часов, вторая фаза при шести «Ж» будет продолжаться шесть суток. Поворот корабля произойдет после сигналов УО — ударной опасности. Все!

В восемнадцать часов командир поднялся с кресла и, пересиливая обычную боль торможения в пояснице и затылке, объявил, что, пожалуй, отправится спать на все шесть суток замедления хода. Весь экипаж «Теллура» теперь не оторвать от приборов: идут последние наблюдения углеродной звезды.

Тэй Эрон хмуро посмотрел на удалявшегося командира. С каждым усовершенствованием возростала надежность и сила космических звездолетов. Трудно даже сравнить мощь «Теллура» с теми скорлупками, плававшими по морям Земли, которые издавна получили название кораблей. И все же его звездолет тоже не более как скорлупка в бездонных глубинах пространства... как-то спокойнее, когда командир бодрствует во время маневра.

* * *

Кари Рам чуть не подскочил от неожиданности, услышав веселый смех Мут Анга. Несколько дней назад весь экипаж был встревожен известием о внезапной болезни командира. В его каюту допускался лишь врач, и все невольно понижали голос, проходя мимо гладкой двери, плотно закрытой, как во время аварии. Тэй Эрон вынужден был провести всю намеченную программу — поворот корабля, новый разгон его, чтобы уйти из области лучевого давления углеродной звезды и начать пульсацию на-

зад, к Солнцу. Помощник шел рядом со своим командиром и сдержанно улыбался. Оказалось, командир в сговоре с врачом намеренно устранился от командования, чтобы дать возможность Тэй Эро-ну провести всю операцию самому, ни на кого не надеясь. Помощник ни за что не признался бы в жестоких сомнениях перед поворотом, но корил командира за причиненное всему экипажу волнение.

Мут Анг шутливо оправдывался и убеждал Тэй Эрона в полной безопасности звездолета в пустоте космического пространства. Приборы не могли ошибиться, четырехкратная проверка каждого расчета исключала возможность неточности. Пояса астероидов и метеоритов у звезды не могло быть в зоне сильного лучевого давления.

— Неужели вы более ничего не ждете? — осторожно осведомился Кари Рам.

— Неучтенная случайность, конечно, возможна. Но великий закон космоса, названный законом усреднения*, за нас. Можно быть уверенным, что здесь, в этом пустом уголке космоса, ничего нового не встретится. Мы вернемся немного назад и войдем в пульсацию испытанным нами направлением, прямо к Солнцу, мимо Сердца Змеи... Уже несколько дней, как мы идем к Змееносцу. Теперь скоро!

— Даже странно: нет ни радости, ни ощущения хорошего дела, ничего, что бы оправдывало нашу смерть для Земли на семьсот лет, — задумчиво сказал Кари. — Да, я знаю — десятки тысяч наблюдений, миллионы вычислений, снимков, памятных записей. Новые тайны материи раскроются там, на Земле... Но как незримо и невесомо все это! Зародыш будущего, и ничего более!

— Сколько же борьбы, труда и смертей вынесло человечество, а до него триллионы поколений животных на слепом пути исторического развития из-

* Закон усреднения — математическое выражение, в котором конечные результаты подсчетов обозначаются неким средним числом. Крайние наибольшие и крайние наименьшие величины отбрасываются.

за вот этих зародышей будущего! — с азартом возразил Тэй Эрон.

— Все так для ума. А для чувства мне важен только человек — единственная разумная сила в космосе, которая может использовать стихийное развитие материи, овладеть им. Но мы, люди, так одиноки, бесконечно одиноки. У нас есть несомненные доказательства существования множества населенных миров, но никакое другое мыслящее существо еще не скрестило своего взгляда с глазами людей Земли! Сколько мечтаний, сказок, книг, песен, картин в предчувствии такого великого события, и оно не сбылось! Не сбылась великая, смелая и светлая мечта человечества, рожденная давным-давно, едва рассеялась религиозная слепота!

— Слепота! — вмешался Мут Анг. — А знаете, как наши недавние предки уже в эпоху первого выхода в космос представляли осуществление этой великой мечты? Военное столкновение, зверское разрушение кораблей, уничтожение друг друга в первой же встрече.

— Немыслимо! — горячо воскликнули Кари Рам и Тэй Эрон.

— Наши современные писатели не любят писать о мрачном периоде конца капитализма, — возразил Мут Анг. — Вы знаете из школьной истории, что наше человечество в свое время прошло весьма критическую точку развития.

— О да! — подхватил Кари. — Когда уже открылось людям могущество овладения материей и космосом, а формы общественных отношений еще оставались прежними и развитие общественного сознания тоже отстало от успехов науки.

— Почти точная формулировка. У вас хорошая память, Кари! Но скажем иначе: космическое познание и космическое могущество пришли в противоречие с примитивной идеологией собственника-индивидуалиста. Здоровье и будущность человечества несколько лет качались на весах судьбы, пока не победило новое и человечество в бесклассовом обществе не соединилось в одну семью... Там, в капита-

листической половине мира, не видели новых путей и рассматривали свое общество как неизблемое и неизменное, предвидя и в будущем неизбежность войн и самоистребления.

— Как могли они называть это мечтами, — недобро усмехнулся Кари.

— Но они называли.

— Может быть, критические точки проходит каждая цивилизация везде, где формируется человечество на планетах иных солнц, — медленно сказал Тэй Эрон, бросая беглый взгляд на верхние циферблаты ходовых приборов. — Мы знаем уже две обитаемые планеты с водой, атмосферой, с остатками кислорода, где ветры вздымают лишь мертвые пески и волны таких же мертвых морей. Наши корабли сфотографировали...

— Нет, — покачал головой Кари Рам, — не могу поверить, чтобы люди, уже познавшие безграничность космоса и то могущество, которое им несет наука, могли...

— ...рассуждать, как звери, только овладевшие логикой? Но ведь старое общество складывалось стихийно, без заранее заданной целесообразности, которая отличает высшие формы общества, построенные людьми. И разум человека, характер его мышления тоже были еще на первичной стадии прямой или математической логики, отражавшей логику законов развития материи, природы по непосредственным наблюдениям. Как только человечество накопило исторический опыт, познало историческое развитие окружающего мира, возникла диалектическая логика как высшая стадия развития мышления. Человек понял двойственность явлений природы и собственного существования. Осознал, что, с одной стороны, он, как индивидуальность, очень мал и мгновенен в жизни, подобен капле в океане или маленькой искорке, гаснущей на ветру. А с другой — необъятно велик, как вселенная, обнимаемая его разумом и чувствами во всей бесконечности времени и пространства.

Командир звездолета умолк и в задумчивости

начал ходить перед своими помощниками. На их молодые лица легла тень суровой сосредоточенности.

Мут Анг первый нарушил наступившую тишину.

— В моей коллекции исторических книг-фильмов есть одна, очень характерная для той эпохи. Этот перевод на современный язык сделан не машиной, а Санней Чен — историком, умершим в прошлом веке. Прочитаем ее! — Он улыбнулся жадному интересу молодых людей и вышел через дверь в коридор носового отсека.

— Никогда я не буду настоящим командиром, — вздохнул виновато Тэй Эрон, — невозможно знать всего, что знает наш Анг.

— А он при мне говорил, что он плохой командир из-за широкого диапазона своих интересов, — отозвался Кари, усаживаясь в кресло дежурного навигатора.

Тэй Эрон удивленно посмотрел на товарища. Они молчали, и негромкое пение приборов казалось неизменным. Громадный корабль, набрав предельную скорость, уверенно устремлялся в сторону от углеродной звезды в избранный квадрат, где в глубочайшей черноте пространства тонули, слабо мерцаая, далекие галактики — четыре звездных острова. Они были на таком расстоянии, что свет, шедший оттуда, бессильно умирал в глазу человека — чудесном приборе, для которого достаточно было всего нескольких квант.

Внезапно что-то случилось. На экране большого локатора вспыхнула и заколебалась светящаяся точка. Раздался пронзительный звон, от которого у астролетчиков замерло дыхание.

Тэй Эрон, не раздумывая, дал сигнал общей тревоги — вызов командира, приказывавший всем остальным членам экипажа занимать места аварийного назначения.

Мут Анг ворвался в пост управления и двумя прыжками очутился у пульта. Черное зеркало локатора ожило. В нем, как в бездонном озере, плавал крохотный шарик света — круглый, с резкими края-

ми. Он качался вверх и вниз, медленно сползая направо. Астролетчики удивились, что роботы, предупреждавшие столкновение корабля с метеоритами, бездействовали. Значит ли это, что на экране не их отраженный поисковый луч, а чужой?!

Звездолет продолжал идти тем же курсом, и световая точка теперь трепетала в нижнем правом квадрате. Догадка заставила содрогнуться Мут Анга, закусить губы Тэй Эрона, до боли сжать край пульта Кари Рама. Нечто небывалое летело навстречу, испуская сильный луч локатора, такой же, какой бросал далеко вперед себя «Теллур».

Так отчаянно было желание, чтобы догадка оправдалась, чтобы после безумного взлета надежды не свалиться в пучину разочарования, уже сотни раз случавшегося со звездолетчиками Земли, что командир замер, боясь произнести хотя бы одно слово. И как будто его тревога передалась тем, впереди.

Светящаяся точка на экране погасла, зажглась снова и замигала с промежутками, учащая вспышки, по четыре и две. Эта регулярность чередования могла быть порождена лишь единственной во всей вселенной силой — человеческой мыслью.

Больше не оставалось сомнений: навстречу шел звездолет.

Здесь, в безмерной дали пространства, впервые достигнутой земным кораблем, мог быть только звездолет другого мира, с планет другой, отдаленной звезды.

Луч главного локатора «Теллура» также стал прерывистым. Кари Рам передал несколько сигналов условного светового кода. Казалось совершенно невероятным, что там, впереди, эти простые движения кнопки вызывают на экране неведомого корабля правильные чередования вспышек.

Голос Мут Анга в репродукторах корабля выдавал его волнение:

— Слушайте все! Навстречу идет чужой корабль! Мы отклоняемся от курса и начинаем экстренное торможение. Прекратить все работы! Экстрен-

ное торможение! По местам посадочного расписания!

Нельзя было терять ни секунды. Если встречный корабль шел примерно с той же скоростью, что и «Теллур», то скорость сближения звездолетов была близка к световой, достигая двухсот девяноста пяти тысяч километров в секунду. Локатор давал в распоряжение людей несколько секунд. Тэй Эрон, пока Мут Анг говорил в микрофон, что-то шепнул Кари. Бледный от напряжения юноша понял с полуслова и произвел какие-то манипуляции на пульте локатора.

— Блестяще! — воскликнул командир, следя, как на контрольном экране луч очертил стрелу, изогнув ее налево, назад, и завился в спираль.

Прошло не больше десяти секунд. На экране промелькнул светящийся стреловидный контур, отогнулся к правой стороне черного круга и завертелся мгновенной спиралью. Вдох облегчения, почти стон, вырвался одновременно у людей на центральном посту. Те, неведомые, летевшие навстречу из таинственных глубин космического пространства, поняли! Пора!

Зазвенели тревожные звонки. Теперь уж не луч чужого локатора, а твердый корпус корабля отразился на главном экране. Тэй Эрон молниеносным движением выключил робота, пилотировавшего корабль, и сам дал «Теллуру» ничтожнейшее отклонение влево. Звон умолк, черное озеро экрана погасло. Люди едва успели заметить световую черту, промелькнувшую на обзорном локаторе правого борта. Корабли разошлись на невообразимой скорости и унеслись вдаль.

Пройдет несколько дней, прежде чем они сойдутся снова. Мгновение не упущено, оба звездолета затормозят, повернут и ходом, рассчитанным точными машинами, снова приблизятся к месту встречи.

— Слушайте все! Начинаем экстренное торможение! Дайте сигналы готовности по секциям! — говорил в микрофон Мут Анг.

Зеленые огни готовности секций выстраивались в ряд над погасшими индикаторами моторных счетчиков. Двигатели корабля замолкли. Весь звездолет замер в ожидании. Командир окинул взглядом пост управления и молча кивнул головой на кресла, включив в то же время робота, предназначенного управлять торможением. Помощники видели, как Мут Анг нахмурился над шкалой программы и повернул главную клемму на цифру «8».

Проглотить пилюлю — понизитель сердечной деятельности, броситься в кресло и нажать включатель робота было делом нескольких секунд.

Звездолет ощутимо уперся в пустоту пространства — так в древности спотыкались ездовые животные, и их всадники летели через голову на милость судьбы. И сейчас гигантский корабль как будто поднялся на дыбы. Его «всадники» полетели в глубину гидравлических кресел и в легкое беспамятство.

* * *

В библиотеке «Теллура» собрался весь экипаж. Только один дежурный остался у приборов ОЭС, охраняющих связи сложнейших электронных аппаратов корабля. «Теллур» повернул после торможения, но успел отдалиться от места встречи больше чем на десять миллиардов километров. Звездолет шел медленно, со скоростью в одну двадцатую абсолютной, в то время как все его расчетные машины непрерывно проверяли и исправляли курс. Надо было вновь найти незримую точку в необъятном космосе и в ней совсем уже ничтожную пылинку — чужой звездолет. Восемь суток должно было длиться почти невыносимое ожидание. Если все расчеты и поведение корабля не дадут отклонения более допустимого, если те, неведомые, также не ошибутся и обладают столь же совершенными приборами и послушным кораблем, тогда звездолеты сойдутся настолько близко, чтобы нащупать друг друга в непроглядной тьме лучами локаторов.

Тогда, впервые за всю историю, человек сопри-

коснется с братьями по мысли, силам и стремлениям. С теми, чье присутствие давно уже было предугадано, доказано, подтверждено бесконечно прозорливым умом человека. Чудовищные пропасти времени и пространства, разделявшие обитаемые миры, до сих пор оставались непреодолимыми. Но вот люди Земли подадут руку другим мыслящим существам космоса, а от них — еще дальше, новым братьям с других звезд. Цепь мысли и труда протянется через бездны пространства как окончательная победа над стихийными силами природы.

Миллиарды лет надо было копошиться в темных и теплых уголках морских заливов крохотным комочкам живой слизи, еще сотни миллионов лет из них формировались более сложные существа, наконец вышедшие на сушу. В полной зависимости от окружающих сил, в темной борьбе за жизнь, за продолжение рода прошли еще миллионы веков, пока не развился большой мозг — наисильнейший инструмент поисков пищи, борьбы за существование.

Темпы развития жизни все ускорялись, борьба за существование становилась острее, и убыстрался естественный отбор. Жертвы, жертвы, жертвы — пожираемые травоядные, умирающие от голода хищники, погибающие слабые, заболевшие, состарившиеся животные, убитые в борьбе за самку, во время защиты потомства, погубленные стихийными катастрофами.

Так было на всем протяжении слепого пути эволюции, пока в тяжелых жизненных условиях эпохи великого оледенения дальний родич обезьяны не заменил осмысленным трудом звериный поиск пищи. Тогда он превратился в человека, познав величайшую силу в коллективном труде и осмысленном опыте.

Но и после того протекло еще много тысячелетий, наполненных войнами и страданием, голодом и угнетением, невежеством и надеждой на лучшее будущее.

Потомки не обманули своих предков: лучшее будущее наступило, человечество, объединенное в бес-

классовом обществе, освобожденное от страха и гнета, поднялось к невиданным высотам знаний и искусства. Ему под силу оказалось и самое трудное — покорение космических пространств. И вот, наконец, вся тяжкая лестница истории жизни и человека, вся мощь накопленного знания и безмерных усилий труда завершились изобретением звездолета дальнего действия «Теллур», заброшенного в глубокую пучину Галактики. Вершина развития материи на Земле и в солнечной системе соприкоснется через «Теллур» с другой вершиной, вероятно не менее трудного пути, проходившего также миллиарды лет в другом уголке вселенной.

Эти мысли в той или другой форме тревожили каждого члена экипажа. Сознание величайшей ответственности момента заставило стать серьезной даже юную Тайну. Ничтожная горстка представителей многомиллиардного земного человечества — смогут ли они быть достойными его подвигов, труда, физического совершенства, ума и стойкости?

Как подготовить себя к предстоящей встрече? Помнить о всей кровавой и великой борьбе человечества за свободу тела и духа!

Самым важным, захватывающим и таинственным был вопрос: каковы те, что идут сейчас нам навстречу? Страшны или прекрасны они, на наш земной взгляд?

Афра Деви, биолог, взяла слово.

Молодая женщина, ставшая еще более красивой от нервного возбуждения, часто поднимала взгляд к картине над дверью. Исполненная перспективными красками, большая панорама Лунных гор Экваториальной Африки с потрясающим контрастом угрюмых лесных склонов и светоносного скалистого гребня как бы оттеняла ее мысли.

Афра говорила, что человечество давно отрешилось от когда-то распространенных теорий, что мыслящие существа могут быть любого вида, самого разнообразного строения. Пережитки религиозных суеверий заставляли даже серьезных ученых необдуманно допускать, что мыслящий мозг может раз-

виться в любом теле, как прежде верили в богов, являвшихся в любом облике. На самом деле облик человека, единственного на Земле существа с мыслящим мозгом, не был, конечно, случаен и отвечал наибольшей разносторонности приспособления такого животного, его возможности нести громадную нагрузку мозга и чрезвычайной активности нервной системы.

Наше понятие человеческой красоты и красоты вообще родилось из тысячелетнего опыта — бессознательного восприятия конструктивной целесообразности и совершенства приспособленности к тому или другому действию. Вот почему красивы и могучие машины, и морские волны, и деревья, и лошади, хотя все это резко отличается от человеческого облика. А сам человек еще в животном состоянии благодаря развитию мозга избавился от необходимости узкой специализации, приспособления только к одному образу жизни, как свойственно большинству животных.

Ноги человека не годятся для непрерывного бега на твердой, тем более на вязкой почве и, однако, могут ему обеспечить длительное и быстрое передвижение, помогают взбираться на деревья и лазить по скалам. А рука человека — наиболее универсальный орган, она может выполнять миллионы дел, и, собственно, она вывела первобытного зверя в люди.

Человек еще на ранних стадиях своего формирования развился как универсальный организм, приспособленный к разнообразным условиям. С дальнейшим переходом к общественной жизни эта многогранность человеческого организма стала еще больше, еще разнообразнее, как и его деятельность. И красота человека в сравнении со всеми другими, наиболее целесообразно устроенными животными — это, кроме совершенства, еще и универсальность назначения, усиленная и отточенная умственной деятельностью, духовным воспитанием.

— Мыслящее существо из другого мира, если оно достигло космоса, также высоко совершенно,

универсально, то есть прекрасно! Никаких мыслящих чудовищ, человеко-грибов, людей-осьминогов не должно быть! Не знаю, как это выглядит в действительности, встретимся ли мы со сходством формы или красотой в каком-то другом отношении, но это неизбежно! — закончила свое выступление Афра Деви.

— Мне нравится теория, — поддержал биолога Тэй Эрон, — только...

— Я поняла, — перебила Афра. — Даже ничтожные отклонения от привычного облика создают уродства, а тут вероятность отклонений слишком велика. Ведь незначительные отклонения формы: отсутствие носа, век, губ на человеческом лице, вызванные травмой, воспринимаются нами как уродство и страшны именно тем, что они на общей человеческой основе. Морда лошади или собаки очень резко отличается от человеческого лица, и тем не менее она не уродлива, даже красива. Это потому, что в ней красота целесообразности, в то время как на травмированном человеческом лице гармония нарушена...

— Следовательно, если они будут по облику очень далеки от нас, то не покажутся нам уродливыми? А если такие же, как мы, но с рогами и хоботами? — не сдавался Тэй.

— Рога мыслящему существу не нужны и никогда у него не будут. Нос может быть вытянут наподобие хобота (хотя хобот при наличии рук, без которых не может быть человека, тоже не нужен). Это будет частный случай, необязательное условие строения мыслящего существа. Но все, что складывается исторически, в результате естественного отбора, становится закономерностью, неким средним из множества отклонений. Тут-то выступает во всей красоте всесторонняя целесообразность. И я не жду рогатых и хвостатых чудовищ во встречном звездолете — там им не быть! Только низшие формы жизни очень разнообразны; чем выше, тем они более похожи друг на друга. Палеонтология показывает нам, в какие жесткие рамки вправляло высшие ор-

ганизмы эволюционное развитие — вспомните о сотнях случаев полного внешнего сходства у высших позвоночных из совершенно различных подклассов — сумчатых и плацентарных.

— Вы победили! — согласился Тэй Эрон с Афрой и, не без гордости за подругу, оглядел присутствовавших.

Неожиданно стал возражать Кари Рам, слегка покраснев от юношеского смущения. Он говорил, что чужие существа, даже обладая вполне человеческой и красивой оболочкой — телом, могут оказаться бесконечно далекими от нас по разуму, по своим представлениям о мире и жизни. И, будучи столь отличными, они могут стать жестокими и ужасными врагами.

Тогда на защиту биолога стал Мут Анг.

— Только недавно я думал об этом, — сказал командир, — и понял, что на высшей ступени развития никакого непонимания между мыслящими существами быть не может. Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек — микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появлялась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть никаких «иных», совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы...

Радостные восклицания заглушили командира.

— Не слишком ли сильно? — неодобрительно сказал Мут Анг.

— Нет, — смело возразила Афра Деви, — всегда восхищаешься совпадением мыслей у целого ряда людей. В этом залог их верности и чувство товарищеской опоры... особенно если подходишь с разных сторон науки...

— Вы имеете в виду биологию и социальные дисциплины? — спросил молчавший до сих пор Яс Тин, по обыкновению устроившийся в удобном углу дивана.

— Да! Самым ярким во всей социальной истории земного человечества было неуклонное возрастание взаимопонимания с ростом культуры и широты познаний. Чем выше становилась культура, тем легче было разным народам и расам бесклассового общества понять друг друга, тем ярче светили всем общие цели устройства жизни, необходимость объединения сначала нескольких стран, а затем и всей планеты, всего человечества. Сейчас, при том уровне развития, которое достигнуто Землей и, несомненно, теми, кто идет нам навстречу... — Афра умолкла.

— Это так, — согласился Мут Анг, — две разные планеты, достигшие космоса, легче сговорятся, чем два диких народа одной планеты!

— Но как же насчет неизбежности войны даже в космосе, в которой были убеждены наши предки с довольно высоким уровнем культуры? — спросил Кари Рам.

— Где она, та знаменитая книга, обещанная вами, — вспомнил Тэй Эрон, — о двух космических кораблях, которые при первой же встрече хотели уничтожить друг друга?

Командир снова направился в свою комнату. На этот раз ему ничто не помешало. Мут Анг вернулся с маленькой восьмилучевой звездочкой микрофильма и вставил ее в читающую машину. Фантазия древнего американского автора интересовала всех звездолетчиков.

* * *

Рассказ, называвшийся «Первый контакт», в драматических тонах описывал встречу земного звездолета с чужим в Крабовидной туманности, на расстоянии более тысячи парсеков от Солнца. Командир земного звездолета отдал приказ приготовить все звездные карты, материалы наблюдений и вычислений курса к мгновенному уничтожению, а также направить на чужой корабль все пушки для разрушения метеоритов. Затем земные люди начали решать ответственнейшую проблему: имеют ли они право попытаться вступить в переговоры с чужим

звездолетом, или должны немедленно атаковать и уничтожить его? Смысл великой тревоги людей Земли заключался в опасении, что чужие разгадают путь земного корабля и как завоеватели явятся на Землю.

Дикие мысли командира принимались экипажем корабля за непреложные истины. Встреча двух независимо возникших цивилизаций, по мнению командира, должна неминуемо вести к подчинению одной и победе той, которая обладает более сильным оружием. Встреча в космосе означала либо торговлю, либо войну — ничего другого не пришло в голову автору.

Скоро выяснилось, что чужие очень сходны с земными людьми, хотя видят лишь в инфракрасном свете, а переговариваются радиоволнами; тем не менее люди сразу разгадали язык чужих и поняли их мысли. У командира чужого звездолета были такие же убогие социальные познания, как у людей Земли. Он ломал голову над задачей, как выйти из рокового положения живым и не уничтожить земного корабля.

Долгожданная великолепная случайность — первая встреча представителей разных человечеств — грозила обернуться страшной бедой. Корабли висели в пространстве на расстоянии около семисот миль друг от друга, и звездолеты уже более двух недель вели переговоры через робота — сферическую лодку.

Оба командира заверяли друг друга в миролюбии и тут же твердили, что не могут ничему верить. Положение было бы безвыходным, если бы не главный герой повести — молодой астрофизик. Спрятав под одежду бомбы страшной взрывной силы, он вместе с командиром явился в гости на чужой звездолет. Они предъявили ультиматум: поменаться кораблями. Часть экипажа черного звездолета должна была перейти на земной, а часть землян — на чужой, предварительно обезвредив все свои пушки для разрушения метеоритов, обучиться управлению разными системами, перевезти все имущество. А по-

ка оба героя с бомбами должны были оставаться на чужом звездолете, чтобы в случае какого-либо подвоха мгновенно взорвать корабль. Командир чужого звездолета принял ультиматум. Размен кораблей и их обезвреживание произошли благополучно. Черный звездолет с людьми, а земной корабль с чужими поспешно удалились от места встречи, скрывшись в слабом свечении газа туманности.

...Гул голосов наполнил библиотеку. Еще во время чтения то один, то другой из молодых астролетчиков выказывали признаки нетерпения, несогласия, сгорая от желания возразить. Теперь они принялись говорить, едва избегая величайшей невежливости, какой считалась попытка перебить собеседника. Все обращались к командиру, будто он стал ответствен за древнюю повесть, извлеченную им из забвения.

Большинство говорило о полном несоответствии времени действия и психологии героев. Если звездолет смог удалиться от Земли на расстояние четырех тысяч световых лет всего за три месяца пути, то время действия повести должно было быть даже позднее современного. Никто еще не достиг таких глубин космоса. Но мысли и действия людей Земли в повести ничем не отличаются от принятых во времена капитализма, много веков назад! Немало и чисто технических ошибок, вроде невозможно быстрой остановки звездолетов или общения чужих мыслящих существ между собою радиоволнами. Если их планета, как указывалось в рассказе, обладала атмосферой почти такой же плотности, как и земная, то неизбежным было развитие слуха, подобного человеческому. Это требовало несравненно меньшей затраты энергии, чем производство радиоволн или сообщение биотоками. Невероятна также и быстрая расшифровка языка чужих, настолько точная, что могла быть закодированной в переводную машину...

Тэй Эрон отметил убогое представление о космосе в повести, тем более удивительное, что великий древний ученый Циолковский за несколько десятков лет до того, как был написан рассказ, предупреждал

человечество, что космос устроен гораздо сложнее, чем мы ожидаем. Вопреки мыслителям-диалектикам некоторые ученые считали, что они находятся почти у пределов познания.

Прошли века, множество открытий бесконечно усложнило наше представление о взаимозависимости явлений и тем самым как будто отдалило и замедлило познание космоса. Вместе с тем наука нашла огромное количество обходных путей для разрешения сложных проблем и технических задач. Примером подобных обходов было создание пульсационных космических кораблей, передвигающихся будто бы вне обычных законов движения. Именно в этом преодолении кажущихся тупиков математической логики и заключалось могущество будущего. Но автор «Первого контакта» даже не почувствовал необъятности познания, скрытой за простыми формулировками великих диалектиков его времени.

— Никто не обратил внимания еще на одно обстоятельство, — вдруг заговорил молчаливый Яс Тин. — Рассказ написан на английском языке. Все имена, прозвища и юмористические выражения оставлены английскими. Это не просто! Я лингвист-любитель и изучал процесс становления первого мирового языка. Английский язык — один из наиболее распространенных в прошлом. Писатель отразил как в зеркале нелепую веру в незыблемость, вернее бесконечную длительность, общественных форм. Замедленное развитие античного рабовладельческого мира или эпохи феодализма, вынужденное долготерпение древних народов были ошибочно приняты за стабильность вообще всех форм общественных отношений: языков, религий и, наконец, последнего стихийного общества, капиталистического. Опасное общественное неравновесие конца капитализма считалось неизменным. Английский язык уже тогда был архаическим пережитком, потому что в нем были фактически два языка — письменный и фонетический, и он полностью не пригоден для переводных машин. Удивительно, как автор не сообразил, что язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идет из-

менение человеческих отношений и представлений о мире!

Полузабытый древний язык санскрит оказался построенным наиболее логически и потому стал основой языка-посредника для переводных машин. Прошло немного времени, и из языка-посредника сформировался первый мировой язык нашей планеты, с тех пор еще претерпевший много изменений. Западные языки оказались недолговечными. Еще меньше прожили взятые от религиозных преданий, из совсем чуждых и давно умерших языков имена людей.

— Яс Тин заметил самое главное, — вступил в разговор Мут Анг. — Страшнее, чем научное незнание или неверная методика, — косность, упорство в защите тех форм общественного устройства, которые совершенно очевидно не оправдали себя даже в глазах современников. В основе этой косности, за исключением менее частых случаев простого невежества, лежала, конечно, личная заинтересованность в сохранении того общественного строя, при котором этим защитникам жилось лучше, чем большинству людей. А если так, то что за дело было им до человечества, до судьбы всей планеты, ее энергетических запасов, здоровья ее обитателей?

Неразумное расходование запасов горючих ископаемых, лесов, истощение рек и почв, опаснейшие опыты по созданию убийственных видов атомного оружия — все это, вместе взятое, определяло действия и мировоззрение тех, кто старался во что бы то ни стало сохранить отжившее и уходящее в прошлое, причиняя страдания и внушая страх большинству людей. Именно здесь зарождалось и прорастало ядовитое семя исключительных привилегий, выдумок о превосходстве одной группы, класса или расы людей над другими, оправдание насилия и войны — все то, что получило в давние времена название фашизма.

Привилегированная группа неизбежно будет тормозить развитие, стараясь, чтобы для нее оставалось все по-прежнему, а униженная часть общества бу-

дет вести борьбу против этого торможения и за собственные привилегии. Чем сильнее было давление привилегированной группы, тем сильнее становилось сопротивление, жестче формы борьбы, и развивалась обоюдная жестокость, и, следовательно, деградировало моральное состояние людей. Перенесите это с борьбы классов в одной стране на борьбу привилегированных и угнетенных стран между собою. Вспомните из истории борьбу между странами нового, социалистического общества и старого, капиталистического, и вы поймете причину рождения военной идеологии, пропаганды неизбежности войн, их вечности и космическом распространении. Я вижу здесь сердце зла, ту змею, которая, как ее ни прячь, обязательно укусит, потому что не кусать она не может. Помните, каким недобрым красно-желтым светом горела звезда, мимо которой мы направились к нашей цели...

— Сердце Змеи! — воскликнула Тайна.

— Сердце Змеи! И сердце литературы защитников старого общества, пропагандировавшей неизбежность войны и капитализма, — это сердце ядовитого пресмыкающегося.

— Следовательно, наши опасения тоже отголоски змеиного сердца, еще оставшиеся от древних! — серьезно и печально сказал Кари. — Но я, наверное, самый змеиный человек из всех нас, потому что у меня еще есть опасения... сомнения, как там их назвать.

— Кари! — с укором воскликнула Тайна.

Но тот упрямо продолжал:

— Командир хорошо говорил нам о смертных кризисах высших цивилизаций. Все мы знаем погибшие планеты, где жизнь уничтожена из-за того, что люди на них не успели справиться с военной атомной опасностью, создать новое общество по научным законам и навсегда положить конец жажде истребления, вырвать это змеиное сердце! Знаем, что наша планета едва успела избежать подобной участи. Не появившись в России первое социалистическое государство, положившее начало великим

изменениям в жизни планеты, расцвел бы фашизм и с ним убийственные ядерные войны! Но если они там, — молодой астронавигатор показал в сторону, с которой ожидался чужой звездолет, — если они еще не прошли опасного пика?

— Исключено, Кари! — спокойно ответил Мут Анг. — Возможна некая аналогия в становлении высших форм жизни и высших форм общества. Человек мог развиваться лишь в сравнительно стабильных, долго существующих благоприятных условиях окружающей природы. Это не значит, что изменения совсем отсутствовали, наоборот, они были даже довольно резкие, но лишь в отношении человека, а не природы в целом. Катастрофы, большие потрясения и изменения не позволили бы развиваться высшему мыслящему существу. Так и высшая форма общества, которая смогла победить космос, строить звездолеты, проникнуть в бездонные глубины пространства, смогла все это дать только после всепланетной стабилизации условий жизни человечества и, уж конечно, без катастрофических войн капитализма... Нет, те, что идут нам навстречу, тоже прошли критическую точку, тоже страдали и гибли, пока не построили настоящее, мудрое общество!

— Мне кажется, есть какая-то стихийная мудрость в историях цивилизаций разных планет, — сказал с загоревшимися глазами Тэй Эрон. — Человечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев!

— Совершив подъем на высшую ступень коммунистического общества, человечество обрело космическую силу, и оно могло обрести ее только этим путем, другого не дано! — воскликнул Кари. — И не дано никакому другому человечеству, если так называть высшие формы организованной, мыслящей жизни.

— Мы, наши корабли — руки человечества Земли, протянутые к звездам, — серьезно сказал Мут Анг, — и эти руки чисты! Но это не может быть

только нашей особенностью! Скоро мы коснемся такой же чистой и могучей руки!

Молодежь не выдержала и восторженными криками встретила заключение командира. Но и старшие, достигшие мужественной сдержанности чувств, окружили Мут Анга с явным волнением.

* * *

Где-то впереди, все еще на чудовищном расстоянии летел навстречу корабль с планеты чужой и далекой звезды. И люди Земли впервые за миллиарды лет развития жизни на своей планете должны соприкоснуться с другими... тоже людьми. Неудивительно, что астролетчики, как ни сдерживали себя, пришли в лихорадочное возбуждение. Удалиться на отдых, остаться наедине с собой в горячем нетерпении ожидания казалось невозможным. Но Мут Анг, рассчитав время встречи звездолетов, приказал Свет Симу дать всем успокоительного лекарства.

— Мы, — твердо отвечал он на протесты, — должны встретить своих собратьев в наилучшем состоянии души и тела. Предстоит еще огромный труд: нам придется понять их и суметь рассказать о себе. Взять их знание. И отдать свое! — сдвинул брови Мут Анг. — Никогда еще я так не опасался своего неумения, некомпетентности. — Тревога изменила обычно спокойное лицо командира, пальцы стиснутых рук побелели.

Астролетчики, может быть, только сейчас ощутили, какую ответственность налагала на каждого небывалая встреча. Они беспрекословно приняли пилюли и разошлись.

Мут Анг оставил только Кари, потом поколебался, окидывая взглядом могучую фигуру Тэй Эрона, и жестом пригласил его тоже в пост управления. Со вздохом усталости командир вытянулся в кресле, склонил голову и закрыл лицо руками.

Тэй и Кари молчали, опасаясь нарушить раздумья командира. Звездолет шел очень медленно, делая двести тысяч километров в час, — так назы-

ваемой тангенциальной скоростью, употреблявшейся при вхождении в зону Роша какого-либо небесного тела. Роботы, управлявшие кораблем, держали его на тщательно вычисленном обратном курсе. Пора было появиться лучу локатора чужого корабля, и то, что его не было, заставляло Тэй Эрона с каждой минутой тревожиться сильнее.

Мут Анг выпрямился с веселой и немного грустной улыбкой, хорошо знакомой каждому члену экипажа.

«Приди, далекий друг, к заветному порогу...»

Тэй нахмурился, вглядываясь в беспросветную черноту переднего экрана. Песенка командира показалась ему неподходящей в такой серьезный момент. Но Кари подхватил еще более веселый припев, лукаво поглядывая на угрюмого помощника.

— Попробуйте помахать нашим лучом, Кари, — вдруг сказал Мут Анг, прерывая себя, — по два градуса в каждую сторону и наперекрест!

Тэй слегка покраснел. Не додумался до простой меры, а мысленно укорил командира!

Прошло еще два часа. Кари представлял себе, как луч их локатора там, впереди, в колоссальном удалении, скользит налево, направо, вверх и вниз, пробегая с каждым взмахом сотни тысяч километров черной пустоты. Такие взмахи сигнального «платка» превосходили самую буйную фантазию старых земных сказок о великанах.

Тэй Эрон погрузился в созерцательное оцепенение. Мысли текли медленно, не вызывая эмоций. Тэй вспоминал, как после отлета с Земли его не покидало чувство странной отрешенности.

Наверно, это чувство было свойственно человеку в первобытной жизни — ощущение полной несвязанности, отсутствия каких-либо обязательств, забот о будущем. Вероятно, подобные ощущения появлялись у людей во времена больших бедствий, войн, социальных потрясений. И у Тэй Эрона прошлое, все, что было оставлено на Земле, ушло навсегда и невоз-

вратно; неизвестное будущее отделено пропастью в сотни лет, за которой ждет только совсем новое. Поэтому никаких планов, проектов, чувств и пожеланий для того, что впереди. Только принести туда добытое из космоса, вырванное из его глубин новое познание. Вперед, только вперед! И вдруг случилось такое, что заслонило собою и ожидание новой Земли и заботы помощника командира.

Мут Анг пытался представить себе жизнь идущего навстречу корабля. Командир представлял себе корабль чужих и его обитателей сходными с земным кораблем, земными людьми, земными переживаниями. Он убедился, что легче представить чужих, выдумывая самые невероятные формы жизни, чем подчинить свою фантазию строгим рамкам законов, о которых так убедительно говорила Афра Деви.

Еще не подняв опущенной головы, по внезапному напряжению товарищей Мут Анг почувствовал появление сигнала на экране локатора. Он не увидел ее, эту световую точку, — так быстро она исчезла, черкнув по черному блестящему диску. Сигнальный звонок едва звякнул. Астролетки вскочили и перегнулись через столы пультов, инстинктивно стараясь приблизиться к экрану. Как ни мгновенно было появление светящейся точки, оно означало очень многое. Чужой звездолет повернул им навстречу, а не скрылся в глубинах пространства. Кораблем управляют не менее искусные в космических полетах существа, они сумели рассчитать обратный курс достаточно точно и быстро и теперь нащупывают «Теллур» лучом на огромном расстоянии. Две невообразимо маленькие точки, затерявшиеся в необъятной тьме, ищут друг друга... И в то же время это два огромных мира, полных энергии и знания, касаются один другого направленными пучками световых волн. Кари повел луч главного локатора с деления «1 488» на «375». Еще, еще... Световая точка вернулась, исчезла, снова мелькнула в черном зеркале, сопровождаемая мгновенно умиравшим звуковым сигналом.

Мут Анг взялся за верньеры локатора и стал описывать спираль от периферии к центру того колос-

сального круга, который очерчивался лучом в районе приближавшегося звездолета.

Чужие, видимо, повторили маневр. После долгих усилий световая точка укрепилась в пределах третьего круга черного зеркала. Она металась лишь от вибрации обоих кораблей. Звонок раздавался теперь непрерывно, и его пришлось приглушить. Не было сомнения, что луч «Теллура» также уловлен приборами чужого звездолета и корабли идут навстречу, сближаясь за час не меньше чем на четыреста тысяч километров.

Тэй Эрон извлек из машины заданные ей расчеты и определил, что корабли разделяет расстояние около трех миллионов километров. До встречи звездолетов осталось семь часов. Через час можно было начинать интегральное торможение, которое отодвинет встречу еще на несколько часов, если чужой звездолет делает то же самое и если он тормозится по сходным расчетам. Возможно, чужие смогут остановиться быстрее или же придется снова миновать друг друга, и это опять отдалит встречу, а ожидание становится почти невыносимым.

Но чужой звездолет не причинил лишних мучений. Он начал тормозиться сильнее, чем «Теллур», потом, установив темп замедления земного звездолета, повторил его. Корабли сходились ближе и ближе. Экипаж «Теллура» снова собрался в центральном посту. Звездолетчики следили, как в черном зеркале локатора световую точку заменило пятно.

Это собственный луч «Теллура», отразившись от чужого звездолета, вернулся к кораблю. Пятно стало похоже на крохотный цилиндр, опоясанный толстым валиком (форма, даже отдаленно не напоминавшая «Теллур»). Еще ближе — и на концах цилиндра появились куполовидные утолщения.

Сияющие контуры увеличивались и расплывались, пока не достигли периферии черного круга.

— Слушайте все! По местам! Окончательное торможение при восьми «Ж»!

Гидравлические кресла долго вдавливались в свои подставки, в глазах у людей краснело и темнело,

на лицах выступал липкий пот. «Теллур» остановился и повис в пустоте, где не было верха и низа, сторон или дна, в ледящей космической тьме, в ста двух парсеках от родной звезды — желтого Солнца.

Едва придя в себя после торможения, астролетки включили экраны прямого обзора и гигантский осветитель, но ничего не увидели, кроме яркого светового тумана впереди и левее носа корабля. Осветитель погас, и тогда сильный голубой свет ударил в глаза всем смотревшим на экран, окончательно лишив их возможности что-либо увидеть.

— Поляризатор — сетку, тридцать пять градусов и фильтр световых волн! — распорядился Мут Анг.

— На длину волны шестьсот двадцать? — осведомился Тэй Эрон.

— Вероятно, это будет наилучшим!

Поляризатор погасил голубое сияние. Тогда могучий оранжевый поток света вонзился в черную тьму, повернул, задел край какого-то сооружения и, наконец, осветил весь чужой звездолет.

Корабль с другой звезды находился всего в нескольких километрах. Такое сближение делало честь как земным, так и чужим астронавигаторам. С расстояния трудно было точно определить размеры звездолета. Внезапно из чужого корабля ударил в зенит толстый луч оранжевого света, по длине волны совпадавшего с тем, который излучал «Теллур». Видимо, чужие так же, как и земляне, использовали свет для сигнализации, делая его лучи видимыми в космической пустоте. Луч появился, исчез, возник снова и остался стоять вертикально, возносясь к незнакомым созвездиям на краю Млечного Пути.

Мут Анг потер лоб рукой, что делал всегда в минуты напряженного раздумья.

— Вероятно, сигнал, — осторожно сказал Тэй Эрон.

— Без сомнения. Я понял бы его так: неподвижный столб нашего света означает: «Стойте на месте, буду подходить я». Попробуем ответить.

Земной звездолет погасил свой прожектор, переключил фильтр на волну четыреста тридцать и повел

голубым лучом к своей корме. Столб оранжевого света на чужом корабле мгновенно погас.

Астролетчики ожидали, чуть дыша. Чужой корабль больше всего походил на катушку: два конуса, соединенные вершинами. Основание одного из конусов, видимо переднего, прикрыто куполом, на заднем установлена широкая, открытая в пространство воронка. Середина корабля выступала толстым, слабо светившимся кольцом неопределенных очертаний. Сквозь кольцо просвечивали контуры цилиндра, соединявшего конусы. Внезапно кольцо сгустилось, сделалось непроницаемым, закрутилось вокруг середины звездолета, как колесо турбины. Чужой корабль стал вырастать на обзорных экранах; за три-четыре секунды он заполнил собою все поле видимости. Люди Земли поняли, что перед ними корабль больше «Теллура».

— Афра, Яс и Кари — в шлюзовую камеру, к выходу из корабля вместе со мной! Тэй останется на посту. Планетарный осветитель включить! Зажжем посадочное освещение левого борта! — отдавал короткие распоряжения командир.

В лихорадочной спешке названные астролетчики надели легкие скафандры, применявшиеся для планетных исследований и для выхода из корабля в космическое пространство, в отдалении от смертоносного излучения звезд.

Мут Анг критически осмотрел всех, проверил работу своего скафандра и включил насосы. Они мгновенно всосали воздух из шлюзовой камеры внутрь корабля. Едва показатель разрежения достиг зеленой черты, командир повернул одну за другой три рукоятки. Беззвучно, как и все, что происходило в космосе, сдвинулись в стороны броневые плиты, изоляционный слой и коробка воздушной ячейки. Отскочила круглая крышка выходного люка, и тотчас гидравлические штанги выдавили вверх пол шлюзовой камеры. Четверо астролетчиков оказались на высоте четырех метров над передней частью «Теллура», на круглой, огражденной площадке, так называемой площадке верхнего обзора.

Чужой звездолет в поясе голубых огней оказался совершенно белым. У него была не зеркальная металлическая поверхность, отражающая все виды излучений космоса, как броня «Теллура», а матовая, светившаяся ярчайшей белизной горного снега. Только центральное кольцо продолжало испускать слабое голубое сияние.

Исполинская громада корабля заметно приближалась к «Теллуру». В космическом пространстве, далеко от любых полей тяготения, оба звездолета ощутительно притягивали друг друга, и это служило порукой тому, что корабль чужого мира не был из антиматерии. «Теллур» выставил с левого борта гигантские причальные упоры в виде телескопических пружинных труб.

Концы упоров были снабжены подушками из упругой пластмассы с предохранительным слоем на тот случай, если бы то, к чему предстояло прикоснуться в космосе, оказалось из антиматерии. Куполовидный нос чужого звездолета прорезался наверху черным зиянием, похожим на раскрывшийся в наглой усмешке рот. Оттуда выдвинулся балкон, огражденный частыми тонкими столбиками. В черной пасти зашевелилось что-то белое. Три товарища Афры услышали вырвавшийся у нее стон разочарования. Пять мертвенно-белых, непомерно широких фигур появились на выступающей площадке звездолета. Ростом примерно соответствовавшие людям Земли, они были гораздо толще, спины горбились гребневидными выступами. Вместо круглых прозрачных шлемов землян на приподнятых поперечными валиками плечах чужих помещалось нечто вроде большой известковой раковины, обращенной выпуклостью назад. Спереди веером расходились и торчали большие шипы, образуя навес, под которым торчали различимая темнота чуть отблескивала черным стеклом.

Первая появившаяся белая фигура сделала резкий жест, из которого стало ясно, что у чужих две руки и две ноги. Белый корабль повернулся носом

к борту земного звездолета и выдвинул более чем на двадцать метров гармонику из пластин красного металла.

Мягкий пружинящий толчок — и оба корабля соприкоснулись. Но на концах стержней не вспыхнула ослепительная молния полного атомного распада, закапсულიрованного мощным магнитным полем: материя встретившихся звездолетов была одной и той же.

Стоявшие на обзорной площадке «Теллура» услышали в своих телефонах тихий довольный смешок командира и переглянулись в недоумении.

— Я думаю утешить всех и прежде всего Афру, — сказал Мут Анг. — Представьте себе нас с их стороны! Пузырчатые куклы с суставчатыми конечностями и огромными круглыми головами... пустыми на три четверти!

Афра звонко рассмеялась.

— Все дело в начинке скафандров, в том, что там внутри, а снаружи — дело произвольное!

— Ног и рук столько же, сколько у нас, — начал Кари.

Но тут вокруг выдвинутого белым кораблем металлического каркаса возник складчатый белый футляр, пустым рукавом протянувшись к «Теллуру». Передняя фигура на площадке, в которой Мут Анг чутьем угадал равного себе по рангу командира, стала делать не оставляющие сомнений жесты, приближая к груди вытянутые к «Теллуру» руки. Люди не заставили себя ждать и выдвинули из нижней части корпуса соединительную трубу-галерею, употреблявшуюся для сообщения между кораблями в пространстве. Галерея «Теллура» была круглого сечения, у белого звездолета — вертикально-эллиптическая. Земные техники быстро изготовили из мягкого дерева переходную раму. На космическом морозе дерево мгновенно изменило свою молекулярную систему и стало прочнее стали. За это время на выступе чужого корабля появился куб из красного металла с черной передней стенкой — экраном. Две белые фигуры склонились над ним, выпрямились и отступили. Перед взглядами землян на экране за-

светилось подобие человеческой фигуры, верхняя часть которой ритмически расширялась и спадалась. Маленькие белые стрелки то устремлялись внутрь фигуры, то вылетали наружу.

— Гениально просто — дыхание! — воскликнула Афра. — Они покажут нам, чем дышат, состав своей атмосферы, но как?

Будто отвечая на ее вопрос, дышащая модель на экране исчезла, заменившись новой фигурой. Черная точка в сероватом кольцевидном облачке, — несомненно, ядро атома, окруженное тонкими орбитами светящихся точек — электронов. Мут Анг почувствовал, как сжалось горло, он не мог произнести ни слова. На экране были уже четыре фигуры: две в центре, одна под другой, связанные толстой белой чертой, и две боковые, соединенные черными стрелками.

Все земляне с бьющимися сердцами считали электроны. Нижний, видимо основной элемент океана: один электрон вокруг ядра — водород. Верхний, главный элемент атмосферы и дыхания: девять электронов вокруг ядра — фтор!

— О, о! — жалобно вскрикнула Афра Деви. — Фтор!..

— Считайте, — перебил командир, — налево вверху — шесть электронов: углерод, направо — семь: азот. Вот и все ясно. Передайте, чтобы изготовили такую же таблицу нашей атмосферы и нашего обмена веществ — все будет то же, только вместо центрального верхнего, фтора, у нас кислород с его восемью электронами. Как жаль, отчаянно жаль!

Когда земляне выдвинули свою таблицу, астролетчики заметили, как пошатнулась передняя белая фигура на мостике своего корабля и поднесла руку к раковине скафандра жестом, понятным человеку Земли. Видимо, те же чувства, но еще более сильные, были у командира чужого звездолета.

Эта же белая фигура перегнулась через ограждение мостика и сделала рукой резкий взмах, как бы разрубая что-то в пустоте. Шиповидные выросты его головной раковины упрямо наклонились к «Тел-

луру», который находился на несколько метров ниже белого корабля. Потом командир чужих поднял обе руки и провел ими вниз на некотором расстоянии одна от другой, как бы показывая две параллельные плоскости.

Мут Анг повторил его жест. Тогда командир чужого звездолета высоко поднял одну руку жестом безмолвного привета, повернулся и скрылся в черной пасти. За ним последовали остальные.

— Пойдемте и мы, — сказал Мут Анг, нажимая опускающий рычаг.

Афра даже не успела поглядеть на великолепное сверкание звезд в черной пустоте космоса, которое всегда приводило ее в особенный созерцательный восторг.

Люк закрылся, вспыхнуло освещение шлюзовой камеры, стало слышно легкое шипение насосов — первый признак того, что воздух достиг земной плотности.

— Будем строить перегородки, а потом соединять галереи? — спросил Яс Тин командира, едва освоившись от шлема.

— Да. Это и хотел сказать командир их звездолета. Какое горе: у них на планете газ жизни — фтор, смертельно ядовитый для нас! А им так же смертелен наш кислород. Многие наши материалы, краски и металлы, стойкие в кислородной атмосфере, могут разрушиться при соприкосновении с их дыханием. Вместо воды у них жидкий фтористый водород — та самая плавиковая кислота, которая у нас разъедает стекло и разрушает почти все минералы, в состав которых входит кремний, легкорастворимый во фтористом водороде. Вот почему нам придется ставить прозрачную перегородку, стойкую против кислорода, а они поставят свою, из вещества, не разрушаемого фтором. Но пойдемте, надо спешить. Мы обсудим все, пока будет изготавляться переборка!

Матово-синий пол гасительной камеры, отделявшей жилые помещения от машин «Теллура», превратился в химическую мастерскую. Толстый лист хрустально-прозрачной пластмассы был отлит из заготовленных еще на Земле составов и теперь медленно

цементировался, прогреваемый отопительными коврами. Неожиданное препятствие сделало невозможным прямое общение людей Земли с чужими.

Белый корабль не проявлял никаких признаков жизни, хотя наблюдатели непрерывно следили за ним у обзорных экранов.

В библиотеке «Теллура» кипела работа. Все члены экипажа отбирали стереофильмы и магнитные фото-записи о Земле, репродукции лучших произведений искусства. Спешно готовились диаграммы и чертежи математических функций, схемы кристаллических решеток веществ, наиболее распространенных в земной коре, на других планетах и на Солнце. Регулировали большой стереозэкран, заделывали в устойчивый к фтору чехол обертоновый звучатель, точно передающий голос человека.

В короткие перерывы еды и отдыха астролетчики обсуждали необыкновенную атмосферу родины встреченных путешественников космоса.

Круговорот веществ, использующий лучистую энергию светила и позволяющий жизни существовать и накапливать энергию в борьбе с рассеянием энергии — энтропией, обязательно должен был и у чужих следовать общей схеме земных превращений. Свободный активный газ, будь то кислород, фтор или какой-нибудь еще, мог накопиться в атмосфере только в результате жизнедеятельности растений. Животная жизнь и человек в том числе расходовали кислород или фтор, связывая его с углеродом — основным элементом, из которого состояли тела и растений и животных.

На чужой планете должен был быть фтористоводородный океан. Расщепляя с помощью лучистой энергии своего светила фтористый водород, как у нас на Земле воду (кислородистый водород), растения той планеты накапливали углеводы и выделяли свободный фтор, которым в смеси с азотом дышали люди и животные, получая энергию от сгорания углеводов во фторе. Животные и люди должны выдыхать фтористый углерод и фтористый водород.

Подобный обмен веществ дает в долтора раза

больше энергии, чем земной с его кислородной основой. Не мудрено, что он послужил для развития высшей мыслящей жизни. Но диалектически большая активность фтора по сравнению с кислородом требует и более сильной радиации светила. Чтобы лучистая энергия была в состоянии расщепить молекулу фтористого водорода в растительном фотосинтезе, нужны не желто-зеленые лучи, как для воды, а лучи более мощных квант, голубые и фиолетовые. Очевидно, что светило чужих — голубая высокотемпературная звезда.

— Противоречие! — вмешался в разговор вернувшийся из мастерской Тэй Эрон. — Фтористый водород легко превращается в газ.

— Да, при плюс двадцати градусах, — ответил, заглядывая в справочник, Кари.

— А замерзает?

— При минус восьмидесяти.

— Следовательно, их планета должна быть холодной! Это не вяжется с голубой горячей звездой.

— Почему? — возразил Яс Тин. — Она может быть удалена от светила. Океаны могут находиться в умеренных или полярных зонах планеты. Или...

— Вероятно, может быть еще много «или», — сказал Мут Анг. — Как бы то ни было, звездолет с фторной планеты перед нами, и мы скоро узнаем все подробности их жизни. Важнее сейчас понять другое: фтор очень редок во вселенной. Хотя последние исследования передвинули фтор с сорокового по степени распространения места на восемнадцатое, но наш кислород занимает во вселенной третье место по общему количеству своих атомов после водорода и гелия, а уже за ним следуют азот и углерод. По другой системе подсчета кислорода в двести тысяч раз больше, чем фтора. Это может означать только одно: планет, богатых фтором, чрезвычайно мало в космосе, а планет со фторной атмосферой, то есть таких, на которых долго существовала растительная жизнь, обогатившая атмосферу свободным фтором, и совсем ничтожное число, исключение из правила.

— Теперь мне понятен жест отчаяния у коман-

дира их звездолета, — задумчиво произнесла Афра Деви. — Они ищут себе подобных, и их разочарование было очень сильно.

— Если очень сильно, то, значит, они ищут давно и, кроме того, уже встречались с мыслящей жизнью...

— И она была обыкновенная, нашего типа, кислородная! — подхватила Афра.

— Но могут быть и другие типы атмосферы, — возразил Тэй Эрон, — хлорная, например, или серная, еще сероводородная.

— Не годятся они для высшей жизни! — торжественно воскликнула Афра. — Все они дают в обмене веществ в три и даже в десять раз меньше энергии, чем кислород, наш могучий живительный кислород Земли!

— Только не серная, — пробурчал Яс Тин, — у нее энергия одинакова с кислородом!

— Вы подразумеваете атмосферу из сернистого ангидрида и океан из жидкой серы? — спросил Мут Анг, и инженер согласно кивнул.

— Но ведь в этом случае сера заменяет не кислород, а водород нашей Земли, — нахмурилась Афра, — то есть самый обычный элемент космоса! Вряд ли редкая во вселенной сера сможет быть частой заменительницей водорода. Ясно, что такая атмосфера — явление еще более редкое, чем фтор.

— И лишь для очень теплых планет, — ответил Тэй, листая справочник, — океан из серы будет жидким только выше ста и до четырехсот градусов тепла.

— Мне кажется, что Афра права! — вмешался командир. — Все эти предполагаемые атмосферы — слишком большая редкость по сравнению с нашей стандартной из наиболее распространенных в космосе элементов. Это не случайно!

— Не случайно! — согласился Яс Тин. — Но случайностей в бесконечном космосе немало. Возьмем нашу «стандартную» Землю. На ней да и на соседях ее — Луне, Марсе, Венере — много алюминия, вообще редкого во вселенной.

— И тем не менее найти повторения этих случайностей в той же бесконечности — дело десятков, если

не сотен тысячелетий, — угрюмо сказал Мут Анг. — Даже с пульсационными звездолетами! Если они ищут давно, то как я понимаю их!

— Как хорошо, что наша атмосфера из самых обычных элементов вселенной и нас ждет встреча с великим множеством подобных же планет! — сказала Афра.

— А впервые встретились с отнюдь не подобной! — отозвался Тэй.

Афра вспыхнула и только собралась возразить, как явился химик корабля с докладом, что прозрачный щит готов.

— Но мы можем войти в их звездолет запросто в космических костюмах? — осведомился Яс Тин.

— Так же, как и они в наш. Вероятно, состоится не один обмен визитами, но первые знакомства начнем с показа, — ответил командир.

Астролетчики закрепили прозрачную стену на конце передаточного рукава, а белые фигуры чужих начали ту же работу в своей галерее. Затем земляне и чужие встретились в пустоте, помогая друг другу скреплять распоры и переходную раму. Поглаживание по рукаву скафандра или по плечу — жест нежности и дружбы был в равной мере понятен тем и другим.

Грозя рогообразными выростами головных раковин, чужие пытались рассмотреть лица землян сквозь дымчатые шлемы. Но если головы земных людей были видны сравнительно отчетливо, то слабо выпуклые передние щитки шлемов чужих, укрытые под шипастыми навесами «раковин», оставались непроницаемы для земных глаз. Только безошибочное человеческое чутье говорило, что из этой темноты следят внимательные глаза, напряженно и доброжелательно.

На приглашение войти в «Теллур» белые фигуры ответили отрицательными жестами отталкивания. Один из них коснулся своего скафандра и затем быстро развел руками, как бы разбрасывая что-то.

— Боятся за скафандр в кислородной атмосфере, — догадался Тэй.

— Они хотят, как и мы, начать со встречи в галерее, — сказал командир.

* * *

Оба звездолета — снежно-белый и металлически-зеркальный — составляли теперь одно целое, неподвижно повисшее в бесконечности космоса. «Теллур» включил мощные обогреватели, и его экипаж смог войти в соединительную трубу-галерею в обычных рабочих костюмах — плотно облегающих синих комбинезонах из искусственной шерсти.

На чужой стороне галереи вспыхнуло голубое освещение, похожее на свет горных высот Земли. На границе двух по-разному освещенных камер прозрачные перегородки казались аквамариновыми, будто из застывшей чистой воды моря.

Наступившая тишина нарушалась только учащенным дыханием взволнованных землян. Тэй Эрон коснулся локтем плеча Афры и почувствовал, что молодая женщина вся дрожит. Помощник командира крепко прижал к себе биолога, и Афра ответила ему быстрым благодарным взглядом.

В глубине соединительной галерей показалась группа из восьми чужих... Чужих ли? Люди не поверили зрению. В глубине души каждый ожидал необычайного, никогда не виданного. Полное сходство чужих с людьми Земли казалось чудом. Но то было лишь при первом взгляде. Чем дольше всматривались земляне, тем больше различий находили в том, что не было скрыто под темной одеждой — сочетанием коротких просторных курток с длинными шароварами, наминавшими старинные одежды Земли.

Погас голубой свет — они включили земное освещение. Прозрачные перегородки потеряли свой зеленый цвет и стали белыми, почти невидимыми. За этой едва заметной стеной стояли люди. Можно ли было поверить, что они дышат ядовитейшим для Земли газом и купаются в морях всеразъедающей плавиковой кислоты! Пропорциональные очертания тел, рост, соответствующий среднему росту землян. Стран-

ный чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железняке — гематите. Серый тон этого минерала был одинаков с кожей обитателей фторной планеты.

Круглые головы поросли густыми иссиня-черными волосами... Но самой замечательной особенностью их лиц были глаза. Невероятно большие и удлинённые, с резко косым разрезом, они занимали всю ширину лица, косо поднимались наружными уголками к вискам, выше уровня глаз земных людей. Белки густого бирюзового цвета казались непропорционально удлинёнными по отношению к черной радужине и зрачкам.

Соответственно размерам и положению глаз прямые и четкие, очень черные брови смыкались с волосами высоко на висках и почти сходились к узкой переносице, образуя широкий тупой угол. Волосы над лбом от середины спускались к вискам такой же четкой и прямой линией, совершенно симметричной бровям. Поэтому лоб имел очертания вытянутого горизонтально ромба. Нос, короткий и слабо выступавший, обладал, как у землян, направленными вниз ноздрями. Небольшой рот с фиолетовыми губами показывал правильный ряд зубов такого же чистого небесного цвета, как и белки глаз. Верхняя половина лица казалась очень расширенной. Ниже глаз лицо сильно суживалось к подбородку с чуть угловатыми очертаниями. Строение ушей осталось невыясненным: виски у всех прищельцев прикрывались через темя золотистыми жгутами.

Среди чужих были женщины и мужчины. Женщины угадывались по высоте стройных шей, округлости очертаний лиц и по очень пышной массе коротко стриженных волос. У мужчин был более высокий рост, большая массивность тела, более широкие подбородки — в общем те же черты, какими различались оба пола землян.

Афре показалось, что руки чужих имеют только по четыре пальца. Соответствуя человеческим пропорциям, пальцы людей фторной планеты как будто не

обладали суставами: они сгибались плавно, не образуя угловатых выступов.

Ног нельзя было разглядеть: ступни их утопали в мягком настиле пола. Одежды в свете, естественном для земных глаз, казались темно-красного, почти кирпичного цвета.

Чем дольше вглядывались астролетчики, тем менее странным казался облик пришельцев с фторной планеты. Более того, людям Земли становилась понятнее своеобразная экзотическая красота чужих. Их главным очарованием были огромные глаза, смотревшие сосредоточенно и ласково на людей, излучая тепло мудрости и дружбы.

— Какие глаза! — не удержалась Афра. — С такими легче становиться людьми, чем с нашими, хотя и наши великолепны!

— Почему так? — шепнул Тэй.

— Чем крупнее глаза, тем большее количество элементов сетчатки, тем более число деталей из окружающего мира может усвоить такой глаз.

Тэй кивнул в знак понимания.

Один из чужих выступил вперед и сделал приглашающий жест. Тотчас же земное освещение на той стороне галереи погасло.

— Ох! — горестно воскликнул Мут Анг. — Я не предусмотрел.

— Я сделал, — спокойно отозвался Кари, выключил обычный свет и зажег две сильные лампы с фильтрами четверста тридцать.

— Мы выглядим мертвецами, — огорченно сказала Тайна, — неважный вид у человечества в таком свете!

— Ваши опасения напрасны, — сказал Мут Анг. — Их спектр наилучшей видимости уходит далеко в фиолетовую сторону, может быть и в ультрафиолетовую. Это подразумевает гораздо больше теплоты и оттенков, чем видится нам, но я не могу представить как.

— Пожалуй, мы им покажемся много желтее, чем на самом деле, — сказал, подумав, Тэй.

— И это гораздо лучше, чем синеватый трупный

цвет. Только посмотрите вокруг! — не унималась Тайна.

Земляне сделали несколько снимков и вытолкнули в маленький шлюз обертоновый звучатель, работающий на кристаллах осмия. Чужие подхватили его и поставили на треножник. Кари направил в чашечную антенну узкий пучок радиоволн. Во фторной атмосфере звездолета зазвучали речь и музыка Земли. Тем же путем был передан прибор для анализа воздуха, который позволил установить температуру, давление и состав атмосферы неведомой планеты. Как и следовало ожидать, внутренняя температура белого звездолета оказалась ниже земной и не превышала семи градусов. Давление атмосферы было больше земного, и почти одинаковой — сила тяжести.

— Сами они, вероятно, теплее, — сказала Афра, — как мы теплее нашей привычной двадцатиградусной температуры. Я думаю, что у них теплота тела около четырнадцати наших градусов.

Чужие передали свои приборы закрытыми в двух сетчатых ящичках, не позволявших угадать их назначение.

Из одного ящичка слышались высокие прерывистые чистые звуки, как бы тающие вдали. Земляне поняли, что чужие слышат более высокие ноты, чем они. Если их слух по диапазону был примерно равен земному, то часть низких нот человеческой речи и музыки пропадала для обитателей фторной планеты. Чужие снова зажгли земное освещение, и земляне выключили голубой свет. К прозрачной стенке подошли двое — мужчина и женщина. Они спокойно сбросили свои темно-красные одежды и замерли, взявшись за руки, потом стали медленно поворачиваться, давая землянам рассмотреть их тела, которые оказались более сходны с земными, чем их лица. Гармоничная пропорциональность фигур фторных людей полностью отвечала понятиям красоты на Земле. Несколько более резкие переходы в очертаниях, какая-то резкость всех линий впадинок и выпуклостей создавали впечатление некоторой угловатости, вернее более четкой скульптурности тела

чужих. Вероятно, впечатление усиливалось серым цветом кожи, более темной в складках и впадинах.

Их головы красиво и гордо были посажены на высоких шеях; мужчина обладал широкими плечами человека труда и борьбы, а широкие бедра женщины — матери мыслящего существа — нисколько не противоречили ощущению интеллектуальной силы посланцев неведомой планеты.

Когда чужие отступили со знакомым приглашающим жестом и погасили желтый земной свет, земляне уже не колебались.

По просьбе командира перед прозрачной преградой встали, взявшись за руки, Тэй Эрон и Афра Деви. Несмотря на неземное освещение, придавшее телам людей холодный оттенок голубого мрамора, все астролетчики вздохнули с восхищением — настолько очевидной была нагая красота их товарищей. Это поняли и чужие. Смутно видимые в неосвещенной галерее, они стали обмениваться между собой взглядами и непонятными короткими жестами.

Афра и Тэй стояли гордо и открыто, полные того нервного подъема, который появляется в моменты исполнения трудных и рискованных задач. Наконец чужие кончили съемку и зажгли свой свет.

— Теперь я не сомневаюсь, что у них есть любовь, — сказала Тайна, — настоящая, прекрасная и великая человеческая любовь... если их мужчины и женщины так красивы и умны!

— Вы совершенно правы, Тайна, и от этого еще радостнее, потому что они поймут нас во всем, — отозвался Мут Анг.

— Да! Взгляните на Кари! Кари, не полюбите девушку с фторной планеты, это было бы катастрофой для вас!

Астронавигатор очнулся от транса и отвел глаза, прикованные к обитателям белого звездолета.

— А я мог бы! — грустно улыбнулся он. — Мог бы, невзирая на всю разницу наших тел, на чудовищную удаленность наших планет. Сейчас я понял все могущество и силу человеческой любви.

И молодой человек вернулся к созерцанию привлекательно улыбавшейся чужой женщины.

В это время чужие выдвинули вперед зеленый экран. На нем начали двигаться маленькие фигурки. Они шли процессией, поднимаясь на крутой склон, и несли на себе какие-то большие предметы. Поднявшись на плоскую вершину, каждая фигурка сбрасывала свою ношу и падала лицом вниз. Похожая на земную мультипликацию, картина свидетельствовала об утомлении, желании отдыха. Земляне тоже почувствовали, насколько утомили их напряженное многочасовое ожидание и первые впечатления встречи. Жители фторной планеты, видимо, надеялись на встречу с другими людьми и подготовились к ней, создав, например, подобные «разговорные» фильмы.

Экипаж «Теллура», не готовый к встрече, вышел из затруднения. К перегородке придвинули экран для скорых зарисовок, и художник «Теллура» Яс Тин начал набрасывать последовательные серии рисунков. Сначала он изобразил таких же утомленных человечков, затем нарисовал одну большую рожицу с таким явно вопросительным выражением, что чужие оживились, как при появлении Тэй Эрона и Афры Деви. Потом художник изобразил Землю, обходящую по орбите Солнце, разделил орбиту на двадцать четыре части и зачернил ее половину. Чужие вскоре ответили похожей схемой. С той и с другой стороны включились метрономы, которые помогли установить продолжительность малых делений времени, а затем вычислить и большие. Астролетчики узнали, что фторная планета вращается вокруг своей оси приблизительно за четырнадцать земных часов, а обегает свое голубое солнце в течение девятисот суток. Перерыв на отдых, который предложили чужие, равнялся пяти земным часам.

Ошеломленные, расходились люди из соединительной трубы. Погасли огни в галерее, потухло и наружное освещение кораблей. Оба звездолета, темные, замерли неподвижно рядом друг с другом, как будто все живое в них погибло, заледенело в чудовищном холоде и глубочайшем мраке пространства.

Но внутри кораблей жизнь, горячая, пытливая и деятельная, шла своим чередом. Бесконечно изобретательный человеческий мозг изыскивал новые способы, как передать братьям по мысли, рожденным на планетах удаленных звезд, знания и надежды, возвращенные тысячелетиями безмерных трудов, опасностей и страданий. Знания, освободившие человека сначала от власти дикой природы, затем от произвола дикого общественного строя, болезней и преждевременной старости, поднимавшие людей к бездонным высотам космоса.

Вторая встреча в галерее началась с показа звездных карт. И землянам и обитателям фторной планеты были совершенно незнакомы рисунки созвездий, мимо которых шли пути кораблей. (Лишь на Земле астрономам удалось установить точное положение голубого светила: в небольшом звездном облаке Млечного Пути, около Тау Змееносца.) Путь чужого звездолета шел к звездному скоплению на северной окраине Змееносца и пересекался ходом «Теллура», когда тот достиг южных границ созвездия Геркулеса.

В галерее чужих встала какая-то решетка из пластин красного металла высотой в рост человека. Что-то завертелось позади нее, видимое в просветах между пластинами. Внезапно все они сдвинулись, повернулись ребром и исчезли. На месте решетки показалось громадное пустое пространство с проносящимися в отдалении слепяще-синими шарами спутников фторной планеты. Медленно приближалась и она сама. Широкий синий пояс непроницаемой облачности обвивал ее экватор. На полюсах и в околополярных зонах планета светилась серовато-красными отблесками, а умеренные зоны своей чистейшей белизной были похожи на оболочку чужого звездолета. Здесь, сквозь слабо насыщенную парами атмосферу, смутно угадывались контуры морей, материков и гор, чередовавшихся неправильными вертикальными полосами. Планета была больше Земли. Ее быстрое вращение возбуждало вокруг нее мощное электрическое поле. Сиреневое сияние вытягивалось длинными отрост-

ками по экватору в черноту окружающего пространства.

Затаив дыхание час за часом сидели люди перед прозрачной стенкой, за которой неведомое устройство продолжало развертывать с потрясающей реальностью картины фторной планеты. Люди Земли увидели лиловые волны океана из фтористого водорода, омывавшие берега черных песков, красных утесов и склонов иззубренных гор, светящихся голубым лунным сиянием. Ближе к полюсам окружающий воздух синел все больше, становился глубже и чище темно-голубой свет фиолетовой звезды, вокруг которой быстро неслась фторная планета.

Горы здесь поднялись округлыми куполами, валами, плоскими вздутиями с ярким опаловым блеском. Синие сумерки лежали в глубоких долинах, направлявшихся от полярных гор к фестончатой полосе морей на юге. Большие заливы дымились опалесцировавшим покровом голубых облаков. Гигантские постройки из красного металла и каких-то травяно-зеленых камней обрамляли края морей, бесконечно длинными вереницами всползали по вертикальным долинам к полюсам. Эти исполинские скопления построек, заметные с громадной высоты, разделялись широкими полосами густой растительности с зелено-голубой листвой или плоскими куполами гор, светившихся изнутри, будто опалы или лунные камни Земли. Круглые шапки льдов из застывшего фтористого водорода на полюсах казались драгоценными сапфирами.

Синие, голубые, лазурные, лиловые краски преобладали повсюду. Самый воздух словно был пронизан голубоватым свечением, точно слабый разряд в газовой трубке. Мир чужой планеты казался холодным и бесстрастным, будто видение в кристалле — чистое, далекое и призрачное. Мир, в котором не чувствовалось тепла, ласкающего разнообразием красных, оранжевых и желтых цветов Земли.

Цепи городов виднелись в обоих полушариях планеты, в зонах, соответствовавших полярной и умеренной зонам Земли. К экватору горы становились

все острее и темнее. Зубчатые пики торчали из мутной от паров поверхности моря, ребра хребтов протягивались в широтном направлении, окаймляя тропические области фторной планеты.

Там плотными массами клубились синие пары: от нагрева голубой звезды легко испарявшийся фтористый водород насыщал атмосферу, подступал колоссальными облачными стенами к умеренным зонам, сгущался и каскадами лился обратно в теплую экваториальную зону. Плотины, достойные гигантов, обуздывали стремительность этих потоков, заключенных в арки и трубы и служивших источником энергии силовых станций планеты.

Нестерпимым блеском сверкали поля огромных кристаллов кварца — видимо, кремний играл роль нашей соли в водах фтористоводородного моря.

Города на экране приближались. Их очертания резко обрисовывались в холодном голубом свете. Везде, куда хватает глаз, вся площадь обитаемых зон планеты, за исключением таинственной экваториальной области, тонувшей в голубом молоке паров, была устроена, изменена, улучшена руками и творческой мыслью человека. Гораздо сильнее изменена, чем наша Земля, еще сохранившая в неприкосновенности огромные площади заповедников, древних руин или заброшенных разработок.

Труд бесчисленных поколений миллиардов людей вырастал выше гор, оплетал всю поверхность фторной планеты. Жизнь властвовала над стихиями бурных вод и густой атмосферы, пронизанной убийственно сильными лучами голубой звезды и невероятно мощными зарядами электричества.

Люди Земли смотрели не отрываясь, и сознание как бы раздваивалось: в памяти одновременно возникало видение своей родной планеты. Не так, как представляли себе родину древние предки, в зависимости от места своего рождения и жизни: то равнинами просторных полей и сыроватых лесов, то каменистыми грустными горами, то радостно сверкающими в теплом солнце берегами прозрачных морей. Вся Земля в разнообразии своих климатических зон —

холодных, умеренных и жарких стран — проходила перед мысленным взором каждого астролетчика. Бесконечно прекрасны были и серебристые степи — области вольного ветра — и могучие леса из темных елей и кедров, белых берез, крылатых пальм и гигантских голубоватых эвкалиптов. Туманные берега северных стран в стенах мшистых скал и белизна коралловых рифов в голубом сиянии тропических морей. Властно-холодное, пронизывающее сверкание снеговых хребтов и призрачная, зыбкая дымка пустынь. Реки — величавые, медленные и широкие или неистово мчащиеся табунами белых коней по крупным камням ущелистых русел. Богатство красок, разнообразие цветов, голубое земное небо с облаками, как белые птицы, солнечный зной и пасмурная, дождливая хмури, вечные перемены времен года. И среди всего этого богатства природы — еще более великое разнообразие людей, их красоты, стремлений, дел, мечтаний и сказок, горя и радости, песен и танцев, слез и тоски...

То же могущество осмысленного труда, поражающего изобретательностью, искусством, фантазией, прекрасной формой повсюду: в строениях, заводах, машинах, кораблях.

Может быть, чужие тоже видят своими огромными раскосыми глазами гораздо больше землян в холодных голубых красках своей планеты, а в передаче своей более однообразной природы ушли дальше нас, детей Земли? Назревала догадка: мы, создания кислородной атмосферы, в сотни тысяч раз более обыкновенной в космосе, нашли и найдем еще огромное количество подходящих для жизни условий, найдем, встретимся, соединимся с братьями — людьми с других звезд? А они? Порождения редкого фтора с их необыкновенными фтористыми белками и костями, кровью с синими тельцами, впитывающими фтор, как наши красные — кислород?

Эти люди заперты в ограниченном пространстве своей планеты. Наверное, они давно уже странствуют в поисках себе подобных или хотя бы планет с подходящей им атмосферой из фтора. Но как им найти

в безднах вселенной столь редкие жемчужины, как пробиться к ним через тысячи световых лет? Так близко и понятно их отчаяние, великое разочарование при встрече с кислородными людьми, вероятно, не в первый раз.

В галерее чужих ландшафты фторной планеты заменились видом колоссальных построек. Откосы наклоненных внутрь стен походили на здания тибетской архитектуры. Нигде не было прямых углов, горизонтальных плоскостей — формы плавно изгибались переходя от вертикали к горизонтали винтообразными или спиральными поворотами. Вдали возникло темное отверстие, по очертанию похожее на скрученный овал. Когда оно выросло приближаясь, стало видно, что нижняя часть овала представляет собою спирально изогнутую широкую дорогу, поднимающуюся и углубленную в темноту гигантского входа в здание размерами с целый город. Оправленные в красное, большие голубые знаки, издали напоминавшие волновую рябь, виднелись над входом. Вход приближался. В глубине его становилась видна слабо освещенная гигантская зала со светящимися, как флуоресцирующий плавиковый шпат, стенами.

* * *

И внезапно, без предупреждения, картина исчезла. Изумленные астролетчики, приготовившиеся увидеть нечто необычайное, почувствовали буквально удар. Галерея по ту сторону прозрачной стены осветилась обычным голубым светом. Появились чужие звездолетчики. На этот раз они двигались очень быстро, резкими движениями.

В этот момент на экране возникла череда последовательных картинок. Они замелькали в таком темпе, что экипаж едва мог уследить за изображениями. Где-то во тьме космоса двигался такой же белый звездолет, какой висел сейчас бок о бок с «Теллуrom». Видно было, как крутилось, сверкало, разбрасывая во все стороны лучи, его центральное кольцо. Вдруг кольцо остановило вращение, и корабль повис в кос-

мической бездне, недалеко от маленькой голубой звезды-карлика.

Из звездолета устремились вдаль лучи, черточками мелькавшие на экране, в левом углу которого появился второй звездолет. Летящие черточки достигли его, неподвижно стоявшего рядом с земным кораблем, в котором люди узнали свой «Теллур». И белый звездолет, принявший зов своего товарища, отодвинулся от «Теллура» куда-то в черную даль.

Мут Анг вздохнул так громко, что подчиненные обернулись к своему командиру с немим вопросом.

— Да! Они скоро уйдут. Где-то очень далеко шел второй их корабль. Они каким-то способом переговаривались, хотя я не могу себе представить, как это возможно в неизмеримых безднах, разделявших корабли. И теперь что-то случилось со вторым звездолетом, его зов достиг наших чужих, хотя правильнее будет сказать, наших друзей.

— Может быть, он не поврежден, а нашел что-нибудь важное? — тихо спросила Тайна.

— Может быть. Как бы то ни было, они уходят. Надо торопиться изо всех сил, чтобы успеть переписать, записать как можно больше сведений. И главное, карты, их курс, их встречи... Я не сомневаюсь, что у них были встречи с кислородными, как мы, людьми.

Из переговоров с чужими выяснилось, что они могут задержаться на земные сутки. Люди, подстегнутые специальными лекарствами, работали совершенно неистово и не уступали неистощимой энергии быстрых серых жителей фторной планеты.

Переснимались учебные книжки с картинками и словами, тут же записывалось звучание чужого языка. Передавались коллекции с минералами, водами и газами в стойких прозрачных ящиках. Химики обеих планет старались понять значение символов, выражавших состав живых и неживых веществ. Афра, бледная от усталости, стояла перед диаграммами физиологических процессов, генетическими схемами и формулами, схемой эмбриологических стадий развития организма обитателей фторной планеты. Беско-

нечные цепочки молекул фторостойких белков были в то же время изумительно похожи на наши белковые молекулы: те же фильтры энергии, те же ее плотности, возникшие в борьбе живой материи с энтропией.

Прошло двадцать часов. В галерее появились Тэй и Кари; едва живые от усталости, они несли ленты звездных карт, отражавших весь путь «Теллура» от Солнца к месту встречи. Чужие заспешили еще больше. Фотомагнитные ленты памятных машин землян записывали расположение незнакомых звезд, обозначенные неведомыми знаками расстояния, астрофизические данные, перекрещивавшиеся сложными зигзагами пути обоих белых кораблей. Все это должно было быть потом расшифровано по подготовленным заранее чужими таблицам объяснений.

И, наконец, люди не удержались от радостных восклицаний. Сначала у одной, потом у другой, третьей, четвертой, пятой звезды на экране появились увеличенные кружки, в которых завертелись планеты.

Изображение неуклюжего, пузатого звездолета сменилось целой стайей других, более изяшных кораблей. На опущенных из-под их корпусов овальных платформах стояли в своих скафандрах существа — несомненные люди. Знак атома с восемью электронами — кислорода — увенчивал изображение планет и кораблей, но звездолеты на схеме соединялись только с двумя из изображенных планет: одной, расположенной близко к красному большому Солнцу; другой, вращавшейся вокруг яркой золотистой звезды спектрального класса Эф. По-видимому, жизнь на планетах трех других звезд, тоже кислородная, еще не достигла высокого уровня, позволявшего выход в космос, или мыслящие существа еще не успели появиться там.

Выяснить это людям Земли не удалось, но в их руках были неоценимые сведения о путях, ведущих к этим населенным мирам, отдаленным на многие сотни парсеков от места встречи звездолетов.

Пора было расставаться.

Экипажи обоих звездолетов выстроились друг перед другом за прозрачной стеной. Бледно-бронзовые люди Земли и серокожие люди фторной планеты, название которой осталось неясным землянам. Они обменивались ласковыми и грустными жестами, улыбками и обоюдными понятными взглядами умных, внимательных глаз.

Небывалая острая тоска овладела людьми «Теллура». Даже отлет с родной Земли, с тем чтобы вернуться семь веков спустя, не казался такой болезненно невозвратимой утратой. Нельзя было примириться с сознанием, что еще несколько минут — и эти красивые, странные и добрые люди навсегда исчезнут в космических безднах, в своем одиноком и безнадёжном искании родной по природе мыслящей жизни.

Может быть, только теперь астролетчики полностью, всем существом поняли, что самое важное во всех поисках, стремлениях, мечтах и борьбе — это человек. Для любой цивилизации, любой звезды, целой Галактики и всей бесконечной вселенной главное — это человек, его ум, чувства, сила, красота, его жизнь!

В счастье, сохранении, развитии человека — главная задача необъятного будущего, после победы над Сердцем Змеи, после безумной, невежественной и злобной расточительности жизненной энергии в низкоорганизованных человеческих обществах.

Человек — это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, то есть к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств.

Командир чужих сделал какой-то знак. Тотчас же молодая женщина, которая демонстрировала красоту обитателей фторной планеты, рванулась в сторону, где стояла Афра. Широко раскинув руки, она прижа-

лась к перегородке в стремлении обнять прекрасную женщину Земли. Афра, не замечая катившихся по щекам слез, распласталась на прозрачной стене, как бьющаяся о стекло пленная птица. Свет у чужих потух, и почерневшее стекло стало пучиной, в которой потонули все порывы землян.

Мут Анг приказал включить земное освещение, но галерея по ту сторону перегородки оказалась пуста.

— Наружная группа, надеть скафандры для отсоединения галерей! — властно ворвался в тоскливое молчание голос Мут Анга. — Механики — к двигателям, астронавигатор — в пост управления! Всем подготовиться к отлету!

Люди разошлись из галерей. Унесли приборы. Только Афра, освещенная тусклым светом из открытого бортового люка, стояла в неподвижности, будто скованная ледящим холодом межзвездных пространств.

— Афра, мы закрываем люк! — окликнул ее Тэй Эрон откуда-то из глубины корабля. — Хочется проследить за их отлетом.

Молодая женщина вдруг очнулась и с криком: «Стойте! Тэй, стойте!» — побежала к командиру. Удивленный помощник стоял в недоумении, но Афра вернулась очень быстро. Рядом с ней бежал Мут Анг.

— Тэй, прожектор в галерею! Вызовите техников, экран установите назад! — распоряжался на бегу командир.

Люди заторопились, как при аварии. Сильный луч пробился в глубину галерей и замигал с теми же интервалами, как луч локатора «Теллура» в первый момент встречи кораблей. Чужие, прервав работы, появились в галерее. Земляне зажгли голубой свет «430». Дрожащая Афра склонилась над рисовальной доской, отражавшей на экране торопливые наброски биолога. Двойные спиральные цепочки механизмов наследственности должны были быть в общем одинаковыми у земных и фторных людей. Изобразив их, Афра нарисовала диаграмму обмена веществ в человеческом организме, сводящуюся к одинаковому превращению лучистой энергии звездных светил, добытой

через растения. Молодая женщина оглянулась на неподвижные серые фигуры и накрест перечеркнула атом фтора с его девятью электронами, поставив вместо него кислород.

Чужие дрогнули. Командир выступил вперед и вплотную приблизил лицо к прозрачной перегородке, вглядываясь громадными глазами в неловкие чертежи Афры. И вдруг поднял надо лбом сцепленные в пальцах руки и низко склонился перед женщиной Земли.

Они поняли то, что только намеком в последний момент расставания родилось в мозгу Афры и, вызванное тоскою разлуки, осмелилось вырваться. Афра думала об изменении, дерзкой замене химических превращений, приводивших в действие весь величайшей сложности организм человека. Путем воздействия на механизм наследственности заменить фторный обмен веществ на кислородный! Сохранить все особенности, всю наследственность фторных людей, но заставить их тела работать на иной энергетической основе. Эта гигантская задача была еще так далека от возможности своего осуществления, что даже семь веков разлуки «Теллура» с Землей, веков непрерывного нарастания успехов науки, вряд ли намного приблизят ее решение.

Но как бесконечно много могут сделать соединенные усилия обеих планет! Если же к ним присоединятся и другие мыслящие собратья... фторное человечество не пройдет бесследной тенью, затерявшейся в глубинах вселенной.

Когда люди разных планет с неисчислимых звезд и галактик неизбежно соединятся в космосе, серокожие обитатели фторной планеты, может быть, не будут отверженцами из-за редчайшей случайности строения своих тел.

И, может быть, тоска неизбежной разлуки и утраты была преувеличенной? Недоступно далекие по строению своих планет и тел, фторные люди и люди Земли похожи в жизни и уже совсем близки в разуме и чувствах Афре, смотревшей в огромные раскосые глаза командира белого звездолета, казалось, что все

это она прочла в них. Или это было только отражением ее собственных мыслей?

Но чужие, видимо, обладали той же верой в могущество человеческого разума, которая была свойственна людям Земли. Вот почему даже робкая искра надежды, высказанной женщиной-биологом, так много значила для них, что их приветственные жесты более не походили на знак прощания, а ясно говорили о будущих встречах.

* * *

Оба звездолета медленно расходились, опасаясь повредить друг друга силой своих вспомогательных моторов. Белый корабль на минуту раньше окутался облаком слепящего пламени, за которым, когда оно угасло, не оказалось ничего, кроме тьмы космоса.

Тогда и «Теллур», осторожно разогнавшись, вошел в пульсацию, которая служила как бы мостом, сокращавшим прежде необозримую длину межзвездных путей. Надежно укрытые в защитных футлярах люди уже не видели, как укорачивались летевшие навстречу световые кванты и далекие звезды впереди голубели и делались все более фиолетовыми. Потом звездолет погрузился в непроницаемый мрак нулевого пространства, за которым цвела и ждала горячая жизнь Земли.

Словарик по рассказу «АФАНЕОР, ДОЧЬ АХАРХЕЛЛЕНА»
(В порядке последовательности в тексте)

Рег — равнина в пустыне, покрытая крупным или мелким гравием и обдута ветром от песка и пыли.

Уэд — сухое русло временного потока.

Туареги (в единственном числе — тарги) — кочевые берберы Сахары.

Тамашек — разговорный язык туарегов.

Гурд — одиночная песчаная дюна.

Адрар — горы.

Тассили (по-арабски — хаммада) — каменистое выровненное плато.

Тифинар — письменность туарегов, восходящая к очень древним временам и не имеющая аналогов в других языках Африки и Европы.

Имрады (единственное число — амрид) — вассалы или крепостные благородных туарегов — ихаггаренов.

Харатины — рабы туарегов и вообще кочевников Сахары.

Танезруфт — равнинная местность, лишенная воды и растительности, покрытая преимущественно песком. Здесь подразумевается Танезруфт — собственное географическое название для гигантской безводной равнины в Южной Сахаре.

Тенере — то же, что и танезруфт, только более ровная местность без воды, совершенно мертвая.

Тибести — горный массив на востоке Центральной Сахары.

Таманрассет — наиболее значительный населенный пункт в Центральной Сахаре. Местопребывание военного губернатора области.

Эрг — обширная впадина, покрытая песчаными дюнами (барханами).

Себхра (или себха) — засоленная впадина, большой солончак, иногда болото с соленой грязью.

Тефелест — высокий вулканический массив в Центральной Сахаре. Прежде считался священным и недоступным обиталищем духов.

Эннери — сухое русло (уэд) в Тибести.

Фаланги — ядовитые большие пауки, могущие прыгать.

Азалай — большой караван в несколько тысяч верблюдов.

Ахаггар (также Хоггар) — большой горный массив в Центральной Сахаре.

Мехари — порода белых беговых верблюдов (одногорбых), отличающихся крупными размерами и очень высоким ростом.

Агельман — озерко с пресной водой.

Серир — равнина, как рег, но покрытая галькой всех размеров.

Мерайя (мерие) — зеркало. Так называются высохшие соляные озера, сильно отражающие свет, иногда площади, покрытые кристалликами гипса.

Примечание. Другие берберские и арабские названия получили объяснение по ходу изложения в тексте.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрта Ворона (Хюндустыйн Эг) .	3
Последний Марсель	56
«Катти Сарк»	87
Афанеор, дочь Ахархеллена . .	138
Cor Serpentis (Сердце Змеи)	214

Ефремов Иван Антонович

ЮРТА ВОРОНА

Редактор *С. Жемайтис*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *А. Коняшина*

A08890 Подп. к печати 29/XII 1959 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 4,5$ бум. л. =
= 14,76 печ. л. 14,4 уч.-изд. л.

Заказ 2104. Тираж 200 000 (15 000 +
+ 75 000 + 75 000 + 35 000 — 1-й завод
от 3-го массов. тиража).

Цена 5 р. 85 к.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия».

Москва, А-55, Суцевская, 21.

5 р. 85 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ